

COLECCION
DEL
MUSEO
RUSO

Д Sociedad Argentina
Dostoievski

ОБРАЗ МЫСЛИ

актуальные вопросы русско-испанского
и испано-русского перевода

MODOS DE PENSAR

Cuestiones actuales de traducción
Ruso-Español / Español-Ruso

Материалы Первой международной
научно-практической конференции

(6–7 сентября 2019 года,
Испания, г. Малага)

Санкт-Петербург
2020

УДК 81'25 : [811.161.1+811.134.2](063)

ББК 81.2-7

083

**ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ,
ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР»**

Рецензент

Барламов А. Н., д-р филол. наук, проф., ректор
Литературный институт имени А. М. Горького

Редакционная коллегия

Багно В. Е., д-р филол. наук, проф., чл.-корр. РАН, науч. рук.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Гусман Тирадо Р., д-р филол. наук, проф.
Гранадский университет

Коротышев А. В., канд. пед. наук,
МАПРЯЛ

Брунова Н. В.,
МАПРЯЛ

083 **Образ мысли: актуальные вопросы русско-испанского и испано-русского перевода / Modos de pensar: Cuestiones actuales de traducción Ruso-Español / Español-Ruso:** Материалы Первой международной научно-практической конференции (6–7 сентября 2019 года, Испания, г. Малага) [Электронный ресурс] / Ред. кол.: В. Е. Багно, Р. Гусман Тирадо, А. В. Коротышев, Н. В. Брунова. — СПб.: МАПРЯЛ, 2020. — 1 электрон. опт. диск (CD).

Сборник включает тексты докладов участников Первой международной конференции «Образ мысли: актуальные вопросы русско-испанского и испано-русского перевода», прошедшей 6–7 сентября 2019 года в г. Малага (Испания). В статьях рассматриваются проблемы теории и практики перевода литературных произведений с русского языка на испанский и с испанского языка на русский, дается научное описание специального перевода и характеризуется его инструментарий, представляются справочные ресурсы и обсуждаются вопросы подготовки переводчиков. Тексты докладов публикуются на одном из рабочих языков конференции (русский и испанский). Сборник предназначен специалистам в области теории и практики перевода, исследователям русской и испанской литературы и русско-испанских межкультурных связей.

ISBN 978–5–6043747–1–9

© МАПРЯЛ, 2020

© Коллектив авторов, 2020

**1. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ:
МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ**

Практика перевода испаноязычной литературы на русский язык. Практика перевода русскоязычной литературы на испанский язык. Участники процесса перевода: отношения между переводчиками и авторами, между автором и издателями. Образные средства и правила их перевода. Выбор стратегии перевода: форенизация и доместикация. «Видимость» и «невидимость» переводчика. Доступность в переводе.

**1. TEORÍA Y PRÁCTICA
DE LA TRADUCCIÓN LITERARIA:
TENDENCIAS GLOBALES Y
ESCUELAS NACIONALES**

Práctica de la traducción literaria desde otras lenguas al ruso. Práctica de traducción literaria rusa al español. Participantes en el proceso de traducción: relación entre traductores y autores, entre autor y editor. Modos de pensamiento y las reglas de su traducción. Elección de una estrategia de traducción: extranjerización y domesticación. “Visibilidad” e “invisibilidad” del traductor. Accesibilidad en la traducción.

ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА УРОВНЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Статья посвящена межкультурной коммуникации на уровне звучащей речи, параметры которой активно влияют на ситуацию общения. Для выражения эмоциональных состояний каждый язык обладает набором национально-специфических средств, способных окрашивать высказывание вне зависимости от его лексического наполнения. Анализ проводится на уровне ритмических параметров и мелодических знаков на материале трех языков: русского, немецкого, испанского.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; ритмические и мелодические параметры речи.

ESENCIA DE LOS OBSTÁCULOS EN LA COMUNICACIÓN INTERCULTURAL AL NIVEL DEL HABLA ORAL

El interés continuo al proceso de la comunicación intercultural determina las investigaciones intensas en diferentes niveles de la lengua, dirigidas al proceso de la comunicación y en el aspecto comparativo. Con esto la lingüística se une con un conjunto de las ciencias que le permite realizar estudios de la conducta verbal en general. Sin embargo, a la hora de establecer metas se nota la desestimación de las regularidades del habla oral a lo que contribuye el mecanismo poco desarrollado de la investigación de este fenómeno. En la situación de la comunicación verbal intercultural los parámetros del habla oral influyen activamente en la situación comunicativa. A la vez exactamente esta rama es poco descrita desde el punto de vista del diálogo intercultural. Al mirar al problema de adecuación de la percepción, y por lo tanto la comunicación, los medios del habla oral se ven a menudo fuera del asunto. Al mismo tiempo se cree que los hablantes se comunican sin alterar los rasgos del habla oral extranjera, y si estas alteraciones tienen lugar, no influyen en el proceso de la comunicación aún en el aspecto emocional. Esto demuestra que los investigadores abstraen el material de la lengua de la situación comunicativa real. En la situación real de la comunicación intercultural como en la comunicación en la lengua nativa, los medios del habla oral representan el camino por el que sigue la comunicación tanto en el aspecto cognitivo como en el emocional. Dichos parámetros no salen al nivel de la conciencia de los hablantes, pero en el caso de su alteración influyen de un modo esencial en la situación comunicativa coloreándola en el tono diferente a pesar de lo que quieren los participantes de la comunicación. Es importante tomar en cuenta el hecho de que la comunicación natural consiste en lo siguiente: los parámetros del habla oral pueden añadir los matices o significados adicionales a la información transmitida contrapuestos al significado

de las unidades léxicas que la forman. Por ejemplo, en la situación de la transmisión de la información por los medios de otra lengua la tarea del intérprete en la comunicación consiste en primer lugar en entender la información en todos los significados desde el punto de vista del carácter de su presentación, después en tomar la decisión sobre el carácter del matiz fonostilístico a la hora de traducir. Sin duda este proceso requiere buena toma de conciencia sobre los parámetros del habla oral extranjera en el aspecto emocional.

La componente emocional de la comunicación: fuentes de los obstáculos

En términos del desarrollo de la teoría lingüística las investigaciones de la emotividad del habla oral estaban en la sombra mucho tiempo. Esta circunstancia reflejaba el punto de ruta de la tradición europea cultural hacia la comprensión racional del mundo. La emotividad que tenía que ser superada y dominada por la inteligencia no podía ser el objeto de la ciencia de la lengua. A esa posición contribuía también la tradición de apoyar en el texto escrito. Al final resultó que la investigación de la emotividad se estaba llevando a cabo en el campo de psicología. Hoy el interés hacia el hablante (y el que percibe el habla) ha determinado el giro de la lingüística hacia los medios expresivos de la lengua. La emotividad es la componente imprescindible de la comunicación verbal. Los parámetros del habla oral se perciben en una manera emocional y esto se refiere a cualquier estilo del habla.

Sobre todo, hay que determinar el lugar de la emotividad como de la componente del proceso comunicativo. Desde el punto de vista lingüístico se puede hablar del vocabulario emocionalmente coloreado, de las alteraciones de las normas de sintaxis en el habla que transmiten el estado emocional de hablante. En el texto literario este estado a menudo se marca de un modo descriptivo. A la hora de transmitir la atención del investigador hacia la comunicación verbal se hace evidente la necesidad de otro enfoque hacia el análisis de la emotividad en el habla. La investigación de este fenómeno es posible sólo junto con el enfoque interdisciplinario, dicho más exacto el enfoque psicolingüístico ya que este enfoque estudia el habla desde la posición de la persona que percibe y que habla. Desde el punto de vista psicolingüística el habla siempre lleva el carácter emocional. Si la enunciación de habla según sus parámetros puede ser clasificado como así llamado el estilo neutral, entonces este hecho puede dar muestras del dominio del hablante de este estilo y de su intención de realizarlo, pero por sí mismo este hecho no presenta la información sobre el estado emocional real del hablante. Aún más, dicho estilo neutral no puede ser relacionado directamente con algún estado emocional del hablante. Él demuestra en primer lugar su cultura de habla. Aún respecto a las enunciaciones neutrales de habla donde los medios expresivos deben ser presentados al nivel mínimo, se puede ver su percepción negativa como de pasiva, indiferente habla, independientemente de su contenido o contradicción hacia la enunciación. Los datos experimentales

demuestran que el estilo neutral no es atributivo para los nativos en términos de la realización destinada. El experimento ha dado la oportunidad de recibir los textos orales realizados por los hablantes “ingenuos” de la lengua (ruso y alemán) con los mismos rasgos de edad, sexo y educación en tres variantes (con tres modelos): “neutral”, “positivo”, “negativo”. En el proceso de la percepción de los textos leídos por los hablantes nativos (rusos), este estilo era valuado como uno con el matiz negativo en la mitad de los casos, que a su vez puede depender del nivel de la “neutralidad” a la hora de realizar el texto. La inseguridad determinada se veía tanto en los locutores como en los expertos que realizaban la tarea con el modelo neutral, al mismo tiempo el modelo estaba bastante claro. Las conclusiones comunes según los resultados y datos obtenidos son las siguientes: el carácter neutral del habla extranjera, en este caso alemana, no se reconocía de la misma forma. Los textos marcados emocionalmente en parte fueron percibidos con el signo contrario, esto se refiere sobre todo a los textos “positivos”. Los expertos informaron que podían percibir el habla “emocionalmente agitada”, pero dentro de ella se veía difícil para ellos reconocer el habla “positiva” y “negativa”¹. El reconocimiento del estilo neutral del habla oral extranjera requiere la capacidad desarrollada, lo mismo se refiere al dominio del estilo neutral en el habla oral extranjera.

Para cada par de las lenguas dadas se puede establecer las condiciones y carácter de la percepción del habla oral de una lengua en la comparación con la otra, el carácter de las unidades básicas de la percepción emocional del habla. Para nosotros tal teoría es tesis sobre la emotividad de E. N. Vinarskaya — complejos de timbre expresivo del habla, que emergen en las etapas iniciales de la ontogénesis del habla y funcionan en el proceso de generar y percibir el habla de una persona adulta². La comparación de estos complejos puede explicar las premisas del carácter emocional de la percepción del habla. Los parámetros responsables de la transmisión del estado emocional en el habla son, en primer lugar, los rasgos melódicos de las sílabas tónicas para las que nosotros usamos el término “signo melódico”, frecuencia de los signos melódicos ascendentes y descendentes, los parámetros rítmicos del habla.

Para el par de las lenguas rusa y alemana los cambios de estos signos para la transmisión de los estados emocionales positivos con el incremento del nivel de este estado emocional son los siguientes: para tranquila (no intensa) habla rusa es típica la distribución igual de las sílabas tónicas a la distancia de 2–3 sílabas. En la lengua rusa en el habla menos intensa en general el tono se cae en las sílabas que están en la mitad de la frase, y el tono culminante se cae en la última sílaba. La alteración de estas normas, que sucede más probable hacia el aumento de las distancias, crea el sentido de enfado, amenaza y otros sentidos negativos. Si la intensidad incrementa, el ritmo del habla rusa incrementa también. El aumento de la cantidad de los signos melódicos ascendentes confirma el aumento la emotividad positiva en el habla. Los estados negativos se expresan con la participación de las melodías descendentes.

Respecto al habla oral alemana en general se puede hacer el resumen que la frecuencia de las sílabas tónicas que supera los índices medios, señala el aumento de la intensidad emocional y del carácter negativo de esta intensidad. Estas muestras acentuadas destruyen el modelo habitual del habla “neutral” y crean cierta inquietud, la intensidad negativa. Al crecer el ánimo positivo del hablante o su deseo de demostrarlo en el habla (por ejemplo, en los textos orales de los anuncios) se nota la tendencia hacia la disminución de la parte de las sílabas tónicas con el signo melódico ascendente y el aumento de los signos melódicos al final de los grupos rítmicos³.

Los resultados del análisis auditivo del habla oral española dan la oportunidad de concluir lo siguiente:

- en el habla de los españoles en la expresión de las emociones positivas predomina el signo de la ascendencia de tono en las sílabas tónicas;
- la emoción negativa en el habla de los españoles puede ser expresada por la descendencia del tono de la voz en las sílabas tónicas;
- la ausencia de las emociones en el habla de los españoles puede ser expresada tanto con la ascendencia del tono de la voz como con la descendencia del tono en las sílabas tónicas.

En la realización de la comunicación intercultural, que es la tarea de interpretación, el papel del intérprete en términos de la realización de toda la información transmitida por el habla oral es fundamental. Esta habilidad viene con suficiente experiencia, pero los datos de los estudios comparativos en el campo de los medios fonostilísticos y expresivos pueden ser utilizados con éxito para desarrollar las habilidades profesionales.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Величкова Л. В., Абакумова О. В., Петровиченко Е. В. и др. Проект «Психолингвистическое изучение звучащей речи» // Вопросы психолингвистики. 2017. № 3(33). С. 240–255.

² Винарская Е. Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). 2-е изд. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 171 с.

³ Кириченко Н. В. Эмоциональность звучащего рекламного текста (на материале немецкой телевизионной рекламы). Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронежского гос. ун-та, 2012. С. 81–84.

Abakumova O. V.

Voronezh State University, Russia

THE ESSENCE OF INTERFERENCE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION AT THE LEVEL OF SOUNDING SPEECH

The article is devoted to intercultural communication at the level of sounding speech, the parameters of which actively influence the situation of communication. For the expression of emotional states, each language has a set of culture-specific means capable of coloring an expression, regardless of its lexical content. The analysis is carried out at the level of rhythmic parameters and melodic signs (characteristics of the main-stressed syllables) using the materials of three languages: Russian, German and Spanish.

Keywords: intercultural communication; rhythmic and melodic parameters of speech.

Берри Марина

*Национальный научный и технический
исследовательский совет, Университет Буэнос-Айреса,
Национальный университет
Генерала Сармьенто, Аргентина*

marinaberri@gmail.com

ДОМЕСТИКАЦИЯ, ФОРЕНИЗАЦИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ В ДВУХ ПЕРЕВОДАХ «ШИНЕЛИ»

В данной работе мы сравниваем два перевода на испанский язык повести Гоголя «Шинель», отталкиваясь от теории норм и эксплуатаций Патрика Хэнкса (2013). Целью исследования является определить, какую тенденцию — к доместикации или к форенизации — демонстрируют переводы с точки зрения отдельного лексического аспекта, а именно присутствия норм и эксплуатаций. Мы утверждаем, что необходимо принимать во внимание не просто количество эксплуатаций, имеющих в переводе, а именно причину их использования (в частности, присутствует ли эксплуатация в оригинале или она появляется, чтобы отразить норму русского языка при переводе на испанский язык).

Ключевые слова: доместикация; форенизация; эксплуатация; норма.

DOMESTICACIÓN, EXTRANJERIZACIÓN Y EXPLOTACIONES EN DOS TRADUCCIONES DE «ШИНЕЛЬ»

1. Introducción

En un estudio ya clásico, Lawrence Venuti¹ ha identificado y problematizado dos estrategias opuestas que existen en traducción. La primera, la domesticación, apunta a invisibilizar al traductor y consiste en reducir cualquier elemento extranjerizante a una construcción habitual en la lengua de llegada. La segunda estrategia, la extranjerización, busca conservar la sintaxis y la semántica propias de la lengua de partida en el texto traducido. Por otra parte, la Teoría de las Normas y las Explotaciones (de aquí en más TNE), desarrollada por Patrick Hanks², se plantean los conceptos de norma y explotación. Según la propuesta de Hanks, en las lenguas existen dos sistemas de reglas interrelacionados. Un primer sistema está conformado por las normas, que son los modos en que las palabras se usan de modo habitual e idiomático, es decir, se corresponden hasta cierto punto con «construcciones habituales en la lengua de llegada». Específicamente, las normas de las palabras son significados asociados a patrones de uso típico. Por ejemplo, la norma de *descongelar* es *[[Humano]] descongela [[objeto físico]]*. Un segundo sistema lo constituyen las explotaciones de esas normas, es decir, el modo en que los hablantes transgreden las convenciones para decir cosas nuevas. Así, por ejemplo, en la traducción de López-Morillas *descongelar las facultades y aptitudes* *[[de los oficinistas]]* constituye una explotación

de la norma de *descongelar*, dado que facultades y aptitudes no constituyen objetos físicos. En este sentido y si bien la estrategia extranjerizante hace uso de otros recursos, puede plantearse que muchas de las construcciones extranjerizantes que se observan en las traducciones corresponden a explotaciones en la lengua de llegada.

En este trabajo me propongo considerar dos traducciones de «Шинель» (1843), de Nikolái Gógol, a partir de las nociones de norma y explotación. El objetivo es probar que las explotaciones constituyen un recurso específico que contribuye a la estrategia de extranjerización y que a su vez la noción de explotación permite evaluar, de manera concreta y en relación con cierto aspecto del léxico, qué traducción es más extranjerizante. Se busca así colaborar desde la teoría léxica a los estudios de traducción.

Para cumplir este objetivo, se analizaron en una primera instancia dos traducciones de «Шинель»: la de Juan López-Morillas³ y la de Víctor Gallego⁴. Luego se marcaron de manera intuitiva aquellos fragmentos que constituyeran una explotación de la norma española relativa a una determinada palabra. La intuición se verificó mediante la consulta de repertorios lexicográficos del español⁵, del corpus Spanish Web 2011, disponible en Sketch Engine⁶, lo que permitió también descartar aquellos casos seleccionados erróneamente mediante la intuición. En una segunda etapa, se contrastaron estos fragmentos con el original para determinar una de las tres posibles causas de la explotación en el texto traducido: (a) en ruso hay una explotación realizada por Gógol, (b) en ruso hay un uso que responde a una norma que, al traducirse con cierto grado de literalidad, se vuelve una explotación en español, (c) en ruso se observa el uso de una voz que tiene un equivalente en español con una norma paralela, pero de todas maneras se traduce en español mediante una explotación. Finalmente se contabilizaron las explotaciones y se ponderó la causa, lo que permitió determinar el grado de extranjerización de las traducciones respecto de la dimensión léxica estudiada.

El análisis permite poner de manifiesto que las explotaciones constituyen una estrategia que contribuye a la extranjerización del texto, en particular aquellas explotaciones que corresponde a la causa (b), es decir, que se realizan en la lengua de llegada con el objetivo de plasmar un uso correspondiente a la norma del ruso. De acuerdo con esta hipótesis, en lo que concierne a un aspecto del plano léxico, es posible concluir con cierta fiabilidad qué traducción es la más extranjerizante.

2. Explotaciones en ambas traducciones

El análisis permitió detectar que hay dos fragmentos que López-Morillas y Gallego plasman como explotaciones. En ambos casos, corresponden a explotaciones en el original, es decir, a la causa (a) (cfr. Tabla 1). El primer

caso constituye un oxímoron, *с варварским спокойствием*, que se traduce también en español como un oxímoron. El segundo constituye una explotación de *оттаять*. Dado que los equivalentes en español tienen una norma paralela a la del ruso, al traducir literalmente se obtiene también una explotación.

Tabla 1

Gógol	López-Morillas	Gallego
«Да, новую», — сказал с варварским спокойствием Петрович.	—Pues sí, nuevo — repitió Petrovich con bárbara calma.	Sí; uno nuevo-repitó Petrovich con brutal tranquilidad.
Все спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натопаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замерзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям.	Su única salvación está en correr lo más que pueden por cinco o seis calles en sus raídos y desmirriados gabanes y luego patalear vigorosamente en el vestíbulo hasta que logran descongelar sus facultades y aptitudes, que se han helado en el camino.	Su única salvación consiste en cruzar lo más rápidamente posible las cinco o seis calles, envueltos en sus ligeros capotes, y luego detenerse en la conserjería, pateando enérgicamente, hasta que se deshuelan todos los talentos y capacidades de oficinistas que se helaron en el camino.

3. Explotaciones en la traducción de López-Morillas

En la traducción de López Morillas hay un mayor número de explotaciones (9) en relación con la de Gallego (4). Se observan otros casos de explotaciones en español que corresponden a explotaciones en el texto original, por tanto a la causa (a), que el texto de Gallego normaliza. En la primera cita de la Tabla 2, la combinación *huracanado resoplido* constituye una explotación que busca dar cuenta de la también extraña construcción rusa (*лошадиная морда (...) напускала ноздрями цельный ветер*). Lo mismo ocurre en el segundo fragmento de la Tabla 2, en el que las heladas dan capirotazos a la nariz y se conserva así la explotación del texto original. En cambio, en el texto de Gallego se normaliza, dado que se elimina la personificación del frío que, en vez de dar golpes, ataca (una metáfora fosilizada en la lengua y registrada ya en repertorios lexicográficos).

Sin embargo, en el texto de López-Morillas hay otras explotaciones que obedecen a la razón (b), es decir, que se realizan para transponer al español normas del ruso, como puede verse en la Tabla 3. Así, se explota la norma de equivalentes parciales de voces en español para plasmar algo que en ruso es una norma, lo que le da a la traducción un matiz extranjerizante. Por

Tabla 2

Gógol	López-Morillas	Gallego
(...) и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала поздрами целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы.	(...) solo si el hocico de un caballo surgido de Dios sabe dónde viniera a posarse en su hombro y lanzar por la nariz un huracanado resoplido sobre su mejilla, se daría cuenta de que no estaba en medio de un renglón, sino en medio de la calle.	Y solo cuando se le ponía sobre el hombro el hocico de algún caballo y este le soplabla en la mejilla con todo vigor , se daba cuenta de que no estaba en medio de una línea, sino en medio de la calle
В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки без разборю по всем носам , что бедные чиновники решительно не знают, куда девать их.	A las nueve de la mañana, cabalmente a la hora en que las calles están llenas de funcionarios que se dirigen a sus departamentos, esas heladas empiezan a dar tales capirotaos a toda nariz , sin excepción alguna, que esos pobres individuos no saben dónde meterla.	Pasadas las ocho, la hora en que van a la oficina los diferentes empleados del Estado, el frío punzante e intenso ataca de tal forma las narices sin elección de ninguna especie, que los pobres empleados no saben cómo resguardarse.

ejemplo, el verbo *derramar* se emplea para traducir el verbo *сыпam*. *Derramar* toma como objeto directo nombres que designan líquidos y algunas sustancias pequeñas, siempre y cuando estos nombres —con la excepción de *lágrima* y de algunos nombres abstractos, como *bendición*— sean no contables. Por lo tanto, *derramar papelitos* constituye una explotación. En cambio, en la traducción de Gallego el mismo fragmento se traduce como *tirar papelitos*, que constituye una coaparición frecuente en español y responde a la norma de *tirar*, es decir, se adapta la construcción extranjerizante traduciendo como una construcción más habitual en español. De manera similar, López Morillas hace uso de una explotación del verbo *indultar* para traducir el segundo fragmento de la Tabla 3, mientras que Gallego normaliza la construcción utilizando el verbo *maltratar*, que suele coaparecer con *tiempo* en español. La decisión parece consciente, dado que existe una metáfora paralela en español con el verbo *perdonar*. La traducción que realiza López-Morillas de *залезть в душу* por *bucear en la mente*, si bien más discutible, parece obedecer a la misma razón y se ve también normalizada en Gallego (*penetrar en el alma*).

Pero, además, en la traducción de López-Morillas se observan explotaciones que obedecen a la causa (c). En este sentido, se intenta dar cuenta de

Tabla 3

Gógol	López-Morillas	Gallego
[Молодые чиновники] сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом.	[los funcionarios jóvenes] derramaban sobre su cabeza trocitos de papel, diciéndole que eran nieve	[los funcionarios jóvenes] le tiraban sobre la cabeza papelitos, diciéndole que se trataba de copos de nieve
Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее, по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок; как можно реже отдавать прачке мыть белье, а чтобы не занасивалось, то всякий раз, приходя домой, скинуть его и оставлять в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем .	Akaki Akákievich lo estuvo pensando y pensando y decidió que sería necesario reducir sus gastos ordinarios durante un año por lo menos: dejaría de tomar una taza de té al anochecer y, también, llegada la noche, dejaría de usar bujías; y en caso de tener algún trabajo que hacer, iría al cuarto de su patrona y trabajaría a la luz de la bujía de ésta; al ir por la calle andaría casi de puntillas, pisaría lo más ligeramente posible en adoquines y baldosas para no desgastar demasiado pronto las suelas de sus botas; daría su ropa interior a la lavandera lo menos frecuentemente posible, y estaría seguro de no gastarla, quitándose la tan pronto como volviera a casa y utilizando sólo su bata de algodón asargado, vieja prenda que el tiempo mismo había indultado .	Akakiy Akakievich pensaba, pensaba, y finalmente llegó a la conclusión de que era preciso reducir los gastos ordinarios por lo menos durante un año, o sea dejar de tomar té todas las noches, no encender la vela por la noche, y si tenía que copiar algo, ir a la habitación de la patrona para trabajar a la luz de su vela. También sería preciso al andar por la calle pisar lo más suavemente posible las piedras y baldosas e incluso hasta ir casi de puntillas para no gastar demasiado rápidamente las suelas, dar a lavar la ropa a la lavandera también lo menos posible. Y para que no se gastara, quitársela al volver a casa y ponerse sólo la bata, que estaba muy vieja, pero que, afortunadamente, no había sido demasiado maltratada por el tiempo .
А может быть, даже и этого не подумал — ведь нельзя же залезть в душу человека и узнать все, что он ни думает.	Pero quizás no se dijera nada en absoluto a sí mismo. ¿Cómo puede uno bucear en la mente de otro y saber lo que está pensando?	También puede ser que ni siquiera pensara esto, pues imposible penetrar en el alma de un hombre y averiguar todo cuanto piensa.

peculiaridades del ruso, como el prefijo *no-* para expresar “un poco”, mediante la explotación del verbo *retozar*, que tomo sujeto no animado (*risita*) y un complemento extra (*le retozaba una risita*), con el correspondiente cambio de significado. Del mismo modo, López-Morillas parece querer dar cuenta de la construcción impersonal del ruso mediante una explotación en español *сделалось ему даже стыдно* y traduce en vez *sentirse encogido* en vez de *avergonzarse*.

Tabla 4

Gógol	López-Morillas	Gallego
Наслаждение выразалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался , и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его.	El deleite se dibujaba en su rostro; a algunas letras les tenía especial afición, y cuando se le ofrecía la ocasión de escribirlas, el gozo le ponía fuera de sí: le retozaba una risita , guiñaba los ojos y las ayudaba con los labios, a tal punto que cabría decir que se podía leer en su cara cada letra que su pluma formaba con tanto esmero.	Allí, copiando documentos, se abría ante él un mundo más pintoresco y placentero. En su cara se reflejaba el gozo que experimentaba. Algunas letras eran sus favoritas, y cuando daba con ellas estaba como fuera de sí: sonreía , parpadeaba y se ayudaba con los labios, de manera que resultaba hasta posible leer en su rostro cada letra que trazaba su pluma.
Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно.	Las felicitaciones y enhorabuenas llovieron sobre él. Al principio, Akaki Akákievich se limitaba a sonreír, luego se sintió un poco encogido.	Empezaron a felicitarle cordialmente de tal modo, que no pudo por menos de sonreír: pero luego acabó por sentirse algo avergonzado.

4. Explotaciones en la traducción de Gallego

En la traducción de Gallego se observan dos explotaciones que López-Morillas, en cambio, traduce mediante construcciones habituales en español. Estas dos explotaciones se ubican al final del relato. La primera se refiere a la causa de muerte de Akaki Akákievich: en vez de simplemente resfriarse, Gallego traduce *надуло ему в горло жабу* por *resfriarse la garganta*. Si bien la expresión en ruso no constituye una explotación, sí constituye un modo coloquial de expresión y la explotación en español puede estar tratando de dar cuenta del tono de esa expresión, que en el texto de López-Morillas pierde ese matiz. Una segunda explotación la constituye el uso de *esparcirse* referido a un fantasma. En este caso, la explotación en español no parece deberse a traducir una explotación en ruso, ni a reflejar una norma del ruso en el texto, dado que *mostrarse*, un equivalente parcial, tiene una norma paralela, es decir, se trataría con claridad de la causa (c).

5. Conclusiones

El análisis ha permitido establecer que, en relación con un aspecto del plano léxico, el de las normas y las explotaciones, la traducción de López-Morillas es más extranjerizante que la de Gallego. Por un lado, se emplean en general más explotaciones en la traducción de López-Morillas que en la de Gallego que obedecen a la causa (a). Pero son sobre todo las explotaciones

Tabla 5

Gógol	López-Morillas	Gallego
Вмиг надуло ему в горло жабу , и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель.	En un abrir y cerrar de ojos (el viento) le afectó la garganta , y cuando por fin llegó a casa, sin poder articular una sola palabra, inflamado todo él, se acostó.	En un instante se resfrió la garganta y contrajo una angina. Llegó a casa sin poder proferir ni una sola palabra: tenía el cuerpo todo hinchado y se metió en la cama.
С этих пор будочники получили такой страх к мертвецам, что даже опасались хватать и живых, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» — и мертвец-чиновник стал показываться даже за Калинкиным мостом, наводя немалый страх на всех робких людей.	Desde entonces los policías cobraron tanto miedo a los muertos que incluso se asustaban de prender a los vivos, limitándose a gritarles desde lejos: «¡Eh, tú, mueve los pies y no te pares!»; y el fantasma del funcionario empezó a aparecer más allá del puente Kalinkin, causando bastante espanto a todas las personas pusilánimes.	Desde entonces los guardas cogieron un miedo tal a los fantasmas, que ni siquiera se atrevían a detener a una persona viva, y se limitaban solo a gritarle desde lejos: «¡Oye, tú! ¡Vete por tu camino!» El espectro del empleado empezó a esparcirse también más allá del puente de Kalenik, sembrando un miedo horrible entre la gente tímida.

Tabla 6

Gógol	López-Morillas	Gallego
Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник?	A veces despuntaba en sus ojos un brillo, y por su cabeza atravesaba como un relámpago la idea más denodada y audaz, a saber, si a fin de cuentas no debería encargarse un cuello de piel de marta.	Hasta a veces en sus ojos brillaba algo así como una llama, y los pensamientos más audaces y temerarios surgían en su mente: «¿Y si se encargase un cuello de marta?»

que obedecen a la causa (b) las que vuelven a la traducción extranjerizante, dado que son construcciones que intenta plasmar una norma del ruso mediante los recursos del español, explotaciones que se encuentran ausentes en Gallego. Traducir mediante explotaciones en español lo que en ruso responde a normas es dar un paso más en el grado de extranjerización, dado que implica no ya darle cabida a las transgresiones lingüísticas que realiza un autor sino a construcciones propias de la lengua de partida en la lengua de llegada. Este tipo de recurso contribuiría a *traducir la letra* del texto, en términos de Berman⁷, y a evitar una traducción etnocéntrica al conservar las “extranjerías” léxico-gramaticales de la lengua de partida. Un análisis de

otros aspectos podría comprobar esta tendencia extranjerizante de manera más general. Así, por ejemplo, en el texto de López-Morillas se observa la búsqueda de plasmar en español ciertos modos de la lengua rusa, como el que caracteriza al verbo *мелькать*, que en Gallego son normalizados, como puede verse en la Tabla 6.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. Londres: Routledge, 1995.

² Hanks P. *Lexical Analysis. Norms and exploitations*. Cambridge: The MIT Press, 2013.

³ Gógol N. *El abrigo // Historias de San Petersburgo / Traducción de Juan López-Morillas*. Madrid: Alianza editorial, (1843) 1998.

⁴ Gógol N. *El capote / Traducción de Víctor Gallego*. Madrid: Nórdica Libros (1843), 1999.

⁵ VOX: Se consultó el Diccionario de uso del español de América y España (Barcelona: Vox, 2003), el Diccionario Redes (Madrid: SM, 2003) y el Diccionario Clave. URL: <http://clave.sm-diccionarios.com/app.php>.

⁶ El Sketch Engine (<http://www.sketchengine.co.uk/>) es un programa que nuclea diferentes corpus y provee diferentes herramientas para explotarlos, entre ellas, los word sketches, que fueron de particular utilidad para este estudio. Los words sketches son descripciones del comportamiento gramatical y colocacional de una palabra, que se generan automáticamente y se basan en corpus.

⁷ Berman A. *La traducción y la letra o el albergue de lo lejano*. Buenos Aires: Dedalus Editores, (1999) 2014.

Berri M.

*National Scientific and Technical Research Council,
University of Buenos Aires;
National University of General Sarmiento, Argentina*

DOMESTICATION, FOREIGNIZATION AND EXPLOITATIONS IN TWO TRANSLATIONS OF «ШИНЕЛЬ»

This paper proposes to compare two translations into Spanish of «Шинель», by Gogol, based on the notion of exploitation proposed by Patrick Hanks (2013). The objective is to determine which of these tendencies -either domestication or foreignization- the translations exhibit if one aspect of the lexicon, the presence of norms and exploitations, is taken as a variable. It is proposed that, in addition to the number of exploitations present in the translation, the cause to which these exploitations respond should be taken into account (in particular, if they are also exploitations in Russian or if they are due to the attempt to translate a rule from Russian into the Spanish text).

Keywords: domestication; foreignization; exploitation; norm; Gógol.

Богданова Ольга Алексеевна,
Корнилова Елена Николаевна

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия*

otheodorova@gmail.com; ekornilova@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА МИСТИКО-РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ДУХОВНОЙ ЛИРИКИ САН ХУАНА ДЕ ЛА КРУС)

Перевод духовной лирики относится к области специального перевода. Религиозная поэзия находится на стыке богословия и литературы, поэтому от переводчика требуется свободное владение богословским и литературным контекстом, знание текстов традиции, а также предварительная реконструкция передаваемой духовно-мистической ситуации, которой посвящен текст. Специфику перевода духовной лирики мы рассматриваем на примере испанского религиозного поэта XVI в. Сан Хуана де ла Крус.

Ключевые слова: испанская поэзия; Сан Хуан де ла Крус; духовная лирика; мистико-религиозная поэзия; специальный перевод.

Сан Хуан де ла Крус (San Juan de la Cruz) — небесный покровитель поэтов, «мистический Учитель», живший и творивший во второй половине XVI века и в начале XVIII века канонизированный папой Бенедиктом XIII, за свою недолгую трагическую жизнь успел создать перво-классные образцы духовной поэзии. Его перу принадлежат богословские трактаты, в которых он стремится перевести на язык аскетичной прозы и холодного логоса вдохновенные строки своих стихотворений, продиктованных, по собственному утверждению поэта, Святым Духом. Вдохновенная и просветленная лирика святого Хуана, мученика и реформатора церкви, привлекала внимание многих русских поэтов и переводчиков: Дмитрия Мережковского, Анатолия Гелескула, Бориса Дубина, Валерия Перелешина и других.

Перевод средневековой духовной лирики на современные языки — непростая задача, которая требует специальных знаний. Ее особый мистико-символический язык восходит к самым ранним образцам христианского мистицизма и отталкивается от библейских текстов. Религиозная мистика опирается на чувственное, внерациональное восприятие Творца и творения и их отношений¹. Верный путь к мистическим прозрениям — экстатические состояния, которых в жизни Святого Хуана было недостаточно. Свои знаменитые «Духовные песни» он создавал в нечеловеческих условиях заключения и постоянных истязаний плетью, голодом, унижениями и запретами². Образы его поэтических видений — Супруг и Супруга, божественный огонь — аллегории Святого Духа, Христа и Троицы, к слиянию с которой стремится человеческая душа, в то время как осиянное любовью Божество открыто навстречу человеку. Любовно-

эротические метафоры в данном контексте крайне уместны, но могут обмануть неопытного читателя. Традиционно, начиная с раннего Средневековья, мистические богословие и поэзия оперируют любовно-эротическими образами, метафорами и лексикой, которые заимствованы из Песни Песней, и эту практику канонизирует средневековый французских богослов и мистик Бернард Клервоский, который предлагает богословское толкование Песни Песней³.

Каждому христианину известно, что Библия повествует о пути спасения. Это история любви, движимый которой Бог создает человека по образу и подобию своему; пример милосердной любви, исходя из которой Бог снизошел до Своего грешного творения, восстановив с ним завет, образец жертвенной любви пришествия самого Спасителя, Сына Божьего, распятого на кресте во искупление человеческих грехов.

Супружеская любовь Христа к каждому творению — это высшая реальность. Любая другая любовь — лишь тень, слабое отражение, детская попытка. Оттого вся священная история проникнута символикой супружеской любви, брак мужчины и женщины становится Таинством, символом более великой, божественной любви, воплощение которой происходит в таинственной встрече человека с Богом. Бог — это Свет и огонь, а божественная любовь воспринимается и трактуется как особый род пламени⁴.

Сан Хуан де ла Крус создает свои мистические откровения именно в русле этой традиции. Монах, выпускник университета Саламанки, реформатор кармелитских монастырей, он творит духовную лирику, но при этом живо ощущает и мастерски использует достижения испанских средневековых и ренессансных поэтов, а также национальный фольклор. Он пишет на современном языке своего народа и, как истинный художник слова, не может не улавливать тенденций любовной рыцарской лирики, традиций народных песен и романсов⁵. Отсюда четкая строфика, прекрасные, многозначные рефрены, энергичная манера глубокого внутреннего диалога Бога и стремящейся к нему Души. Поэтому поэзия Святого Хуана современна.

На наш взгляд, основная специфика и творческая задача перевода поэтических текстов этого рода обусловлена их назначением. Автор ставит перед собой цель передать личный мистический опыт, следовательно, задача переводчика состоит, в первую очередь, в точной передаче авторской экспликации этого опыта, поэтому должен соблюдаться примат смысловых аспектов над аспектами формы, для чего необходима предварительная реконструкция передаваемой духовной/мистической ситуации богообщения. К данной реконструкции мы относим определение ключевых моментов в передаче переживаемого опыта, которые должны оставаться константами при переводе на другой язык, чтобы не возникало искажений мистико-богословской традиции, в данном случае кармелитской школы духовности Испании конца XVI столетия.

На уровне синтаксиса требуется точное соответствие субъектов, поскольку в самой ситуации встречи человека с Богом у каждого из них есть свое место и роль, и их замена может неточно передать меру и степень участия в ней двух субъектов. Недопустимо вводить глагольные формы, которые могут подразумевать присутствие других субъектов, если этого не было в оригинальном тексте. На лексическом уровне важен точный перевод глагольных форм, которые отражают состояния души человека (анализ этих феноменов составляет содержание мистического богословия и является определяющим в понимании человека в его общении с Богом). Так как цель перевода — точная передача процесса встречи, на уровне грамматики замена некоторых глагольных форм может привести к искажению дескрипции акта встречи.

Поскольку событие богообщения обычно передается через принятые в традиции образы и метафоры, от переводчика требуется глубокое знание богословского и литературного контекста. Это важно в ситуациях, когда возникает вопрос о возможности замены тропов, экспликации образов, которые в тексте стихотворения присутствуют имплицитно, либо о возможности их интерпретации в переводе⁶.

Специфику перевода мистико-богословской поэзии мы рассмотрим на примере трех переводов на русский язык стихотворения Сан Хуана де ла Крус «Oh llama de amor viva», которое представляет собой вербализацию живого опыта встречи с Богом, и проанализируем, в какой мере переводческие стратегии Л. Винаровой, Н. Ефанова и С. Куприенко являются корректными и соответствуют обозначенным нами принципам (см. табл.). Анализ метрики выходит за рамки настоящей статьи.

Выделим основные моменты в стихотворении «Oh llama de amor viva». Любовь Бога передана через традиционный в христианских текстах образ пламени. Встреча с Богом описывается через его воздействие: оно нежно ранит душу и проникает до самой ее сердцевины, это мягкий ожог, подаренная рана, нежная рука, деликатное прикосновение, которое знает вечную жизнь и оплачивает все долги. Присутствуют мотивы искупления грехов, умерщвления смерти и ее превращения в жизнь (аллюзии на искупительную Жертву Христа) и изменения чувств: огонь освещает их глубокие пещеры, и чувства более не слепы и не пребывают в темноте (важный для святого Хуана мотив тьмы и ночи души)⁷. Соединение человека с Богом передано через восприятие героя: Бог таинственным образом обитает внутри него, и герой ощущает Его присутствие, дыхание и то, что Он вовлекает его в любовь. Огонь уже не иллюзорен или недостижим, но стал частью опыта.

Перевод Л. Винаровой воспроизводит духовно-антропологическую ситуацию оригинала достаточно точно. Нет подмены субъектов, смещения временных планов и модальностей, текст перевода соответствует оригиналу и не искажает переданный в нем опыт. Сохранены основ-

Таблица. Сравнение трех переводов на русский язык стихотворения Сан Хуана де ла Крус «Oh llama de amor viva»

Окончание таблицы.

Оригинальный текст	Перевод Л. Винаровой:
iOh llama de amor viva que tiernamente hieres de mi alma en el más profundo centro! Pues ya no eres esquiva acaba ya si quieres, írompe la tela de este dulce encuentro!	Огонь живой любви, как сладостно ты ранишь меня до глубины сердца сокровенной! Ты не угаснешь боле, сиять ты не устанешь — сожги преграду к встрече возжеленной!
iOh cauterio süave! iOh regalada llaga! iOh mano blanda! iOh toque delicado que a vida eterna sabe y toda deuda paga! Matando, muerte en vida has trocado.	О счастье ожога! О раны той отрада! О ласковой руки прикосновенье — ты к вечности дорога, и всех долгов уплата, и смерть, и смерти в жизнь преображенье!
iOh lámparas de fuego en cuyos resplandores las profundas cavernas del sentido, que estaba oscuro y ciego, con estraños primores color y luz dan junto a su querido!	О, светочи живые! Безмерное сиянье, что чувств глубины темные омыло, до той поры слепые; и радостною данью — своим теплом и светом одарило!
iCuán manso y amoroso recuerdas en mi seno donde secretamente solo moras, y en tu aspirar sabroso de bien y gloria lleno, cuán delicadamente me enamoras!	Так нежно и смиренно зажегшийся в сознание, лишь ты, огонь, в нем тайно обитаешь... В душе моей блаженной живет твое дыханье, и ты меня любовью наполняешь!

Перевод Н. Ефанова	Перевод С. Куприенко
Любви животворящей пламя, Чьи раны нежностью полны, Ты истерзала глубь моей души, Так, не открыв всей тайны мирозданья. Прервись, как прерывают сны Оставив на губах всю сладость обладанья.	Пылай огонь живой любви, Что мягко щемит грудь. И прикажи в моей крови Желаниям уснуть. Мне остается ждать совсем чуть-чуть.
О нежность песнопений! О язвенные раны одарений! О, мягкость рук! Их тонкое касанье — Вкус вечных жизненных желаний, За долг оплаченных сомнений Смерть убивая, обретёшь дыханье!	О как же сладостна та боль, И свет прекрасных глаз. Я вечен, коль иду с тобой, Свободен от прикрас За то и ты меня от смерти спас.
Лампады зажжены Их свет настолько ярок, Что им потёмки душ освещены, И те, что были слепы, те прозрели И совершенство обрели — Влюблённые в любовь посвящены!	Сияние в пещерах тьмы, Где сонмы чувств слепых. Твоих лампад огонь весны Доходит и до них. Возлюбленный, твой тепл и светел лик.
Ты мягок, кроток и любим Сознанием моим, Где только ты и тайно обитаешь: Тебя мечтаю я вкусить И всё тобой в себе наполнить: Так тонко ты меня в себя влюбляешь!	Мне одному во тьме ночной Ты вторишь нежный вздох. Готов во славе я с тобой, Учить любви урок. И смерть поправить, найдя любви исток.

ные метафоры: раны, ожог, прикосновение, которое открывает дорогу к вечности. Верно передано воздействие на чувства человека, которые до встречи с Богом были слепы, а огонь озаряет их своими теплом и светом, и описание соединения человека с божественным огнем, чье дыхание живет в душе героя и наполняет его любовью. Сохранен мотив прощения (уплаты) грехов, смерти и ее преображения в жизнь.

Следующие два перевода демонстрируют искажение опыта.

В переводе Н. Ефанова смысл первой строфы запутан: синтаксис можно понять таким образом, что раны есть у самой любви. Возникают мотивы, которых нет в оригинальном тексте: в первой строфе — слова о том, что герою не до конца раскрыта тайна мирозданья, обращенная к пламени просьба о том, чтобы оно прервалось⁸. Последняя строка третьей строфы транслирует отсутствующую в оригинале идею о том,

что влюбленность автоматически является гарантией посвящения в любовь.

Перевод С. А. Куприенко построен как обращение к огню живой любви: герой повелевает огнем, а не описывает встречу с ним, причем цель просьбы — угасить в крови все желания, ведь огонь дает «свободу от прикрас». Налицо подмена важной в смысловом отношении синтаксической структуры и ведение мотивов и целеполаганий, которые отсутствуют в оригинале. Просьбу и обращения к огню находим в одном из трактатов Сан Хуана де ла Крус, но правомерно ли переносить их в стихотворение, тем более что в творчестве этого автора проза — это комментарий к поэзии? В третьей строфе введен новый топос — пещеры, в которых находятся слепые чувства. Он является искажением образа пещер чувств, т. е. глубин чувств, и может быть воспринят как аллюзия

на платоновскую пещеру, т. е. включает стихотворение в идейно-философский контекст, для чего нет оснований в тексте оригинала⁹. Принципиально иначе переданы отношения с огнем: огонь спасает от смерти самого героя (исчезает один из основных мотивов — искупления грехов и победы Бога над смертью), в отношениях с огнем герой становится равным партнером, который выражает готовность вместе с ним учить урок любви, а во второй строке последней строфы и вовсе занимает первое место, так что огонь ему «вторит нежный вздох», при этом выделяя героя среди всех остальных людей (в оригинале нет мотива эксклюзивности героя). Налицо искажение ролей субъектов. Еще одна неточность — в передаче действия огня, который всего лишь щемит грудь.

Итак, основную задачу переводчика мы видим в точной передаче описанного в стихотворной форме религиозно-мистического опыта, для чего необходимо выявление его ключевых моментов. Компаративный анализ трех переложений на русский язык стихотворения «Oh llama de amor viva» показал, что к идейным и содержательным отступлениям от текста оригинала и интерпретации присутствующих в нем образов нужно подходить крайне аккуратно, точно выверять варианты их замены с учетом религиозного и литературного контекстов, которым принадлежит стихотворение.

Отдельный вопрос, который, как мы полагаем, следует ставить в связи с переводами мистико-религиозных текстов на уровне лексики, — их корреляция с другими текстами религиозной традиции и с переводами этих текстов на русский язык. В случае с переводом стихотворений Сан Хуана де ла Крус — в какой степени необходимо, чтобы лексика в их переводах соотносилась с лексикой (особенно богословской терминологией и терминами, которыми обозначаются важнейшие категории человеческой личности и феномены духовной жизни) переводов прозы. Далее, в какой степени должно существовать терминологическое соответствие на русском языке для текстов Сан Хуана де ла Крус и других представителей той же духовной школы, например, святой Терезы Авильской, а также других католических богословов и мистиков.

В России переведена духовная поэзия православных авторов — святителя Григория Назианзина, Симеона Нового Богослова и др., в частности, получили широкую известность переводы С. С. Аверинцева. Если речь идет об описании одних и тех же феноменов духовной жизни, надо ли стремиться к унификации терминологии в переводах текстов православной и католической традиции в русле межконфессиональной коммуникации? Как сочетать единство базового вероучительного фонда христиан с необходимым учетом конфессиональных различий религиозного менталитета?

Отдельная группа вопросов касается тех текстов, в которых используются библейские образы и мотивы: должна ли лексика переводов

коррелировать с лексикой, которая используется в русском переводе Священного Писания, и если да, то какой перевод считать основным? Ответы на эти вопросы — темы для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Омэнн Дж.* Христианская духовность в католической традиции. Рим; Люблин: Изд-во Св. Креста, 1994. С. 232–233.

² *Сикари А.* Портреты Святых. Т. 2, Милан, 1991. URL: <https://www.livelib.ru/author/226701-huan-de-la-kruz> (дата обращения: 28.05.2013).

³ *Омэнн Дж.* Указ. соч. С. 131.

⁴ Основания для этого находим в Библии (Исх. 19: 18; 24: 17; Пс. 35: 10, Иез. 1: 27, 8: 2; Ин. 1: 1–5, 8: 12; Деян. 22: 6–11 и др.).

⁵ *Гелескул А.* Поэзия испанский мистиков // Иностранная литература. 1993. № 11 С. 160–165; *Игнатьева М.* Жизнь и стихи Хуана — де ла Крус // Иностранная литература. 2018. № 4. С. 185–192.

⁶ К примеру, в стихотворении Сан Хуана де ла Крус «Cántico espiritual» в ст. 70 аллегорическое описание встречи души с Богом содержит слова «la cena que recrea y enamora». Перевод Л. Винаровой следует за текстом и «сена» передана как «трапеза», а у А. Гелескула стоит «и хлеб, который надвое ломаю». Такая интерпретация допустима в контексте христианской традиции, ведь трапеза в рамках богообщения — это евхаристическая трапеза, один из ключевых элементов которой — преломление хлеба.

⁷ *Омэнн Дж.* Указ. соч. С. 253–255.

⁸ Введение в переводе новых мотивов встречается достаточно часто. Например, в переводе А. Гелескула д стихотворение Сан Хуана де ла Крус «Cántico espiritual» добавлен мотив укора (ст/1–2): «¿Adónde te escondiste, Amado/ y me dejaste con gemido?». Перевод: «Куда мне слать укору, / куда же ты ушел без сожаленья?»).

⁹ «Эти пещеры, — объясняет Иоанн Креста, — суть силы души: память, разум и воля; их глубина соразмерна тем великим благам, какие могут они вместить, чтобы наполнить их, нужна бесконечность...» (*Мережковский Д. С.* Св. Иоанн Креста // Мережковский Д. С. Реформаторы; Испанские мистики. М.: Республика, 2002. С. 28).

Bogdanova O. A., Kornilova E. N.

M. V. Lomonosov Moscow State University, Russia

SPECIFIC OF THE TRANSLATION OF MYSTIC-RELIGIOUS POETRY (FOR EXAMPLE OF THE TRANSLATIONS OF THE LYRICS BY SAN JUAN DE LA CRUZ)

Translation of spiritual lyrics is in the field of unique translation. Religious poetry is at the junction of theology and literature, therefore the translator is required to have a proficiency in the theological, historical and literary context, knowledge of the tradition texts, as well as a preliminary reconstruction of the spiritual and mystical situation to which the text is devoted. We consider the specifics of the translation of spiritual lyrics by the example of the translations into Russian of the Spanish religious poet of the XVI century San Juan de la Cruz.

Keywords: Spanish spiritual poetry; San Juan de la Cruz; spiritual lyrics; mystic-religious poetry; special translation.

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье на материале текстов современных российских писателей Сергея Шаргунова и Захара Прилепина демонстрируются характерные трудности, с которыми сталкиваются кубинские переводчики в процессе перевода современной русской литературы на испанский язык. Автор приходит к выводу, что для точной передачи новых реалий и стандартов поведения важно развивать интуицию переводчика, отслеживать динамику языковых изменений, подробно знакомиться с особенностями описываемой культуры и эпохи. В работе дается обоснование необходимости создания актуализированных глоссариев для переводчиков.

Ключевые слова: трудности перевода; современная русская литература; авторские метафоры; интуиция переводчика.

Целая пропасть во времени отделяет нас от эпохи расцвета советской литературы на Кубе в 70–80-х годах, когда до нас доходили публикации издательств «Прогресс» и «Радуга». Параллельно в те годы наши издательства тоже занимались переводом и изданием произведений русской литературы, не только классической, но и современных авторов того времени.

Весь этот более чем тридцатилетний труд сделал наших переводчиков опытными специалистами, которые в своей ежедневной практике и в профессиональном обмене на месте, а также в рамках сотрудничества с советскими издательствами, усовершенствовали специфические профессиональные навыки и овладели обширным культурным багажом, необходимым в процессе перевода.

Почти двадцать лет русская литература отсутствовала на полках кубинских книжных магазинов. 2010 год был ознаменован возвращением России на кубинские международные книжные ярмарки: Россия была объявлена почетным гостем ярмарки, а кубинский читатель вновь встретился с произведениями современных российских писателей.

Первый шаг в этом направлении был сделан Издательством Arte у Literatura, публикацией сборников «Современная русская проза» и «Россия, живая поэзия», включивших произведения наиболее признанных авторов литературного горизонта русской беллетристики. С тех пор многие переводные произведения талантливых российских авторов вышли в свет или находятся в процессе издания в нашей стране.

Эти книги обозначают новые вехи в контакте между нашей публикой и обширной русской современной литературной продукцией и являются новым вызовом нашим переводчикам, которые в течение длительного

периода находились вне контакта с русским живым языком, а теперь намерены возобновить эту работу.

Сейчас, когда эти тексты оказались в наших руках, мы открыли целый мир новых тем, никогда ранее не затрагиваемых русской и советской литературой. Кроме того, нам открылся и новый язык, обогащенный новыми реалиями, новыми словами, употребляемыми для обозначения уже знакомых явлений или введением многочисленных заимствованных слов.

Охарактеризуем те трудности перевода, с которыми сталкиваются наши переводчики в своей профессиональной деятельности. Приведем несколько примеров. В рассказе «Приключения черни» Сергея Шаргунова, включенном в вышеупомянутый сборник «Современной русской прозы», читаем:

«В полдень я прибыл на Маяковку в «Кофе-хаус»
Я еще не позавтракал и взял сэндвич. Она — американо.
Я приехал в офис.
— Мне капучино, апельсиновый фреш, сэндвич с телятиной и сигареты
„Парламент Лайтс“».

Совершенно очевидно намерение автора создать в своем произведении атмосферу «современности» и новых обстоятельств, в тон современным стандартам поведения. Его герои встречаются не в простом кафе, а в «Кофе-Хаус», он берет не бутерброд, а именно сэндвич, ходит в офис, а не в учреждение или в контору; она же пьет апельсиновый фреш, а не просто сок. Оба героя несут на себе печать новых общественных тенденций, которые отражаются и в лингвистическом плане их речи.

В такой ситуации наиболее рациональный выход для переводчика состоит в нахождении подходящих эквивалентов и в обращении, насколько это возможно, к неологизмам. Эти действия помогут сохранить особенности речи автора и охарактеризовать его героев языком, передающим этот «тон снобизма».

В этой связи будет уместным вспомнить слова одной нашей престижной писательницы и переводчицы, Ольги Санчес Гевара, из ее статьи «Перевод прозаических текстов», опубликованной в электронном кубинском журнале «Cubaliteraria»: «При переводе нужно иметь в виду это намерение автора, так как перевод верен авторскому тексту, когда переведенное производит тот же самый эффект, что и оригинал».

В следующих примерах из вышеупомянутого рассказа Сергея Шаргунова речь идет об употреблении слов, русских и иностранных, в значении, которое отличается от общепринятого. Также нас интересуют авторские метафоры, которые будет трудно понять тем, кто не находится в прямом контакте с живым и меняющимся языком. Рассмотрим, например, фрагмент «там, возле жестянок разминались мужчины, рулевые»,

в котором слово «жестянки» обозначает старые машины, используемые в Москве как такси.

Еще один характерный пример из рассказа «Приключения черни»: «Бабье лето. Время краткое и претенциозное, как проза Бабеля. Хоспис-погода. Предсмертный комфорт». Хоспис, слово, скалькированное с английского «hospice», здесь употребляется в сложной метафоре, обозначающей кратковременное, приятное состояние погоды, перед её изменением.

Для иллюстрации других трудностей перевода рассмотрим фрагменты из романа Захара Прилепина «Санькя»: «Строй топал в лад кроссовками и разбитыми берцами». Словом «берцы» обозначаются высокие ботинки (от слов «берцовый», «берцовая кость»). Интересный пример находим в предложении: «Он добрался до деревни в привычной тряске. „Копейка“ громыкала». Ни в каком обычном словаре вы не найдете слово «Копейка» в значении «машина марки „Жигули“ модели 2101». А ведь в России только так её и называют.

Этот список мог бы стать бесконечным, а для перевода таких примеров недостаточно иметь основные знания языка, и даже поиски в словарях мало помогут: здесь необходимы интуиция переводчика, и, что особенно важно, прямой и регулярный контакт с этим явлением, которым является живой и постоянно меняющийся язык.

В процессе перевода также необходимо изучить характеристики культуры, в которой было создано произведение, эпохи, в которой происходят описываемые события и, по возможности, чтение рецензий, критических очерков и оценок, чтение библиографических справок об авторе. Переводчику важно знать, существует ли уже какой-нибудь перевод данного текста, изучить все аспекты и возможности оригинала с тем, чтобы вновь написать его на языке перевода. Переводчик сможет совершить хорошую работу только в том случае, если сначала он получит широкую информацию об эпохе, тексте, об авторе; если автор жив, важно вступить в контакт с ним, а если это возможно — рассчитывать на его помощь.

По всем этим причинам, для того, чтобы повысить качество переводов современной русской литературы, представляется желательным создание актуализированных глоссариев, к которым переводчики могли бы регулярно обращаться в своей работе. Важно также способствовать контактам между переводчиками и ныне живущими авторами, чьи тексты они переводят, обеспечивать доступ к произведениям литературной критики, создавать сайты, где переводчики смогут публиковать свои работы, обмениваться опытом и, таким образом, постоянно повышать свой профессиональный уровень.

В этом состоит наша ответственность как посредников между культурами.

Gasca Hernández M.

Letras Cubanas Publishing House, Cuba

ON CERTAIN DIFFICULTIES IN TRANSLATION OF CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE

Basing on the samples by contemporary Russian writers Sergey Shargunov and Zakhar Prilepin, article reviews typical difficulties that Cuban translators are facing during translation of contemporary Russian literary texts into Spanish. The author arrives at conclusion that accurate rendering of new realities and norms of behavior is achievable through development of translators intuition, monitoring of linguistic change, detailed immersion into peculiarities of described culture and era. The article validates feasibility of up-to-date glossary for translators.

Keywords: translation difficulties; contemporary Russian literature; author's metaphor; intuition of a translator.

Де Месса Перес Мария-Тереза

Национальный педагогический университет, Аргентина

mariat.dmeza@unipe.edu.ar

ИЗДАТЕЛИ И ПЕРЕВОДЧИКИ КАК КУЛЬТУРНЫЕ ПОСРЕДНИКИ: ИСПАНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВПЕРВЫЕ ПЕРЕВЕДЕННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ХОГАРТ ПРЕСС В БЛУМСБЕРИЙСКОМ КРУЖКЕ

Цель настоящей работы — заложить основу для установления пути, который прошли порядка пятнадцати произведений, впервые переведенные издательством Хогарт Пресс, до того, как они были переведены на испанский язык, а также, какие из них ещё не переведены и существует ли интерес к их переводу. Посредством консультаций с изданиями, индексами и т. д., мы постараемся узнать, в каком году они были опубликованы, по чьей инициативе и, повлиял ли для их перевода на испанский факт существования английских изданий.

Ключевые слова: издательства; переводчики; русская литература; испанские переводы; биографии и автобиографии; мемуары.

EDITORES Y TRADUCTORES COMO MEDIADORES CULTURALES: TRADUCCIONES CASTELLANAS DE OBRAS RUSAS LLEVADAS AL INGLÉS POR THE HOGARTH PRESS

Mucho se ha investigado sobre la existencia y la actividad, entre 1917 y 1946, de la editorial británica Hogarth Press, fundada y gestionada por el matrimonio de Virginia y Leonard Woolf. En ese período, con el sello Hogarth Press fueron publicados más de quinientos títulos (527), entre ellos, veintinueve traducciones. El comedor de la casa de los Woolf en Richmond, donde se ubicó la imprenta que compraron y aprendieron a usar de manera autodidacta, fue la cuna de este proyecto editorial que duró desde el final de la Primera Guerra Mundial hasta el final de la Segunda. Por lo que aquí nos ocupa, comenzamos la aproximación a un artículo científico de la Dra. Svetlana B. Koroliová (de la Universidad de Estudios Lingüísticos de Nizhni Nóvgorod)¹ sobre las traducciones al inglés de obras rusas publicadas por la Hogarth Press². De allí — más allá de las tesis sobre la influencia que la iniciativa de traducir del ruso tuvo en el proyecto editorial de los Woolf³, en el modernismo inglés y en la propia obra literaria y filosófica de V. Woolf — extraemos un listado de los títulos traducidos del ruso al inglés con el sello editorial The Hogarth Press, un primer grupo publicado entre 1920 y 1924, principalmente textos biográficos, autobiográficos, alguna correspondencia, memorias, etc., y el resto se publicó en la década de 1930 principalmente⁴.

El presente trabajo se propone sentar las bases para determinar el recorrido que este conjunto de poco más de una decena de obras tuvo — reunido

en las traducciones inglesas de obras rusas publicadas por la Hogarth Press, y que responden a una serie de motivaciones, operaciones de mediación cultural, sumatoria de elementos sociopolíticos y circunstanciales—, si es que lo tuvo, hasta llegar a la lengua castellana. Si para la elite cultural británica (y en cierta medida angloparlante) contemporánea de la Revolución rusa y de la Primera Guerra Mundial la apertura del proyecto editorial Hogarth Press a literaturas extranjeras tuvo un impacto cuya dimensión aún es objeto de estudios literarios y de historia cultural, aquí nos interesa la búsqueda de los destinos de esas mismas obras en nuestra lengua, a ambos lados del océano Atlántico. Iniciamos nuestro recorrido con la reconstrucción de información editorial, datos de los traductores, análisis de los índices, introducciones escritas a las obras, etc. Para ello, comenzaremos por analizar el primer grupo de obras, correspondiente a la década de 1920, si bien esta investigación en el futuro también abarcará el listado de obras de 1930. Aquí incluimos también, a modo de muestra, y por su repercusión para nuestra lengua, uno de los proyectos posteriores, de 1934.

Antes de pasar al comentario de las obras, no podemos dejar de mencionar al mediador cultural y traductor de origen ucraniano Samuil Solomónovich Koteliánsky (Ostropol, 1880 — Londres, 1955)⁵. Koteliánsky no era traductor cuando llegó a Gran Bretaña. Aun sin formación teórica, su praxis se caracterizaba por un compromiso purista con el texto original y por atribuirle a la traducción un sentido hermenéutico⁶. Con la Hogarth Press y en colaboración con el matrimonio Woolf, editó siete títulos en total, algunos de ellos traducidos a cuatro manos ya fuera con Leonard, ya fuera con Virginia. En 1924 se distanciaron: la Hogarth comenzó a publicar a otros autores, y Koteliánsky comenzó a editar por su cuenta.

Según Protopopova⁷, Koteliánsky⁸ les enseñó ruso a los Woolf, a quienes fue presentado por Katherine Mansfield y Middleton Murray en 1917. La mayoría de las fuentes coinciden en que Koteliánsky redactaba una versión cruda (pero apegada al texto ruso original) sobre la que luego los Woolf trabajaban para lograr una versión inglesa impecable. En Davison⁹ se analizan las traducciones del ruso realizadas por S. S. Koteliánsky, Virginia Woolf y Katherine Mansfield entre 1916 y 1923.

Gorky, Maxim, *Reminiscences of Leo Nicolayevitch Tolstoi*, tr. by S. S. Koteliánsky and L. Woolf, Richmond, The Hogarth Press, 1920. (Горький, М., *Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом*, Петербург, Издательство З. И. Гржебина, 1919; Берлин, Издательство И. П. Ладыжниковой, 1921).

Los *vospominania* (recuerdos) de M. Gorki sobre L. N. Tolstói reúnen sus notas y observaciones fragmentarias de sus tiempos como amigos. Como biógrafo, Gorki no es ni complaciente ni destructivo sino que en cambio intenta reflejar la complejidad de Tolstói rechazando dar conclusiones narrativas simples. Leonard Woolf destacó así la importancia de este

libro: “El éxito del libro de Gorki fue un indudable factor determinante para el futuro de Hogarth Press y para nuestro futuro”. En castellano, los recuerdos de Tolstói están publicados en *Recuerdos de Tolstói, Chéjov y Andréiev, Barcelona*, Nortedur, 2009, 239 pp. (traducción del ruso de Yulia Dobrovól’skaia y José María Muñoz; posfacio, cronología y bibliografía de Lidia Spiridónova, referente mundial en la obra de Gorki).

Gorky, Maxim, *The Notebooks of Anton Tchekhov, together with Reminiscences of Tchekhov*, tr. by S. S. Koteliansky and L. Woolf, Richmond, The Hogarth Press, 1921. (Горький, М., «Воспоминания об А. П. Чехове»; Чехов, А.П., «Записные книжки»)

La segunda parte del proyecto de Hogarth Press, los *vospominanie* de Chéjov, fueron incluidos en la edición de Nortedur recién mencionada y en la que nos detendremos en el próximo punto. Los cuadernos de apuntes se conocen en castellano a través de una traducción indirecta desde el francés, a cargo de Leopoldo Brizuela, publicada en 2008 por la editorial argentina La Compañía, con el título *Cuaderno de notas*.

Gorky, Maxim, *Reminiscences of Tolstoy, Chekhov and Andreev*, tr. by K. Mansfield, S. S. Koteliansky and V. Woolf, London, The Hogarth Press, 1934.

En castellano: Gorki, Maxim, *Recuerdos de Tolstói, Chéjov y Andréiev, Barcelona*, Nortedur, 2009, 239 pp. (traducción del ruso de Yulia Dobrovól’skaia y José María Muñoz; posfacio, cronología y bibliografía de Lidia Spiridónova, referente mundial en la obra de Gorki). Este es uno de los casos en los cuales la edición castellana presenta una clara semejanza con la edición de la Hogarth Press, con el diferencial de que Nortedur incluye el *vospominanie* de Sofia A. Tolstaia. Aunque es de 1934, incluimos este ejemplo ya que resume los *vospominania* individuales en un proyecto único que tres cuartos de siglos más tarde se refleja en castellano.

En la Nota a la edición se lee: «Esta traducción parte de las obras completas de Gorki, preparadas por el mismo autor (Moscú y Leningrado, GIS, 1927), y ha tenido en cuenta asimismo la edición de *Vospominaniya* (Berlín, Kniga, 1923), volumen en el que Gorki reúne sus recuerdos de escritores. [...] Nuestro último texto, sobre la mujer de Tolstói, aparece en 1924 en dos revistas, *Russkiy sovremennik* de Petrogrado y *Besedy*. Con él, Gorki cierra definitivamente los *vospominaniya* de 1923 en la obra completa de 1927. [...] Entre las numerosas maneras de editar y traducir estos recuerdos, contamos con la de Virginia y Leonard Woolf, quienes en su editorial The Hogarth Press publicaron *Reminiscences of Tolstoy, Chekhov, and Andreev* (Londres, 1934)». En la edición de Nortedur, se incluye a diferencia de Hogarth Press, aunque esta información no figura en el título, el texto sobre S. A. Tolstaia. Es una vez que se accede al índice del libro que puede constata-

tarse la inclusión de ese texto, como subalterno al *vospominanie* sobre Lev Tolstói según la desafortunada jerarquía del índice.

Tolstoy, Sophie A., *Autobiography of Countess Tolstoy, with Introduction and Notes by Vasilii Spiridonov*, tr. by S. S. Koteliansky and L. Woolf, Richmond, The Hogarth Press, 1922.

La autora de esta autobiografía fue la viuda de L. N. Tolstói en 1913. La condesa Tolstaia escribió este texto a pedido del difunto S. A. Venguérov, un reconocido crítico literario ruso. La edición de la Hogarth Press contenía una introducción de Vasilii Spiridónov, notas al final de la autobiografía y varios apéndices. Actualmente esta traductora y una editora argentina están trabajando en el proyecto de publicación del trabajo.

Dostoevsky, F.M., *Stavrogin’s Confession and the plan of The Life of a Great Sinner*, tr. by S. S. Koteliansky and V. Woolf, Richmond, The Hogarth Press, 1922. (Достоевский, Ф.М., «Исповедь Ставрогина» фрагмент романа «Бесы»; «Житие Великого грешника» из «Дневника писателя»).

Se trata de un caso particular en el que la edición preexistente de la novela *Demonios* en lengua inglesa (*The Possessed*) no incluía, debido a la censura el capítulo de «La confesión de Stavroguin». A esta pieza censurada, la edición de Hogarth Press le añade el plan de la novela panfleto pensada por Dostoevsky como *La vida de un gran pecador*, posteriormente convertida en *Demonios*. Este es otro de los ejemplos de una operación editorial similar a la emprendida por la Hogarth Press. Resta investigar si esta última y la edición castellana de 1923 se produjeron de manera independiente. En primer lugar, sería necesario rastrear la recepción de *Demonios* en castellano. A partir de esas primeras ediciones, en estos cien años se han publicado otras ediciones, como la rara decisión de la editorial argentina Corregidor de dar a conocer uno de los ensayos de Georg Lukács sobre esta pieza de Fiódor M. Dostoevski.

Andreev, L., *The Dark*, tr. by L. A. Magnus and K. Walter, Richmond, The Hogarth Press, 1922. (Андреев, Леонид Николаевич, *Тьма*, 1907). En castellano: *Las tinieblas*. Traducción de Nicolás Tasin. Barcelona: Acantilado, 2009.

Alejandro Ariel González en su «Nota preliminar» a la edición de *Relato sobre los siete ahorcados y otros cuentos* (Santiago de Chile, LOM, 2017), comenta lo siguiente acerca de la obra y el estilo de L. Andréiev: “Conocido como «el apóstol de las tinieblas», Andréiev es uno de los más grandes escritores de la Rusia prerrevolucionaria, y, lejos de inscribirse en los rangos de la nueva literatura que surge con la Revolución de Octubre, es un típico novelista y dramaturgo *fin de siècle* que se siente atraído por los tonos sombríos del decadentismo y hace gala de una morbosidad que tiene algo en común con las cavilaciones de Fiódor Dostoevski sobre el sentido del mal”.

Bunin, I.A., *The Gentleman from San Francisco, and Other Stories*, tr. by S. S. Koteliansky, D. H. Lawrence and Leonard Woolf, Richmond, The Hogarth Press, 1922. («Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Казимир Станиславович», «Сын»).

Es una antología de cuatro cuentos, de los cuales el que da título al libro (vertido al castellano como «El caballero de San Francisco»), escrito en 1915, fue traducido por D. H. Lawrence, cuyo nombre fue omitido por error y luego añadido mediante una fe de erratas. Narrados en su mayoría en primera persona, los relatos tratan de diversos temas. Como ganador del premio Nobel de literatura — el primero otorgado a un escritor ruso, — sus obras han sido vastamente difundidas en varias lenguas, incluido el castellano, pero no se ha encontrado evidencia de un proyecto editorial que siguiera el proyecto de los Woolf, salvo la publicación por separado de «El caballero de San Francisco».

Goldenveizer, A.B., *Talks with Tolstoi*, tr. by S. S. Koteliansky and V. Woolf, Richmond, The Hogarth Press, 1923. (Гольденвейзер, А.Б., *Вблизи Толстого: Записки за пятнадцать лет*. Москва-Петроград: Центральное товарищество Кооперативное издательство, 2 т., 1922–1923).

En la nota a la edición se explica que el volumen consiste en una selección del primer tomo del diario del reconocido músico ruso Alexandr Borísovich *Goldenweiser*, que se había publicado en Moscú a fines de 1922. No se conoce traducción al castellano de la obra en dos tomos ni tampoco del material seleccionado para la edición de la Hogarth Press.

Tolstoy's Love Letters, with a study on the autobiographical elements in Tolstoy's work by P. Biryukov, tr. by S. S. Koteliansky and V. Woolf, London, The Hogarth Press, 1923. (Бирюков, Павел Иванович. *Биография Л. Н. Толстова* (4 т.). 1905–1924).

Este volumen, tal como lo anunciaba la apostilla publicada en las páginas que la Hogarth Press dedicaba a las novedades editoriales, se concibió con la cartas «especialmente interesantes» que Tolstói le escribiera a una joven (Valeria Vladímirovna Arsénieva, vecina suya) con la cual estuvo comprometido por un período muy breve. Asimismo, contiene un estudio de los elementos autobiográficos en los escritos de Tolstói, cuyo autor es Pável I. Biryukov, biógrafo del escritor, quien además trabajó en una biografía breve (1908 y 1912). Sofía Andréievna Tolstaia autorizó que las dieciséis cartas — escritas entre 1856 y 1857 — se publicaran después de su muerte¹⁰ (Battershill).

The Life of the Archpriest Avvakum by Himself, tr. by J. Harrison y H. Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky, London, The Hogarth Press, 1924. (Аввакум Петров, «Житие протопопа Аввакума», XVII в.).

La traducción fue realizada por Jane Ellen Harrison, lingüista, traductora y amiga cercana de los Woolf, junto a Hope Mirrlees, con una introducción detallada del príncipe Dmitri Petróvich Svyatopolk-Mirsky. Este último fue un destacado historiador de la literatura y crítico literario. En Londres, donde vivió entre 1921 y 1932, promovió la literatura rusa en los círculos modernistas. Esta obra es un monumento único de la literatura rusa, data del siglo XVII y es una especie de autobiografía escrita en parte con fines propagandísticos por el líder de los cismáticos (frente a la reforma de Nikón en 1654), el eclesiástico y escritor Avvakum Petrov (1620–1682). En castellano: *Vida del protopope Avvakum Petrov, escrita por él mismo*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Королева С. Б. Русская литература в издательской политике Хогарт Пресс (1920–1930-е гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 50. С. 197–208.

² Woolmer J. H., Gaither M. E. A Checklist of The Hogarth Press, 1917–1946. Lyninge: St. Paul's Bibliographies, 1986 (Londres: Hogarth Press, 1976)

³ Woolf V. Virginia Woolf and the Russian Point of View // The Common Reader. Adelaide: The University of Adelaide, 2015; Leonard and Virginia Woolf, the Hogarth Press and the Networks of Modernism / Ed. by H. Southworth. Edingburgh: Edinburgh University Press, 2010.

⁴ Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997.

⁵ Diment G. A Russian Jew of Bloomsbury. The Life and Times of Samuel Koteliansky. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2011.

⁶ Davison C. Translation as Collaboration: Virginia Woolf, Katherine Mansfield and S. S. Koteliansky. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 22.

⁷ Protopopova D. Virginia Woolf's Versions of Russia // Postgraduate English. 13. 2006. URL: <http://community.dur.ac.uk/postgraduate.english/ojs/index.php/pgenglish/article/view/54>.

⁸ Beasley R. On Not Knowing Russian: The Translations of Virginia Woolf and S. S. Koteliansky // The Modern Language Review. Vol. 108, no. 1, enero de 2013. P. 1–29.

⁹ Davison C. Op. cit.

¹⁰ Battershill C. Modernist Lives. Biography and Autobiography at Leonard and Virginia Woolf's Hogarth Press. Londres: Bloomsbury Publishing, 2018.

D'Meza Pérez M. T.

Universidad Pedagógica Nacional, Argentina

EDITORS AND TRANSLATORS AS CULTURAL MEDIATORS:
SPANISH TRANSLATIONS OF RUSSIAN LITERARY WORKS EDITED
IN ENGLISH BY THE HOGARTH PRESS

The present work aims to track by what means these literary masterpieces of Russian literature appeared in Spanish language. Through the access to the Spanish or Latin American editions, indexes, databases and other documentary resources, we attempt to establish when they were published, on the initiative of whom, and if they eventually had influence of the pioneering project of translating them into English that led The Hogarth Press in 1920–1930's.

Keywords: publishers; translators; Russian literature; Spanish translations; biographies and autobiographies; memoirs.

Денисова Анна Петровна

Российский университет дружбы народов, Россия

annadeniso@gmail.com

О ПЕРЕВОДЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С РУССКИМ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Статья представляет собой обзор испанских слов и выражений с компонентом *guso* и некоторыми другими словами, семантически связанными с ним. Анализ проводится на основе современного лингвистического материала, почерпнутого из беллетристики, прессы, рекламных текстов, лексикографических источников и образцов разговорной речи на испанском языке. Предлагаются варианты перевода указанных языковых единиц с испанского языка на русский с целью максимального сохранения их семантики и колорита.

Ключевые слова: перевод; семантика; национально-культурная специфика.

По словам персонажа романа испанского писателя Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра», «народы никогда не смотрят в зеркало»¹. Межкультурная коммуникация даёт нам отличную возможность увидеть себя и своих соотечественников в зеркале стереотипов, сложившихся о нас как представителей определённой нации в языковом сознании других народов.

В связи с этим интересно проследить, как тема России и жителей нашей огромной страны отражается в лингвистическом узусе испаноговорящих народов. Самая частотная характеристика, ассоциирующаяся у носителей испанского языка с Россией, связана с её суровым климатом и такими атрибутами, как холод, мороз, иней, снег, зима, лёд:

«Nunca nos habríamos apuntado a una guerra civil entre la nieve y el hielo de Rusia (Manuel Maristany “La enfermera de Brunete”)». — Barcelona: Planeta, 2007. P. 521.

Заметим, что в данном контексте речь идёт о Гражданской войне в Испании зимой 1936 г. Россия упомянута здесь метафорически, поэтому уместен такой вариант перевода этой фразы на русский язык:

«Мы бы ни за что не подписались на участие в гражданской войне среди **прямо-таки российских снегов и льдов**». (Перевод наш. — А. Д.)

Любопытно, что мы, русские, подчас стремимся даже «национализировать» холод, судя по вывескам на уличных палатках по продаже мороженого: «**Русский холод**».

Устойчивое выражение «*baño ruso*» — «русская баня» — означает для нас жарко протопленное место для мытья с парилкой. Однако в испанском языке данное словосочетание используется в другом смысле: «*dar un baño ruso*» = «*acabar con el fervor*»; «*echar un balde de agua fría*» «умерить пыл; окатить кого-либо холодной водой»².

Следующий стереотип закрепился в языковом сознании испаноговорящих в советский период, когда церковь была отделена от государства и религиозность граждан СССР далеко не поощрялась. Испанцы и сейчас продолжают считать всех русских атеистами, что отражено в парадоксальном сравнении, встречающемся в разговорной речи: «*gastar menos que un ruso en catecismos*», то есть «тратить меньше, чем русский на катехизис», т. е. «быть скупым, прижимистым»³. Нельзя не отметить, что со временем всё возвратилось на круги своя, и в наши дни россияне свободно посещают храмы своих конфессий, тратя значительные суммы на духовную литературу и различные предметы культа. С учётом этих обстоятельств вышеуказанное парадоксальное сравнение можно перевести на русский язык иначе, например: «тратить на жизнь меньше, чем слепой на свечи (лампочки) / лысый на укладку (причёску) / Тарзан на галстуки».

Ещё одно общее место, ассоциирующееся с Россией, — это революция, её движущие силы («*los rojos*» — «красные», «*los bolcheviques*» — «большевики»), диктатура пролетариата, её репрессивные органы («*la chesa*» — «чека», «*el/la KGB*», «*el gulag*»):

«<...> Participé en una manifestación antifranquista <...> y me trincaron los grises y sólo me comí un interrogatorio en el que me llamaron **rojo** hijo de puta y una multa de 5000 pesetas» (A. Pérez-Reverte <https://www.zendalibros.com/lanzada-franco-muerto>). «Я участвовал в демонстрации против Франко. Меня сцапали серые мундиры, но я отделался лишь допросом, на котором меня обозвали **красным** сукиным сыном, и штрафом в пять тысяч песет». (Перевод наш. — А. Д.)

Примечательно, что в коммерческой рекламе для обозначения тональности губной помады или лака для ногтей используется цветообозначение «*rojo ruso*» — «алый, кроваво-красный», — подразумевающее цвет государственного флага СССР.

«Como tú eres un intelectual y un **bolchevique** a lo mejor no ves tele. <...> Creo que voy a dejar de usar el móvil cuando haga cosas feas. Es como llevar a la **KGB** pegada a la chepa todo el tiempo» (Lorenzo Silva «La Reina sin Espejo». — Barcelona: Destino, 2007. P. 18; P. 219). «Ты же интеллектуал и **большевик** и телевизор, небось, не смотришь. <...> Больше не буду пользоваться мобильником, когда занимаюсь тёмными делами. Это как будто КГБ тебе вечно дышит в спину». (Перевод наш. — А. Д.)

Любопытно также подчас встречающееся в речи испанцев обращение «*tovarich*», вышедшее из употребления в русском языке с распадом СССР:

«Tu vodka, **tovarich**, bébelo con el Schweppes Naranja». (Publicidad). «**Товарищ**, пей свою водку с апельсиновым Швепсом». (Перевод наш. — А. Д.)

Заметим, что пресловутая водка в языковом сознании испаноговорящих выступает неотъемлемым атрибутом представителей русской нации. Будучи существительным женского рода в русском языке, это слово при заимствовании испанским языком переходит в мужской род:

«Los guionistas <...> han abusado mucho de <...> las mafias y del vodka de Yeltsin» (Arturo Pérez-Reverte «Con ánimo de ofender». —Madrid: Punto de lectura, 2008. P. 340). «Сценаристы излишне часто эксплуатировали тему русской мафии и ельцинского пьянства». (Перевод наш. — А. Д.)

К сожалению, эпитет «borracho» — «пьяный» — стал почти традиционным при этнониме «русский» в отношении авиапассажиров, злоупотребляющих спиртным, чтобы преодолеть свой страх перед полетом:

«Esa joven serena había demostrado firmeza para poner en su sitio a cuatro rusos borrachos que prodigaban sus atenciones con ella» (Isabel Allende «La suma de los días». — NY: HarperCollins Publishers, 2009. P. 200). «Эта спокойная девушка решительно поставила на место четверых подвыпивших русских, которые слишком назойливо ею восхищались». (Перевод наш. — А. Д.)

По мнению испанцев, наиболее склонны к чрезмерному употреблению спиртного казаки, представляющиеся им очень сильными и выносливыми людьми:

«Isaak, con el debido respeto, ha bebido usted como un cosaco y no sabe lo que dice» (Carlos Ruiz Zafón «La Sombra del Viento». — Barcelona: Planeta, 2007. P. 423).

При отсутствии в русском языке фразеологического сравнения «пить, как казак», предлагаем в переводе использовать его смысловые эквиваленты, например, «пить, как сапожник/извозчик»:

«Исаак, при всём моём уважении, Вы **напились, как извозчик**, и сами не знаете, что несёте». (Перевод наш. — А. Д.)

Носители испанского языка приписывают русским людям отвагу, любовь к острым ощущениям и склонность к неоправданному риску собственной жизнью. Так, популярный аттракцион, установленный во многих парках отдыха, известен в России под названием «американские горки». Однако в испаноязычных странах он именуется «русскими горками»:

«En el parque de atracciones, la multitud se apiñaba ante la **montaña rusa**» (Linares, Luisa María «Sólo volaré contigo». — Barcelona: Juventud, 1990. P. 175). «В парке аттракционов собралась толпа перед **американскими горками**». (Перевод наш. — А. Д.)

Нельзя не упомянуть здесь сомнительное развлечение — т. н. русскую рулетку, которая определяется в словаре А. Буйтраго следующим образом:

«Русская рулетка — это жуткая, смертельно опасная игра на деньги, состоящая в том, что в барабан револьвера помещают одну пулю и затем вращают барабан. Игрок подносит револьвер к виску и нажимает на курок»⁴. (Перевод наш. — А. Д.)

Приведём пример использования этого выражения в контексте:

«Un día, **jugando a la ruleta rusa** con uno de sus novios, al fulano se le fue un tiro de refilón que le dejó a Barbie una cicatriz en la sien». (Arturo Pérez-Reverte.

Op. cit. P. 311). «Однажды Барби играла в русскую рулетку с одним из своих ухажёров, у которого дрогнула рука, и у неё в результате остался шрам на виске». (Перевод наш. — А. Д.)

В языковом узусе испаноговорящих отражены также некоторые особенности русской кухни. Так, «ensalada/ensaladilla rusa» — «русский салат/салатик», вернее, его бледная копия — фигурирует в меню почти всех испанских ресторанов и забегаловок. Однако сами русские не считают своим национальным блюдом этот традиционный новогодний салат из варёной картошки, солёных огурцов и зелёного горошка. В России это блюдо называется «салат оливье». По легенде, это имя повара-француза, который в XIX веке работал в одном из знаменитых московских ресторанов, где и изобрёл данное блюдо. Согласно словарю Испанской Королевской Академии, выражение «ensalada rusa» метафорически используется для обозначения пёстрого, негармоничного сочетания цветов⁵.

Наряду с «русским салатом», весьма популярны «filetes rusos» — «русские котлеты» — разновидность гамбургеров из мясного фарша с добавлением хлебного мякиша:

«En la idea misma de reconciliación hubiera habido un poco de reproche, como una redolencia del excesivo ajo en los **filetes rusos**». (A. Pombo «La Fortuna de Malilda Turpin». — Barcelona: Planeta, 2006. P. 207).

В русском языке слово «котлета» не нуждается в определении национального характера, поэтому мы предлагаем следующий вариант перевода данной фразы:

«В самой идее примирения было что-то, напоминающее упрёк, что-то похожее на перебор с чесноком в **котлетах**». (Перевод наш. — А. Д.)

Как отмечает испанский социолог А. де Мигель, после Гражданской войны 1936–39 гг. вокруг названия этих блюд русского происхождения развернулась настоящая идеологическая борьба: «В 40-е годы в Испании были попытки отменить термин «русская котлета» и заменить его на «имперскую котлету». Параллельно «русский салат» пытались превратить в «национальный салат». Эти лексическо-националистические прихоти носили эфемерный характер, и никто их не принял всерьёз. Испанцы вернули полюбившимся блюдам их традиционные названия»⁶.

Даниэль Утрилья Висманос, спецкор испанской газеты «Эль Мундо» в Москве с 2001 по 2011 год, в шутку пишет в своей статье «50 ликов русской гордости»:

«No pregunten por la **montaña rusa**, la **ruleta rusa** o el **filete ruso**, porque tales fenómenos perniciosos para la salud de los hombres se denominan aquí como **montaña americana**, **ruleta americana** y **Big Mac**, respectivamente»⁷. «Не спрашивайте про **русские горки**, **русскую рулетку** или **русскую котлету**: все эти феномены, вредные для здоровья человека, именуется здесь, соответственно, **американские горки**, **американская рулетка** и **Биг Мак**». (Перевод наш. — А. Д.)

В испанском языке встречается выражение «pata rusa» — «русская лапа». Так именуют клешню крупного краба, чьё мясо обладает нежным вкусом и высоко ценится гурманами всего мира. «Pata Rusa» — название ресторана в приморском городе Фуэнхирола (Андалусия). На русском языке этот деликатес называется словом «чатка» — усечением от названия полуострова Камчатка, близ которого ведётся добыча этого краба.

Вместе с тем, русская еда ассоциируется в языковом сознании испаноговорящих народов не только с деликатесами. Так, «carlota rusa» — «русская шарлотка», известная в Испании разновидность домашней выпечки — представляет собой простое, экономичное блюдо из кусочков чёрствого белого хлеба и мелко нарезанных яблок, залитых взбитыми яйцами с сахаром. Кубинцы называют словосочетанием «carne rusa» — «русское мясо» — свиную или говяжью тушёнку, недорогой и очень сытный продукт питания.

Знаменитая «матрёшка» — традиционный сувенир, который увозит из России почти каждый зарубежный гость — подчас именуется в испанском языке «русской куклой»:

«A medida que avanzaba, la estructura del relato empezó a recordarme a una de esas muñecas rusas que contienen innumerables miniaturas de sí mismas en su interior» (C. Ruiz Zafón. Op. cit. P. 19).

Поскольку словосочетание «русская кукла» нетипично для русскоязычного узуса, при его переводе с испанского языка целесообразно использовать традиционное наименование этой игрушки — «матрёшка»: «По мере развития сюжета структура повествования стала напоминать мне **матрёшку**, которая содержит внутри бесчисленные собственные копии в миниатюре». (Перевод наш. — А. Д.)

Носители испанского языка тоже употребляют данное слово, однако при этом часто искажают как его написание, так и произношение. В таких случаях наши рекомендации склоняются в пользу описательного определения «muñeca rusa»:

«Mariano Rajoy resumió ayer su anunciada reforma de las Administraciones Públicas <...>. La tarea es de aúpa, porque nuestra democracia creyó que la eficacia consistía en abrir ventanillas por todos los rincones, un desdoblamiento frenético parecido al de esas muñecas rusas — **matriuskas** — que no son más que una sucesión inútil de cajitas pintadas». («ABC», 26.09.2011). «Мариано Рахой вчера дал краткое определение объявленной им реформе административных учреждений. <...> Задача не из лёгких, ибо наша демократия была убеждена в том, что эффективность заключается в открывании форточек в каждом углу — неистовом действе, напоминающем процесс открывания **матрёшек**, которые представляют собой бессмысленную последовательность деревянных раскрашенных контейнеров / ёмкостей / коробочек». (Перевод наш. — А. Д.)

Итак, рассмотренный нами лингвистический материал свидетельствует о том, что большинство носителей испанского языка воспринимают Россию как далёкую экзотическую страну с самобытной природой, су-

ровым климатом, особой едой и напитками, опасными развлечениями, особенностями истории и политической жизни, специфической ментальностью её жителей. Россия вызывает в испаноязычном мире любознательность и симпатию, что чрезвычайно важно в эпоху всеобщей глобализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ruiz Zafón C. La Sombra del Viento. Barcelona: Planeta, 2007. P. 33

² Канонич С. И. 300 ложных друзей переводчика. Испанско-русский словарь-справочник. М.: Менеджер, 2000. С. 15

³ Мед Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии. СПб: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2007. С. 104.

⁴ Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa Calpe, 2007. P. 375.

⁵ Diccionario de la Real Academia Española. 21ª ed. Madrid: Espasa Calpe, 1992. T. 1. P. 844.

⁶ De Miguel A. La magia de las palabras. Madrid: INFOVA Ed., 2009. P. 102.

⁷ Utrilla Vizmanos D. Las 50 caras del orgullo ruso [Электронный ресурс]. URL: www.elmundo.es/elmundo/2009/06/20/cronicasdesdeeuropa/124598830.html (дата обращения 25.09.2009).

Denisova A. P.

Peoples' Friendship University of Russia, Russia

TRANSLATING LINGUISTIC UNITS WITH NATIONAL-CULTURAL SPECIFICS FROM SPANISH INTO RUSSIAN

This article is a linguistic outline of Spanish words and expressions linked with the “Russian” idea. The conclusions are made relying upon modern belles-lettres, press, publicity, dictionaries and colloquial speech samples. Suggestions are made how to translate these linguistic units into Russian in order to keep their semantic and national specific features.

Keywords: translation; semantics; national-cultural specifics.

Кузнецова Наталья Михайловна

Иркутский филиал Всероссийского государственного
института кинематографии имени С. А. Герасимова

vip.natalya.kuznecova@list.ru

ОН ХОДИЛ МЕЖ НАМИ...

(ПЬЕСА А. В. ВАМПИЛОВА «ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ»)

Работа представляет собой предисловие к изданию пьесы А. В. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Перевод на испанский язык — Анны Анатольевны Рябининой (Байкальский государственный университет г. Иркутск). Срок издания август 2019 года. В предисловии показаны основные вехи биографии и творческого пути драматурга. Показаны глубинные связи проблематики и конфликта пьесы «Прошлым летом в Чулимске» с русской классической литературой, творчеством Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова.

Ключевые слова: А. Вампилов; рубежность; Ф. М. Достоевский; А. П. Чехов; финал.

...люди устали в бессмысленном труде, и на их лицах появилась страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота <...> Они воспели страдание в песнях своих. Я ходил меж ними, ломая руки, и плакал над ними, но любил их, может быть, ещё больше, чем прежде, когда на лицах их ещё не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбил их осквернённую ими землю ещё больше, чем когда она была раем...

Ф. М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели»

В одном из писем жене, Анастасии Прокопьевне Копыловой-Вампиловой, ожидавшей ребёнка, Валентин Никитич Вампилов писал: «<...> вероятно, будет разбойник-сын, и боюсь, как бы он не был писателем, так как во сне я все вижу писателей»¹. Опасения сбылись. Сбылись самым наилучшим для российской литературы, и особенно для драматургии образом.

19 августа 1937 года в семье сельских учителей из поселка Кутулик, что расположен в живописных местах на озере Байкал, в сибирском городке Черемхово родился четвертый ребенок, третий сын в семье — Александр.

Окончив в 1954 году кутуликскую десятилетку, Александр пытается поступить на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета, но, не сдав, вступительный экзамен по немецкому языку не был зачислен. Он повторит попытку, на этот раз удачно, в 1955 году. Уже в студенческие годы Вампилов под псевдонимом А. Санин публикует в газетах «Иркутский университет» и «Советская молодежь» рассказы. А на пятом курсе университета Вампилов начинает работать в газете «Советская молодежь». Ко времени окончания университета в 1960 году молодой автор опубликовал около 15 рассказов, 5 очерков и 2 фельетона. В 1962 года был отправлен на Высшие журналистские

курсы в Москву и в декабре этого же года, участвуя в работе драматургов-одноактников в Малеевке (подмосковье), Вампилов представляет две одноактные пьесы «Воронья роща» и «Сто рублей новыми деньгами», являющимися первыми вариантами пьес «История с метранпажем» и «Двадцать минут с ангелом». С 1962 по 1972 год в разных изданиях, включая журналы «Ангара» (Иркутск) и «Театр» (Москва) были опубликованы пьесы: «Дом окнами в поле», «Прощание в июне», «Предместье» («Старший сын»), «Утиная охота».

В 1966 году была осуществлена первая прижизненная постановка «Прощания в июне» в драматическом театре города Клайпеда, а в 1970 году режиссер Е. Падве поставил спектакль в Ленинградском Театре драмы по пьесе «Старший сын». В марте 1972 года на сцене Ленинградского театра БДТ состоялась премьера спектакля «Два анекдота» по пьесе А. В. Вампилова «Провинциальные анекдоты».

За два дня до своего тридцать пятого дня рождения, 17 августа 1972 года, на самом взлете своего дарования, Александр Вампилов погиб на озере Байкал.

Сегодня имя российского драматурга Александра Валентиновича Вампилова стоит в одном ряду с именами Н. В. Гоголя, Н. А. Островского, А. П. Чехова... Историки литературы, критики, театральные деятели безоговорочно причисляют драматургию Вампилова к классической традиции. Говорят о феномене театра Вампилова, о рубежности и значимости его творчества для российской драматургии XX века. Произведения Александра Вампилова переведены на английский, немецкий, итальянский, финский, польский и другие языки. В 1990 году на испанский язык была переведена одна из лучших пьес Вампилова — «Утиная охота» («La saceria de patos» // *Dramaturgia sovietica contemporanea*. Moscou, 1990. P. 275–395. Исп.)².

Пьеса А. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» (первый вариант названия «Валентина») была опубликована уже после смерти драматурга в 1972 году в журнале «Сибирь», а отдельным изданием в 1974 году в Москве.

В разное время она шла на сценах театров Польши, Венгрии, Болгарии, Германии, Франции, Канады, Америки. Критики, как правило, рассматривают «Прошлым летом в Чулимске» в одном ряду с другими драматическими произведениями Вампилова. Однако, учитывая, время создания — можно предположить особое место этого произведения в судьбе драматурга. И дело, пожалуй, не только в том, как считает критик Ю. Смелков³, что поиск драматурга был связан с решением темы и реализацией новых принципов построения драмы, а в том, что в последние годы жизни (как никогда настойчиво) Александр Вампилов пытался осуществить на драматургическом материале постановку вечных, философских вопросов человеческого бытия.

В финале более раннего варианта пьесы («Валентина») героиня заканчивает жизнь самоубийством. Впервые он был опубликован в газете «Восточно-Сибирская правда» в одном из августовских номеров 2001 года. Спустя год этот вариант войдет в наиболее полное издание текстов и вариантов пьес А. В. Вампилова. — «Драматургическое наследие»⁴. Также как А. П. Чехов, полагавший, что за проблему самоубийства страшно братья, Чехов пишет в одном из писем: «Ведь страшно за нее братья! На измучивший всех вопрос нужен и мучительно-сильный ответ...»⁵, Вампилов понимал сложность нравственно-психологической нагрузки подобного финала на произведение. Так же как и А. П. Чехов, считавший, что «...нет ни низких, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа и которая мне, Вам и Баранцевичу мешает красть, оскорблять, лгать и проч...»⁶, Александр Вампилов сознавал, что «...внебытийное существование, как исходная основа концепции героя, закрывало путь к реальному решению проблемы человеческого существования <...>, что со времени Чехова, с усилением психологической составляющей, инструментом истинного утверждения себя для героя становится его направленность на мир переживаемого...»⁷.

По воспоминаниям писателя Глеба Пакулова, накануне гибели — 16 августа 1972 года — они говорили с Вампиловым о литературе, о Чехове, о Достоевском... Пакулов упоминал и о том, что особый интерес для драматурга представляло творчество и взгляды Федора Михайловича Достоевского. В пьесе «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилов ставит сложнейшие вопросы для любого мыслящего человека. Вопросы подспудно звучащие в творческом диалоге его великих предшественников с миром. Что спасет мир? Чем спасется человек? Для Вампилова также как для Достоевского и Чехова ответ связан с верой в конечное торжество добра и красоты. И также как Федор Михайлович Достоевский, — Вампилов подчеркивает, что непременно условием спасения является свобода. В диалоге с Шамановым Валентина говорит о чулимцах: «...они поймут, вы увидите. Должны же они понять — в конце концов. Я посею здесь маки и тогда...»⁸ Именно поэтому вампиловская героиня так настойчива в своих поступках. Валентина никого ни к чему не призывает и не укоряет, однако своими поступками она проникает в самое сердце и душу людей, меняя мир чулимцев. В финале второго варианта пьесы, после всего, что ей пришлось пережить накануне «строгая, спокойная, она поднимается на веранду. Вдруг остановилась, повернула голову к полисаднику. Не торопясь, но решительно спускается в полисадник. Подходит к ограде, укрепляет доски <...>, сидящий ближе всех к калитке Еремеев поднимается и помогает Валентине. Тишина. Валентина и Еремеев восстанавливают полисадник»⁹.

Перевод пьесы А. В. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» на испанский язык — это еще одна попытка сделать творческое наследие этого замечательного драматурга ближе и понятнее для испанского читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Румянцев А. Вампилов. Жизнь замечательных людей. Вып. 1816. М: Молодая гвардия., 2017. 332 с.

² Александр Валентинович Вампилов: библиогр. указ. / сост. Л. А. Казанцева и др. Иркутск: Изд-во Иркут. обл. гос. ун-та; научн. б-ка им И. И. Молчанова-Сибирского, 2012. 495 с.

³ Смельков Ю. Театр Вампилова — пьесы и спектакли // Лит. обозрение. 1975. № 3. С. 95.

⁴ Чехов А. П. Письма // Чехов А. П. Собр. соч. М., 1956. Т. 11, 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 429.

⁷ Кузнецова Н. М. Два финала пьесы А. В. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» (опыт сравнительно-текстологического анализа) // В мире Александра Вампилова: матер. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. С. Собенников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 167 с.

⁸ Вампилов А. В. Прошлым летом в Чулимске // Вампилов А. Драматургическое наследие. Иркутск: Иркутская обл. типогр. № 1, 2002. 844 с.

⁹ Там же. С. 678.

Kuznetsova N. M.

Irkutsk branch of the Russian state institute of cinematographies of S. A. Gerasimov

HE WENT BETWEEN US ... (A.V. VAMPILOV'S PLAY «LAST SUMMER IN CHULIMSK»)

This work represents the preface to the edition of A.V. Vampilov's play «Last summer in Chulimsk» in Spanish. The translation into Spanish is made by Anna Anatolievna Ryabinina (the Baikal State University of Irkutsk). The press date is August, 2019. The preface shows the main milestones of the biography and the career of the playwright. It shows deep connections of problems and the conflict of the play «Last Summer in Chulimsk» with the Russian classical literature, F. M. Dostoyevsky and A. P. Chekhov's creativity.

Keywords: A. Vampilov; boundary; F. M. Dostoyevsky; A. P. Chekhov; final.

Кутьева Марина Викторовна,
Торосян Лия Давидовна

Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, Россия

marku2006@yandex.ru; torosyan.ld@rea.ru

ЦВЕТЫ В ЛИРИКЕ ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКИ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Русские переводчики поэзии Гарсии Лорки существенно меняют образный ряд исходного произведения, используя в своих переводах отличные от оригинала денотаты. Место туберозы занимает жасмин, место гиацинта — сирень, место цветущего апельсина — олива. На наш взгляд, при этом существенно искажаются семантические, коннотативные и эстетические доминанты — как испанской поэтической традиции, так и авторского мироощущения. Анализируется целесообразность и правомерность переводческих замен, затрагивающих семиотическую систему испанской этнокультурной метафорики.

Ключевые слова: цветок; символ; переносный смысл; замена образа; метафора; мантика; перевод.

FLORES EN LA LÍRICA DE GARCÍA LORCA Y SU TRADUCCIÓN AL RUSO

En Rusia la obra de García Lorca se conoce traducida por Marina Ts-vetaeva, Valentin Parnakh (Parnok), Mikhail Zenkevich, Fedor Kelin, Valeriy Stolbov, Inna Tynianova, Anatoliy Geleskul, Pavel Grushko, Sergey Goncharenko, Natalia Vanhanen, Mark Samaev, Musa Pávlova. Todos estos maestros escribieron sus propios poemas, pero en algunos casos, solo sus amigos más cercanos lo sabían. Ninguno de los traductores escapó a un encuentro con motivos florales, y cada uno tuvo que buscar soluciones inusuales para su traducción.

El vocabulario referente a las flores posee sus secretos semánticos y cierto sinergismo, implicando juego de sentidos secundarios. El motivo de las flores se muestra como imprescindible en la poesía española de todas las épocas y estilos¹, actuando como representantes de fenómenos y matices difíciles de verbalizar en cuanto a los impulsos espirituales, emociones, estados de ánimo y sensaciones. El motivo floral es uno de los más esenciales, reproducibles y multifuncionales en el texto poético español. Al comparar el sistema de imágenes auténticas en la poesía española y su traducción al ruso, topamos con disonancias cognitivas y semánticas. Muchas veces las sustituciones arbitrarias emprendidas por los traductores nos alejan del contenido original.

La abundancia floral, que exhala símbolos y alusiones, convierte una estrofa aparentemente sencilla e inofensiva en un rompecabezas dramático y extenuante para un traductor.

Haciendo entrar la Luna en una fragua gitana García Lorca la viste de *nardos*. Se les dio preferencia a los *nardos* para confeccionar su polisón plateado, ya que transmiten «una sensación de dureza y de frialdad»² y, además, un aroma embriagador y audaz. Las revistas de moda afirman que son «flores del riesgo, de la aventura, de los placeres peligrosos». Es una planta muy poco conocida en Rusia.

El traductor Valentín Parnaj, dejándose llevar por la semejanza referente a la intensidad de la fragancia y color, cambia el *nardo* por el *jazmín*: «Луна в наряде жасминном / зашла в цыганскую кузню»³ / ‘La Luna con un traje de jazmín / entró en la fragua gitana’.

El cambio llevado a cabo por V. Parnaj impactó a los posteriores traductores: Anatoli Gueleskul: «Луна в цыганскую кузню / Вплыла жасмином воланов» / ‘En una fragua gitana la Luna entró flotando con un jazmín de volantes (faldas)’ — y Pablo Grushkó (Павел Грушко): «Луна заглянула в кузню / в жасминной шали, нагая»⁴ / ‘La Luna se asomó en la fragua, con un chal de jazmín, desnuda’.

Los traductores respetan parámetros cuantitativos, formales (el ritmo y el metro). Sin embargo. Pero una de las mayores dificultades de la traducción de poesía «es la comprensión del texto <...> en sus detalles más íntimos»⁵.

Quisiéramos recalcar que el jazmín y el nardo se ven marcados por simbiologías contrarias y opuestas. Se contraponen cultural y espiritualmente como el día y la noche, como la vida y la muerte. Tal oposición remonta a la memoria nacional andaluza. Al sustituir los *nardos* por los *jazmines*, los traductores vienen domesticando realidades exóticas, incómodas para percepción nortea. Los *jazmines*, a fuerza de su aroma dulce y delicado, están dotados sólo de asociaciones positivas. Por lo tanto, no pueden crear un efecto alarmante, un presentimiento ansioso de una calamidad o descalabro inminente. A diferencia del jazmín, el nardo es una flor nocturna. Se abre y emana fragancia de noche que es su dominio. Por eso el nardo ostenta connotaciones macabras y fúnebres. Su textura cerosa alude a lo artificial, a un *anti mundo*, exento de vida.

Recordemos una estrofa del poema «Dos muchachas», donde se encuentran el nardo y el jazmín: «Ампаро / ¡qué sola estás en tu casa / vestida de blanco! / (Ecuador entre el jazmín y el nardo)». El intérprete Artur Kalmeyer primero trata de separar el jazmín de la valeriana en la que él convirtió el nardo: «Ампаро, / как ты одинока в своём доме / в платье белом! / (Валериану от жасмина / отделим здесь, между делом)»⁶.

En su versión posterior, seriamente redactada, Kalmeyer la hizo a la protagonista extra *jazmines* de entre los *nardos*: «Ампаро / как ты одинока в своём доме / в платье белом, / туберозу из жасмина выбирая, / между делом»⁷. Creemos que la traducción bastante anterior, propuesta por Valeriy Stolbov (Валерий Столбов⁸) es más acertada en lo que atañe a la com-

posición floral del original: «Ампаро! / В белом платье сидишь ты одна / у решетки окна / (между жасмином и туберозой / рук твоих белизна)»⁹. La reproduciremos en español: 'Amparo / En el vestido blanco estás sentada sola / a la rejilla de la ventana / (entre jazmín y nardo / está la blancura de tus manos)'

A los traductores les molesta la palabra 'ecuador'. En el contexto dado querrá decir un punto de choque entre el amor y su imposibilidad. Posiblemente la propia Amparo es el ecuador entre dos hemisferios: la vida personificada en el jazmín y la muerte personificada en el nardo. Las dos flores son blancas y delicadas; aluden a la pureza.

Amparo se nos presenta vestida de color blanco. Así se viste la novia y la muerte. Ella ve desde su ventana una fuente de agua (que da vida) y oye a un canario que es alegoría del hogar y el confort. Son símbolos ingenuos de esperanzas y felicidad, pero más fuerte suenan los cantos de pájaros alarmantes en un temblor de cipreses — árboles del cementerio que España se relacionan con la muerte.

Los nombres que denotan flores, con facilidad enriquecen y ensanchan su semántica connotativa adquiriendo un halo abstracto. Su valor concreto se retira a la periferia semántica y el sentido figurado se traslada al centro de la intención creativa.

Un gran interés de los traductores lo despertó «El romancero gitano». En «La casada infiel», describiendo la piel de la gitana, Lorca recurre a la comparación de su pecho con jacintos. Pavel Grushkó prefirió lila a jacinto. El cambio parece justificado por su efecto pragmático. «Ее дремавшие груди / на выходе из селенья / прянули мне в ладони / гроздьями свежей сирени»¹⁰. En el original leemos: «En las últimas esquinas / toqué sus pechos dormidos, / y se me abrieron de pronto / como ramos de jacintos». Para Lorca son mas importantes aquellos vectores asociativos que se refieren a la forma del racimo denso de esta planta exótica y a su fragancia embriagadora. El color varia bastante, por eso no juega el rol primordial en este fragmento. Aunque Anatoly Geleskul recurrió varias veces al romance en cuestión y reelaboró sus traducciones, al final prefirió valerse de su inolvidable jazmín: «Я сонных грудей коснулся, / последний проулк минув, / и жарко они раскрылись / кистями ночных жасминов». I. Tynianova sigue la misma ruta ya aprobada: «уснувшие груди» «расцвели мне навстречу, / как белые гроздья жасмина».

El atractivo de la piel femenina asciende al rango de dominantes eróticas, la describe Lorca con varias nominaciones florales. Además de los jacintos, el poeta toma el nardo como tenor de la comparación: «Ni nardos ni caracolas tienen el cutis tan fino». La comparación de la piel con moluscos y seres acuáticos o plantas tropicales suena de una manera rara para el lector ruso. A semejar la piel a las babas de un caracol es algo tópico y trivial para un español o latino, mientras que provoca asco en la percepción rusa.

Trabajando sobre este poema, en el año 1965 Anatoliy Gueleskul promovió la siguiente versión: «Такой белизны не ведать / Шелкам и цветущим сливам». No hay en el verso-fuente ni seda, ni ciruelos. Al proponer metáforas adaptadas a su lector, el traductor las privó del sabor inconfundible «español». Los rusos en vez de nardos obtuvieron el tan conocido ciruelo, fácilmente sustituible por un guindo en flor.

Más tarde el mismo traductor se negó al patriotismo floral y optó por avanzar hacia las imágenes más autóctonas: «Была нежна её кожа — нежнее кожи улиток, светлее росы на стёклах, молочной луной залитых». Por los visto, El romance se convirtió para Anatoliy en una obsesión. El regresa sobre sus pasos otra vez, comparando ya la piel con jazmín y perlas: «Её жасминная кожа / светилась жемчугом тёплым, нежнее лунного света, когда он льётся по стёклам» (corregido posteriormente a «когда скользит он по стёклам») ¹¹.

Hay preguntas que no tienen respuestas. Una de ellas es: ¿Se debería traducir las denominaciones florales inusuales al pie de la letra? ¿Si el vocablo directamente traducido con su correspondencia lexicográfica es estéril de connotaciones y alegorías, valdría algo tal traducción?

El oficio responsable de traducir poesía requiere una minuciosidad especial. No tolera prisas, ni espontaneidad. Si no se respeta esas exigencias, surgen coplas bien ridículas. Así pasó una vez con un cielo lorquiano al cual nuestro Anatoliy Gueleskul lanzó camellos en vez de camelias.

Poniente	Закат	La puesta del sol
Sobre el cielo exquisito más allá del violado hay nubes desgarradas como <i>camelias grises</i> .	По краю небосвода крадется непогода. Как <i>сизые верблюды</i> бегут по небу клячья.	Por el canto del cielo Se arrastra el mal tiempo. Como <i>camellos grises</i> , Manojos corren por el cielo.

Se entiende que la *i* fue tomada por la *l*. Sin embargo, estas líneas son parte de un tomo que salió con una tirada de 100 mil ejemplares, sin contar tiradas adicionales y llevan el nombre *Federico García Lorca*. Es un caso evidente de lo que en la traductología se denomina falta de competencia traductora ¹². La camelia lorquiana se asocia con lo celestial: con nubes y neblinas. Camelias en «La guitarra» contrapuestas a la arena del sur caliente se refieren al frescor del amanecer y al escalofrío de la muerte, a una síntesis de la sensación del abandono, de lo frío y de lo vacío del desencanto amoroso, de la pérdida de las esperanzas.

En la «Balada de la plazoleta» un arroyo primaveral lleva en sus manos «una rosa de sangre y una azucena». Muy importante parece aquí la impresión visual: el rojo y el blanco, lo ensangrentado y lo cándido. Lorca pensó con colores. No se puede olvidar que la diada «azucena-rosa», marcada por vivo cromatismo, es un tópico bastante repetitivo en la poesía española.

la, exhalando frescor y juvenil vitalidad. En la versión de Inna Tynianova (Инна Тынянова) este binomio se ha transformado en: «Кровь алой розы и первоцветы» / ‘La sangre de la rosa encarnada y los manguitos’. Los manguitos florecen muy pronto, eso sí, pero pueden ser de cualquier color – violeta, amarillo, azul. La pérdida del color original es muy sensible.

Uno de los mayores portadores de simbolismo amoroso en la cultura española es el naranjo floreciendo con su azahar. Lola «bajo el naranjo lava pañales de algodón. / Tiene verdes los ojos y violeta la voz. / ¡Ay, amor, / bajo el naranjo en flor!». La traductora y poetisa Musa Pávlova no le otorga importancia al tipo de árbol que este merece y nos ofrece la siguiente interpretación: «Под оливой стирает Лола, / и пелёнок полон таз. / У нее фиалковый голос / и зелёный цвет глаз. / Ах, любовь была, / олива цвела!» (‘Bajo el olivo lava Lola, está llena de pañales la charola. / Tiene violeta la voz y el color verde de los ojos. / ¡Ay el amor pasó! ¡El olivo floreció!’). La misma orientación hacia los olivos toma Mark Samaev: «Лола стирает пеленки, / волосы подколов. / Взгляд ее зелен-зелен, / голос ее — лилов. / Ах, под оливой / была я счастливой!»¹³.

El aroma de azahar llena todo el espacio del verso. Es un fuerte símbolo de amor, de la boda, de la pureza de la novia en la cultura española. El olivo se refiere más bien a la longevidad y a la tercera edad. Florece de una manera casi invisible, incomparable a la de naranjo.

Según Bibihin, la libertad de que disfruta el traductor encierra peligro, si no es superada por la autodisciplina. El desvío libre del original no proporciona alta calidad a la traducción. Tampoco es señal de una buena traducción en general. El peor defecto concebible de traducción no es el literalismo, sino la transferencia, en lugar de la forma interna del original, de las impresiones y estados de ánimo experimentados por el traductor a raíz de esta forma interna¹⁴.

En los contextos poéticos, el simbolismo floral se desplaza de la periferia semiótica al foco pragmático de las atenciones. Son estos matices míticos y simbólicos los que forman el contorno cognitivo especial de la mentalidad creativa poética nacional, manifestada por sus mejores poetisas. A pesar de todos los esfuerzos de traductores geniales, el mundo misterioso y muy *sui generis* de Federico se queda por descubrir en ruso. El espejo que refleja su obra en la percepción rusa resultó algo deformante y no pudo evitar cambios y transformaciones cognitivos y sensoriales.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Saiz Ripoll A. Flores en la poesía española. [Recurso electrónico] // Isla Bahía. 2009. URL: <http://www.islabahia.com/culturalia/04literatura/lasfloresenlapoesia1.asp> (fecha de consulta: 12.09.2019).

² Serrano Begega C. La obra poética de Federico García Lorca. http://www.fidescu.org/attachments/article/73/Carmen_Serrano.pdf — P. 28. (fecha de consulta: 14.02.2019).

³ Испанская поэзия в русских переводах: Сб. / сост. С. Гончаренко. М.: Радуга, 1984. С. 487.

⁴ Там же. С. 606

⁵ García de la Banda F. Traducción de poesía y traducción poética. // III Encuentros Complutenses en torno a la traducción. Madrid. 1993. P. 135 https://cvc.cervantes.es/lengua/iulmyt/pdf/encuentros_iii/12_garcia.pdf (fecha de consulta: 16.04.2019).

⁶ Кальмейер А. Две девушки — Федерико Гарсиа Лорка [Электронный ресурс] // Стихи. 2004. Ру. URL <https://www.stihi.ru/2004/08/23-339> (дата обращения: 05.04.2019).

⁷ URL: <http://rifma.ru/posts/post/385734>. 2005.

⁸ Стихи классиков. URL: <http://stihi-klassikov.ru/poems/stihotvorenie-lorca-federico-garcia-lorca-ispanskogo-poet-short-small-translate> (дата обращения: 21.04.2019).

⁹ Федерико Гарсиа Лорка [Электронный ресурс] // Испанские поэты XX века. Серия: Библиотека Всемирной Литературы М., Художественная литература. 1977. 720 с. URL: <http://wysotsky.com/0009/147.htm> (дата обращения: 11.05.2019)

¹⁰ Переводы Павла Грушко [Электронный ресурс] // Дневники. URL: <http://www.diary.ru/~glorca/p47246737.htm> (дата обращения: 15.04.2019).

¹¹ Яни А. Состоялся ли поэтический перевод? [Электронный ресурс] // Проза.ru. URL: <https://www.proza.ru/2013/05/07/832> (fecha de consulta: 18.04.2019).

¹² Torquemada Sánchez J. La traducción de la poesía rusa al español: aspectos traductológicos. // Actas del I Congreso Internacional de la Asociación Ibérica de Estudios de Traducción Interpretación. Granada: AIETI. 2003. Vol.º1. P. 562.

¹³ Испанские поэты XX века [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1027212/Ispanskie_poety_XX_veka.html (fecha de consulta — 15.04.2019)

¹⁴ Бибихин В. Опыт сравнения разных переводов одного текста // Тетради переводчика. М., 1976. С. 46.

Kutjeva M. V., Torosyan L. D.

Russian Economic University G. V. Plekhanov, Russia

FLOWERS IN GARCÍA LORCA'S LYRICS AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

The Russian translators of the García Lorca's poetry substantially change the images of the original work, using different denotations of those present in the Spanish source. The place of spikenard is occupied by jasmine, the place of the hyacinth has gone to the lilac, the place of the orange in bloom is hoarded by the olive tree. In our opinion, these substitutions significantly distort the semantic, connotative and aesthetic dominants of Spanish poetic thought and the author's worldview. Convenience or invalidity of interpretative substitutions that affect the semiotic system of Lorca's metaphors is analyzed in this work.

Keywords: flower; symbol; figurative sense; image substitution; metaphor; semantics; translation.

Мирзоева Лейла Юрьевна,
Сюрмен Оксана Валерьевна

Университет имени Сулеймана Демиреля,
Республика Казахстан

leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz; oxana.syurmen@sdu.edu.kz

ПРОБЛЕМА ВОССОЗДАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА «ЕДА» В ТУРЕЦКО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

В процессе воссоздания турецкого текста, включающего реалии традиционной культуры, возникает целый ряд проблем, связанных с расшифровкой культурных кодов, заложенных в специфических названиях национальной еды. Авторы работы акцентируют внимание на использовании стратегии доместикации, которая представляется наиболее перспективной в сфере турецко-русского перевода.

Ключевые слова: культурный код; турецко-русский перевод; язык-источник; язык-рецептор.

Подобно тому, как лингвистика в целом совершила поворот в сторону антропоцентрического подхода (во многих исследованиях речь идет также о «когнитивном повороте»), можно считать, что переводоведение XXI века совершило поворот в сторону культурного кода и культурологически значимой информации, которая зачастую предопределяет выбор переводческой стратегии. При этом особое значение придается информации, которая обретает «свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных камертонах, во внутренней словесной форме и т. п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках»¹. Весьма интересным представляется тот факт, что такие информационные несовпадения весьма часто оказываются связанными с явлениями вестного мира, которые в силу своей национальной специфики становятся отражением культурных кодов и, следовательно, источником переводческих трудностей.

Как указывает В. В. Красных, «перевод может считаться адекватным, если воздействует на те же когнитивные структуры, на те же участки когнитивного пространства, что и оригинал»². К числу подобных феноменов относятся названия национальных блюд, поскольку эта сфера отличается высокой степенью специфичности; более того, данные названия можно считать носителями культурных кодов, поскольку они порождают определенные цепи ассоциаций, как это будет показано ниже. По нашему мнению, названия блюд могут считаться культурными кодами, т. к. в современной лингвокультурологии культурный код понимается как «совокупность знаков, составляющих план выражения для культурного содержания, внутренне связанной системы культурно ценностной информации и установок, носящих конвенциональный ха-

актер и формирующихся в пределах культуры»³. Рассматривая концепт «еда» как особую область языковой картины мира, О. Г. Савельева подчеркивает, что «актуальным является исследование феномена еды как отдельной, самостоятельной культурной области бытия, без которой невозможно само существование человека; выявление и идентификация соответствующих когнитивно-смысловых компонентов, формирующих концепт «Еда», участвующих в создании ценностного и информационного пространства художественного текста и языковой картины мира»⁴. В цели нашей работы входил анализ воссоздания в переводе ионациональной картины мира; в данном случае мы акцентировали внимание на тех ее элементах, которые связаны с понятиями из сферы «еда», «национальные блюда», работающих в качестве культурных кодов. Материалом для сопоставления послужили фрагменты оригинала романа О. Памука «Имя мне — Красный» и русской его версии (перевод М. Шамова).

В тексте романа «Имя мне — Красный» нами выявлено около 50 наименований различных видов национально-специфичных лексических единиц, соотносимых с концептуальной сферой «еда». При воссоздании этих лексических единиц в переводе самым сложным, на наш взгляд, являлось донесение до носителя принимающей культуры того символического смысла, который с ними сопряжен, т. е. передача культурного кода. Сравним, в частности, фрагмент, содержащий множество культурных кодов в оригинальном тексте, и его русскую версию:

Bayram törenlerinde baklava, nane macunu, badem ezme ekme ve pestillere; sünnit törenlerinde etli pilavla fincan böreklerine; *Padışah'ın At Meydanı'nda yaptığı törenlerde vişne suyu içmeye; düğünlerde her şeyi yemeye; cenazelerden sonra da konu komşunun yolladığı susamlı, ballı, miskli helvalardan atıştırma*ya bayılırım.

Свадьбы я люблю за пахлаву, мятные тянучки, миндальное печенье и пастилу; церемонии обрезания — за плов с мясом и пирожки; *торжества на площади Ат-Мейдан — за вишневый сок*. На свадьбах я ем все, что подают, а на похоронах мое любимое угощение — ароматная халва с кунжутом, с медом, которую присылают соседи.

Перед нами не просто детализированное описание национальных блюд, употребление которых связано с определенными ситуациями; это целый пласт культурно ценностной информации имплицитного характера. В частности, *nane macunu* фактически обозначает *карамель* либо *пасту*, *badem ezme ekme* не является миндальным печеньем, т. к. фактически это хлеб с молотым миндалем. Во многих случаях, безусловно, аналога не существует ввиду разницы между двумя культурами, но в целом ряде случаев стратегия доместикации помогает дать хотя бы приблизительное представление о явлениях иной культуры: так, *fincan böreklerine* на самом деле — это особый вид пирожков, которые имеют

своеобразную форму чашки (что следует из их названия); в их приготовлении используется тонко раскатанное слоеное тесто. Образность культурного кода, отраженная в названии блюда (зрительный и собственно вкусовой ряд), оказывается недоступной русскоязычному реципиенту; по нашему мнению, восполнить данную лакуну может только культурологический комментарий.

Безусловно, связанные со сферой «еда» культурные коды не употребляются изолированно в художественном тексте; они находятся в тесной связи с различными явлениями духовного и социального порядка. Так, словосочетание *торжества на площади Ат-Мейданы* для русскоязычного читателя дают лишь информацию о каком-то экзотическом, неизвестном месте; таким образом, тексту придается специфический национальный колорит, но образуется информационная лакуна за счет опущения слова *падишах*. В оригинале же речь идет о любом торжестве, которое имеет отношение к султану и его семье. В этой связи становится понятным и упоминание о вишневом соке: *Вишневый шербет. Такой шербет готовили для султанов в Османской империи. Кислые вишни в сладком сиропе дразнили вкус и служили хорошим аперитивом*⁵. Таким образом, перед нами культурный код, несущий важную социально-историческую информацию.

Сходная ситуация наблюдается и в контекстах, где упомянута халва. В представлении русскоязычного реципиента, халва — сладкое блюдо на основе подсолнечника. Никакой ритуальной, обрядовой функции халва в русской культуре не выполняет, тогда как в турецкой культуре ее функции весьма обширны и разноплановы:

«Kayserili Kasım Efendi'ninki, nakkaşlar bölüğünden iki sokak ötede outran kalfaninki, anahtarçı Solak Hamdi'lerinki, Edirneli gelinin sahanı,» diye tek tek sayıyordu ki Hayriye, Şeküre sözünü kesti onun.

«Rahmetli Zarif Efendi'nin karısı Kalbiye ne baş sağlığına geldi, ne haber yolladı, ne de helva!»

— Эта тарелка от Касыма-эфенди, что родом из Кайсери, эта — от художника из мастерской, который живет через две улицы отсюда, эта — от левши Хамди, замочных дел мастера, эта — от невесты из Эдирне... — перечисляла Хайрийе, но тут ее оборвала, войдя на кухню, Шекюре: *Вдова покойного Зарифа-эфенди, Кальбийе, и сама не пришла, и через других не передала соболезнований, и даже не прислала халвы!*

Скрытый символический смысл обряда остается непонятен реципиенту русской версии текста, прежде всего потому, что еда, которая имеется в виду, не совсем соответствует представлениям читателя текста-рецептора: *Şeker, yağ, un ve ya irmikle yapılan tatlî*⁶; таким образом, халва в тексте оригинала — это также сладкое блюдо, но готовится оно на основе манной крупы или муки. Символический смысл, зашифрованный в данном культурном коде — это выражение сочувствия, сопричастности к горю знакомых; если же соболезнование при помощи этого блюда, на-

деленного символическим значением, не выражено, это может расцениваться как демонстрация недовольства, обиды:

Şeküre'yi arayıp sormadığını, baş sağlığına ve yasını paylaşmaya gelmediğini, hatta bir helva yapıp göndermeyi de içine sindiremediğini Kalbiye Hanım mağrur bir edayla doğtuladı.

Кальбийе-ханым с гордым видом подтвердила, что и в самом деле не пришла к Шекюре, не передала ей соболезнований и даже не послала халву — и сделала это намеренно.

Использование культурного кода, закрепленного в турецкой культуре за данным продуктом, также дает скрытую, затекстовую лингвокультурологическую информацию о социальном и материальном положении приславшего халву:

Hayriye'yi durdurdum sahanın kapagını açtım. «Ohh, fıstıklı irmik helvası,» dedim bir küçük parça attım ağzıma: «Turunç da koymuşlar.»

Я остановила Хайрийе и приподняла крышку блюда, которое та несла.

— О, халва-то с фисташками! — Я отломил кусочек и сунула в рот. — И меранца положили!

Представляется необходимым акцентировать внимание на случаях метафорического использования наименований еды, отражающих различие на уровне синестетического восприятия явлений (консистенция/вкус и пр.):

Şimdiki şikâyetim, dişlerimin kanlı ağzıma leblebi gibi dökülmesinden, yüzümün tanınmayacak kadar ezilmesinden, ya da bir kuyunun dibine sıkışıp kalmış olmaktan değil; hâlâ yaşıyor sanılmaktan.

Я не жалуюсь на то, что выбитые зубы, словно каленый горох, забили мой окровавленный рот, что лицо мое изуродовано до неузнаваемости, что я валяюсь на дне колодца; но то плохо, что меня до сих пор считают живым.

Соответствие *leblebi/каленый горох* является весьма отдаленным; только вкусовые ассоциации в определенной мере сходны, но в данном фрагменте важен совсем не вкус: реципиент оригинального текста расшифрует данный код как *размягченный горох*, тогда как в русском тексте *каленый горох*, напротив, вызывает представление о твердости. Так как употребление наименования еды здесь предельно метафорично, в турецком тексте метафора сосредоточена на том, чтобы показать, насколько раздробленной и размягченной массой стало то, что было лицом человека; в русском тексте упоминание о каленом горохе ассоциируется с твердым, отдельным сегментом.

Языковая ткань романа «Имя мне — Красный» насыщена подобными фрагментами, содержащими культурные коды, связанные с тематической группой «еда». По нашему мнению, переводчик, избрав стратегию доместикации, т. е. переноса чуждых явлений, реалий иной культуры, в поле культуры принимающей, сделал верный выбор, так как

Читатель текста-рецептора получает хотя бы приблизительное представление о культурных явлениях, обрисованных в тексте-рецепторе.

На основании исследования репрезентации культурных кодов, связанных с тематической группой «еда», в турецкой культуре и в русской версии турецкого текста, становится возможным говорить о значимости этого пласта символически нагруженной лексики для перевода. В тексте романа О. Памука «Имя мне — Красный» наблюдается значительное количество данных культурных кодов, поэтому одной из труднейших переводческих задач является донесение скрытой, культурно-символической информации для читателя текста-рецептора. По нашему мнению, выбор стратегии доместикации предоставляет переводчику широкое поле действия, т. к. эта стратегия дает возможность хотя бы с известной долей приближения передать скрытую за символом культурную коннотацию.

В то же время в большинстве случаев для расшифровки культурного кода, передаваемого при помощи названий еды, необходим развернутый переводческий комментарий лингвокультурологического характера, поскольку разница культурных кодов и символического значения того или иного блюда обуславливает прагматический сдвиг в восприятии текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М., 2004. С. 38

² Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 33.

³ Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. Москва: Гнозис, 2018. С. 40.

⁴ Савельева О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. URL <http://cheloveknauka.com/kontsept-eda-kak-fragment-yazykovoy-kartiny-mira-leksiko-semanticheskij-i-kognitivno-pragmaticheskij-aspekty#ixzz4VWnYi2x5> (дата обращения: 06.05.2019).

⁵ Информационный сайт о Турции [Электронный ресурс]. URL <http://www.helloturkey.ru/tureckaja-kuhnja/recepty-tureckoj-kuhni/napitki/vishnevyy-sherbet> (дата обращения: 06.05.2019).

⁶ Türkdiilkurumu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tdk.gov.tr> (дата обращения: 06.05.2019).

Mirzoyeva L. Yu., Syurmen O. V.

Suleyman Demirel University, Almaty, Kazakhstan

PROBLEM OF RENDERING “FOOD” CULTURAL CODE IN TURKISH-RUSSIAN TRANSLATION

Complicated process of rendering Turkish text including realia of traditional Turkish culture, presupposes a lot of various problems. Some of them are related to perception of the words nominating different kinds of food as a specific cultural code. The authors pointed out the perspectives of use of domestication strategy which seems to be the most perspective for this field of Turkish-Russian translation.

Keywords: cultural code; Turkish-Russian translation; source language; target language.

Мориллас Жорди

Университет Любека, Германия

morillas.jordi@gmail.com

ДОСТОЕВСКИЙ В ИСПАНИИ. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Большинство исследований, посвященных изучению восприятия творчества Ф. М. Достоевского в Испании, отмечают тот факт, что первые переводы Достоевского на испанский были «должниками» французских версий и что лишь во второй половине двадцатого века Испания смогла избавиться от «французского ига». В данной статье рассматривается, какую ценность имеют эти утверждения.

Ключевые слова: Испания; Франция; Ф. М. Достоевский; перевод.

DOSTOIEVSKI EN ESPAÑOL. MITOS Y REALIDADES

En los estudios sobre las traducciones de Dostoievski al español¹ se suele hacer hincapié en el hecho de que la gran mayoría de las primeras versiones son deficientes al haber tenido como base las francesas, siendo sólo a partir de Rafael Cansinos Assens y, sobre todo, de Augusto Vidal que se puede hablar de ediciones más o menos fiables.

Expuesta así la cuestión, no cabe duda de que un lector lego en la materia se llevará la impresión de que, una vez más, España se ha valido de los esfuerzos de otros a la hora de introducir y difundir la obra de un novelista que ya gozaba de amplia fama en países como Alemania y Francia.

Sin embargo, la realidad es completamente diferente. Vayamos a los hechos.

Aunque no era en absoluto un desconocido entre el público culto de la segunda mitad del siglo XIX, sí es cierto que la traducción de las obras de Dostoievski se inicia de manera tardía en comparación con la de otros autores como Pushkin, Turguéniev o Tolstói. De esta manera, si bien el lector español estaba puntualmente informado de las ediciones de Dostoievski que se realizaban en Francia², no es hasta junio de 1890 que se publica en la revista *La España Moderna*³ el primer texto en castellano con el título de «La centenaria (Cuento ruso)»⁴. A este relato breve del gran escritor ruso le seguirían posteriormente «Cálculo exacto»⁵, «El Mugik Marey»⁶, «Alma de niña»⁷ y «La mujer de otro»⁸.

Toda esta serie de textos no eran traducciones directas del ruso, sino que estaban realizadas a partir del francés⁹. En la época, este hecho era considerado completamente normal, pues no hay que olvidar que, hasta bien entrado el siglo XX, París era considerada la capital cultural de Europa. Por este motivo, Francia gozó del privilegio de ser tanto la residencia habitual de escritores y aristócratas rusos, como la sede editorial en lengua vernácula de la gran mayoría de las obras literarias procedentes de Rusia¹⁰.

No obstante, estas ediciones francesas tenían unas características muy particulares que afectaban en última instancia a la calidad de las traducciones que las tomaban como base y que, a menudo, se suelen pasar por alto a la hora de cargar las tintas contra los traductores y editores españoles de finales del siglo XIX y principios del XX. Así, a diferencia de las también pioneras alemanas, las primeras versiones francesas de las obras de Dostoievski se distinguían por:

- 1) No ofrecer un texto íntegro. De esta manera, en las ediciones francesas era habitual encontrar: supresiones, añadidos, modificaciones arbitrarias de traductores o editores, etc. El caso más significativo lo constituye la edición *L'esprit souterrain*, realizada por el ucraniano Ilia Halpérine-Kaminski¹¹.
- 2) Al seguir los principios de la negativa exposición que de Dostoievski realizara E.-M. de Vogüé en su obra *Le roman russe* (1886), estas modificaciones se llevaban a cabo sobre todo en el estilo literario, «corrigiendo» y «mejorando» a Dostoievski con el fin de adaptarlo al «buen gusto» francés.
- 3) Como consecuencia, se publicaron extractos de novelas despreciadas por De Vogüé como, *Los hermanos Karamázov*¹², con toda una serie de títulos inventados por editores y/o traductores¹³.

Así se explica que, por ejemplo, las tres primeras obras traducidas al español de Dostoievski (*Apuntes de la casa muerta*, *Apuntes del subsuelo* y *Crimen y castigo*) transmitieran una imagen completamente errónea del escritor ruso.

Apuntes de la casa muerta no se tradujo con este nombre, sino con el título: *La casa de los muertos. Memorias de mi vida en la cárcel de Siberia*¹⁴, publicándose al año siguiente: *La novela del presidio. Segunda parte de La casa de los muertos*¹⁵. A esta ya inicial confusión se añadió el hecho de que, con las siguientes reediciones y retraducciones, se «mejoraron» todavía más las injerencias originales francesas. Así, esta obra llegó a ser conocida como: *Los Presidios de Siberia*¹⁶, *El sepulcro de los vivos*¹⁷, *La casa de los muertos*¹⁸ o *Recuerdos de la casa de los muertos*¹⁹.

Apuntes del subsuelo tampoco fue traducida por su título original, sino como *El Espíritu subterráneo*²⁰, constituyendo además un fraude editorial²¹. En efecto, lo que el lector tenía entre sus manos no era una, sino dos obras completamente diferentes, presentadas bajo los epígrafes de «Catalina» y «Lissa»: «Catalina» constituía el relato breve *La patrona* (1845, págs. 1–151), mientras que «Lissa» los *Apuntes del subsuelo* (1864, págs. 153–298). Estas dos obras se encontraban entrelazadas a través de un «prólogo» supuestamente redactado por Dostoievski (págs. 153–156)²².

Por último, hay que citar *Crimen y castigo*, obra que, si bien circuló con menos injerencias en cuanto a títulos²³ (a pesar de que también llegó a ser conocida bajo alguna que otra denominación curiosa²⁴), padeció asimismo recortes y censuras.

Sin embargo, y a pesar de este catastrófico inicio en el mundo editorial español, es de justicia señalar que también se publicaron textos traducidos

directamente del original ruso. Sirvan como ejemplo las siguientes versiones aparecidas entre los años 1910–1930: *La Pobre Gente*²⁵, *Netochka*²⁶, *Años de humillación*²⁷, *Los endemoniados*²⁸ y *Los Hermanos Karamázov*²⁹.

Nacido no ya como iniciativa individual de un traductor o de un editor, sino de forma mancomunada y con el firme propósito de publicar una edición decente de las obras completas de Dostoievski, se presenta el proyecto del diario *El Sol*. Así de elocuente publicitaba el rotativo su pionera traducción de *El eterno marido*³⁰ al español: DOSTOIEVSKI es poco conocido en España; donde de sus obras capitales sólo se han publicado dos — “CRIMEN Y CASTIGO” y “LA CASA DE LOS MUERTOS” — mal traducidas y harto mutiladas. EL SOL quiere, en la medida de sus fuerzas, propagar en nuestra patria la obra del novelista más grande, no ya de Rusia, sino acaso del mundo entero. DOSTOIEVSKI, con PUCHKINE y TOLSTOI es el más alto prestigio literario de Rusia, y su obra, menos considerable en cantidad que la de Tolstoi, y que la de Turguenief, es, sin embargo, de una calidad no superada hasta hoy³¹.

La obra que aquí se daba a conocer estaba traducida por el español Ricardo Baeza en colaboración con el ruso R. Z. Zhukovski, afirmándose en páginas interiores: Esta traducción forma parte de las «Obras Completas» de Fedor Dostoievski, que próximamente comenzará a publicar la Casa «Atenea, S. E.».

En efecto, fue la editorial Atenea (dentro de «colección La Nave») la que realizó lo que se puede denominar la primera edición completa de la obra literaria de Dostoievski al español, siendo su principal traductor Alfonso Nadal y constando de 17 volúmenes³². La intención principal de Nadal era acabar con la nefasta influencia tanto de las ediciones francesas, caracterizadas por estar «mutiladas, con toscos remiendos e irreverentes añadiduras», como de las españolas que las tomaban como base, ya que éstas se habían ido amoldando a aquéllas «ensañándose más, si cabe, en la obra de destrucción». Por ende, y con el fin de poner «en las ediciones del gran eslavo todo el respeto que éste se merece», Nadal presentaba su primera traducción, *Los hermanos Karamázov*, afirmando que ahora está «completa y traducida, Dios haga que con tanto acierto como devoción y miramiento», llegando «hoy por primera vez al público de habla española, para reivindicación del autor y desagravio de la audacia con que ha sido tratado»³³.

Dos años después de la última traducción publicada por Alfonso Nadal (1933) apareció en el mercado español la titánica edición de Rafael Cansinos Assens en dos gruesos volúmenes de 2.218 y 2.244 páginas respectivamente, que se vieron complementados, 14 años más tarde, con un tercero de 1.760 páginas³⁴.

Los cinco años de trabajo intenso de Cansinos Assens tuvieron como resultado no sólo el poder ofrecer toda una serie de textos hasta entonces desconocidos en español, sino también arrinconar de una vez por todas las

«traducciones “comerciales”, desenfadadas y libérrimas, cuyos autores manejan unas tijeras irrespetuosas, que a veces mutilan páginas enteras sin el menor duelo»³⁵.

Dejando para otra ocasión el análisis de las traducciones de Dostoievski durante la Guerra Civil y el franquismo, señálese ahora únicamente cómo la paulatina vuelta a España a mediados del siglo XX de españoles emigrados a Rusia facilitó el hecho de que, de repente, se encontraran en nuestro país toda una serie de personas que dominaban perfectamente tanto la lengua como la literatura y la cultura rusas. Fue gracias a ellos que se despertó de nuevo el interés por Dostoievski en España, como demuestra el ejemplo de Augusto Vidal, profesor de la Universidad de Moscú, quien, en los años 60, reunió a un grupo de expertos (Juan Luis Abollado, Victoriano Imbert, Lidia Kúper y José Laín Entralgo) con la intención de volver a traducir de nuevo toda la obra del gran escritor ruso por encargo de José María Boix para la editorial Vergara³⁶.

Todo este breve repaso histórico-bibliográfico testimonia de manera fehaciente que, si bien se tradujeron en un primer momento obras de Dostoievski del francés, los españoles pronto mostraron interés por acceder al original. Estas pioneras traducciones y ediciones de Dostoievski a partir del ruso se han visto mejoradas a través del tiempo, debido a toda una serie de traductores cada vez más preparados filológicamente para la tarea de verter a Dostoievski al español. No obstante, todavía queda mucho trabajo por realizar. Uno de los retos ineludibles de los traductores de Dostoievski actuales debería constituir, no el traducir constantemente obras como *Crimen y castigo*, sino el hacer accesible otros textos que continúan siendo inéditos en español y que son imprescindibles para la correcta comprensión de la vida y de la obra de Dostoievski: sean citados a título de ejemplo su epistolario, sus cuadernos de trabajo, así como una edición decente de *Diario de un escritor*.

Con el fin de cumplir este anhelo, ojalá sirvan de modelo e inspiración los esfuerzos iniciados por nuestros compatriotas hoy hace precisamente un siglo.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Véase Datshkovsky R. B. de. Ensayo de bibliografía de la novela rusa traducida al español // Boletín de la Escuela Nacional de Bibliotecarios y Archivistas. 1953.1, págs. 11–31 [para Dostoievski, págs. 22–31]; 1953.2, págs. 19–31 [para Dostoievski, págs. 19–23]; 1954.3–4, págs. 18–30; 1954.5–6, págs. 18–27; 1960.13–15, págs. 33–47; *López-Morillas J.* Genio y figura de Dostoyevski en español (Apuntes de un escritor) // B.I.L.E., junio 1988, 5, págs. 65–76 y *Obolenskaya J. L.* Historia de las traducciones de la literatura rusa en España // Livius: Revista de estudios de traducción, 1992, I, págs. 43–56 y La historia de las traducciones de la literatura rusa y los problemas de equivalencia / Rades M. y Sevilla J. (eds.). III Encuentros Complutenses en torno a la traducción. Madrid: Editorial Complutense, 1993, págs. 169–181. Junto con estos estudios hay que mencionar el clásico manual de *Schanzer G. O.* Russian Literature in the Hispanic World: a Bibliography / Literatura rusa en el mundo hispánico: una bibliografía. Toronto: University of Toronto Press, 1972, págs. xvi y ss.

² Véase Les frères Karamazov, por Th. Dostoievsky. La Época, año XL, 12.882 (18 de junio de 1888), pág. 4.

³ Cf. sobre esta cuestión *Monforte R.* Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX / Giné M. & Hibbs S. (eds.). Traducción y cultura / Translation and Culture: La literatura traducida en la prensa hispánica (1868–98) / Translated Literature in the Hispanic Press (1868–98). Relaciones literarias en el ámbito hispánico: traducción, literatura y cultura. Berna: Peter Lang, 2010, págs. 307–318.

⁴ *Dostoievsky Th.* La Centenaria (Cuento ruso) // La España Moderna, junio de 1890, t. XVIII, págs. 167–174.

⁵ *Dostoievsky Th.* Cálculo exacto. Cuento ruso // La España Moderna, octubre de 1890, t. XXII, págs. 25–33.

⁶ *Dostoievsky Th.* El Mugik Marey. Recuerdo de Siberia // La España Moderna, agosto de 1891, t. XXXII, págs. 192–199.

⁷ Esta obra, que en realidad se trataba de Nétochka Nezvánova (1849), apareció primero en 1900 en formato libro de la mano de Ramón Orts-Ramos (*Dostoievsky H.* [sic!]. Alma de niña, Barcelona: Ramón Sopena Editor). Ca. 1903, se publica otra versión con título diferente: *Dostoievsky T.* Alma infantil. Traducción de Torcuato Tasso Serra. Barcelona: Antonio López Editor. Librería Española. Ya en 1906, se edita el texto, sin indicar traductor alguno, en la revista La España Moderna: *Dostoievsky T.* Alma de niña // La España Moderna, febrero, marzo y abril de 1906, tt. CCVI, CCVII y CCVIII, págs. 122–160, 135–165 y 125–161 respectivamente.

⁸ *Dostoievsky T.* La mujer de otro // La España Moderna, febrero-marzo de 1907, tt. CCXVIII y CCXIX, págs. 149–166 y 129–152 respectivamente.

⁹ *Dostoievsky Th.* La Femme d'un autre. Traduit du russe par E. Halpérine-Kaminsky. Paris: Librairie Plon, 1888.

¹⁰ *Оболенская Ю. Л.* Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. М.: МГУ, 1998. С. 57.

¹¹ André Gide fue polémico contra este traductor. Véase «Dostoievsky d'après sa correspondance» (1908) // Gide A.: Dostoievsky (Articles et causeries). Paris: Librairie Plon, 1921, págs. 1–46. Los españoles tampoco fueron ciegos ante esta escandalosa situación, como demuestra Gaziél, quien escribe: «Primero leí sus obras en ciertas traducciones españolas e infames [...] Más tarde conocí las versiones francesas, de las cuales las españolas eran todavía una prostitución. Me parecieron también desastrosas». Gaziél. El misterio de Dostoievski / El Sol (28 de junio de 1926), pág. 1.

¹² Véase: «Dans l'Idiot, dans les Possédés et surtout dans les Frères Karamazof, les longueurs sont intolérables, l'action n'est plus qu'une broderie complaisante qui se prête à toutes les théories de l'auteur, et où il dessine tous les types rencontrés par lui ou imaginés dans l'enfer de sa fantaisie». De *Vogüé E.-M.* Le roman russe. Paris: Librairie Plon, 1886, pág. 255.

¹³ En España, se reflejó con las siguientes publicaciones: Los precoces. Novela por Dostoievski (trad. de Joaquín Montaner. Madrid: Estrella, 1919); Los muchachos (trad. de Alfonso Nadal. Barcelona: Editorial Cervantes, 1923), Barbas de estopa. (trad. de Carmen Abreu. Ilustraciones de F. Maroto. Madrid: Ediciones Biblos, 1927), Las noches blancas. Ilucha (traducción y prólogo de E. Salazar y Chapela. Madrid: Compañía Ibero-Americana de Publicaciones, 1929); El pobrecito Ilucha: una novela completa (sin indicación de traductor. Madrid: Diana, 1944), Iliuscha (sin indicación de traductor. Madrid: Ediciones Cid, 1954), El juicio de Demetrio Karamazov, en Antología de las Mejores Novelas Policiales. Selección de Antonino González Morales, José A. Llorens y Ana Perales. Barcelona: Ediciones Acervo, 1959, págs. 59–164. Véase *Оболенская Ю. Л.* Указ. соч. С. 60, 62, 258.

¹⁴ *Dostoyuski F.* La casa de los muertos. Memorias de mi vida en la cárcel de Siberia. Con un estudio preliminar por Emilia Pardo Bazán. Madrid: La España Moderna, 1891.

¹⁵ *Dostoyuski F.* La novela del presidio. Segunda parte de La casa de los muertos. Madrid: La España Moderna, 1892.

¹⁶ *Dostoyewski F.* Los presidios de Siberia. Trad. de Augusto Riera. Barcelona: Maucci, 1903.

¹⁷ *Dostoiewski F.* El sepulcro de los vivos. Trad. y prólogo de Pedro Pedraza y Páez. Barcelona: Sopena, s.a.

¹⁸ *Dostoyewsky F.* La casa de los muertos, trad. de Antonio J. Onieva. Madrid: Sdad. Gral. Esp. de Libr., 1923.

¹⁹ *Dostoiowski F.* Recuerdos de la casa de los muertos. Trad. de José Baeza, edición ilustrada por Manuel Jorge. Barcelona: Juventud, 1962.

²⁰ *Dostoyuski F.* El Espíritu subterráneo. Versión española de Francisco F. Villegas (Zeda). Madrid: Librería Internacional de F. Villegas y C. 1900. Otros títulos con los cuales se publicó esta obra son: El subsuelo // Tres novelas (El subsuelo, El cocodrilo y Projarchin). Versión castellana de R. Cansinos Assens. Madrid: Biblioteca Nueva, 1920 y La voz interior. La novela del subterráneo. Trad. de Eduardo de Guzmán. Madrid: Editorial Jasón, 1929.

²¹ *Dostoievsky Th.* L'esprit souterrain. Traduit et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris: Plon, 1886.

²² *Morillas J. y Morillas A.* Philologische Voraussetzungen für einen Vergleich zwischen F. M. Dostoevskij und F. W. Nietzsche // Nietzscheforschung: Jahrbuch der Nietzsche-Gesellschaft, 2016, 23, págs. 271–294.

²³ Véase *Dostoyewsky F.* El Crimen y el Castigo. Versión española de Francisco F. Villegas (Zeda), Librería de Fernando Fé, Madrid, 1901 (un año más tarde apareció en fascículos en la revista La Época, en la que era colaborador: se empezó a publicar el 22 de diciembre de 1902).

²⁴ Por ejemplo, la edición aparecida en la Colección Popular Literaria de 1961, en la que la novela se dividía en: Crimen y castigo y Sonia. (Segunda parte de «Crimen y castigo»).

²⁵ *Dostoyewski F.* La pobre gente. Traducción directa del ruso de Fernando Accame. Barcelona: Maucci, s.a., así como *Dostoiowski, F. M.* Pobre gente. Traducción de P. Schostakovsky y H. Pérez de la Ossa. Madrid: Renacimiento, 1931.

²⁶ *Dostoyewski F.* Netochka. Versión directa del ruso por Femando (sic!) Accame. Barcelona: Maucci, s.a.

²⁷ *Dostoiowski F.* Años de humillación, traducción directa del ruso de Joaquín Balanyá Macip. Barcelona: Maucci, 1917.

²⁸ *Dostoyewsky F.* Los endemoniados. Traducción del barón Jorge de Meyendorff. Madrid: Calpe, 1924 (3 vols.).

²⁹ *Dostoiowski T.* Los Hermanos Karamázov. Traducción directa del ruso por Nicolás Hartong (profesor de lengua rusa en la Universidad de Barcelona), prólogo de Juan Chabás. Barcelona: Ed. Cervantes, 1931 (3 vols.).

³⁰ *Dostoiowski F.* El eterno marido. Novela. Traducción de R. Baeza y N. Zhukovski. Madrid: Tipográfica Renovación, 1918 (Colección «De la Biblioteca de El Sol», vol. 3).

³¹ El Sol (7 de junio de 1918), pág. 6.

³² Aunque ya la editorial Atenea había publicado *Stepantchikovo* (trad. de R. Baeza y R. Z. Zhukovski, 1918); *Un adolescente* (trad. de Carmen Abreu de Peña, 1923, 2 vols.) y *El idiota* (trad. de Carmen Abreu, 1926, 3 vols.), es a partir de la reedición de *El eterno marido* (1927) y de *Stepantchikovo* (ahora bajo el título de *La aldea de Stepanchikovo* y sus moradores y con Ricardo Baeza como único traductor, 1928) que el proyecto toma definitivamente cuerpo: *Los hermanos Karamazov* (1927, 4 vols.); *El Jugador* (1928); *El sueño del tío* (1928); *La tímida*. *El árbol de Navidad celeste*. *Marey el campesino*. *El cocodrilo*. *Bobok* (1930); *Una novela en nueva cartas*. *Un ladrón honrado*. *La patrona* (1930); *El doble* (1930); *Un pequeño héroe*. *Un trance difícil* (1930); *Crimen y castigo* (1930; 2 vols.); *Un corazón débil*. *La mujer de otro*. *Polzunkov* (1931); *Humillados y ofendidos* (1932); *El sueño de un hombre ridículo*. *Un árbol de Navidad y una boda*. *Las noches blancas*. *Prohartchin* (1932); *Notas desde el subterráneo* (1932) y *Las pobres gentes* (1933), todas ellas traducidas por Alfonso Nadal.

³³ *Dostoiowski F.* Los hermanos Karamazov. Novela. Trad. de Alfonso Nadal. Madrid: Atenea, 1927, pág. 11.

³⁴ Véase www.cansinos.org y www.cansinos.com, así como también el artículo de Juez Gálvez F. J. Rafael Cansinos Assens (1883–1964), traductor de literatura rusa / Bádenas de la Peña P. y Pino Díaz F. del (eds.). *Frontera y comunicación cultural entre España y Rusia*. Una

perspectiva interdisciplinar. Madrid / Frankfurt am Main: Iberoamericana / Vervuert: 2006, págs. 277–296.

³⁵ *Cansinos Assens R.* Las traducciones españolas de Dostoyevski (La primera versión directa.) / Dostoyevski F. M. Obras completas. Madrid: Aguilar, 1935, tomo I, pág. LXXIV.

³⁶ *Dostoiowski F. M.* Obras completas. Edición en castellano dirigida y prologada por Augusto Vidal. Con un estudio preliminar de José Luís L. Aranguren. Barcelona: Editorial Vergara, 1969 (9 vols.). El texto de Aranguren, titulado *El cristianismo de Dostoyevski*, que ocupaba las págs. 7–57, aparecerá posteriormente con el mismo título en la editorial madrileña Taurus (1970), mientras que el escrito de A. Vidal, *Dostoyevski, vida y obra* (Introducción a la lectura de la novelística dostoyevskiana), págs. 59–188, se publicará tres años más tarde en la editorial Barral de Barcelona.

Morillas J.

University of Lübeck, Germany

DOSTOEVSKI IN SPAIN: MYTHS AND REALITY

The great part of the studies on Dostoevsky's reception in Spain points out the fact that the first translations into Spanish were debtors of the French versions and that only very late (in the second half of the twentieth century) Spain was able to get rid of the French yoke. This paper discusses the value of these assumptions.

Keywords: Spain; France; F. M. Dostoevsky; translation.

Мухамедзянова Дина Шамильевна

Казанский государственный медицинский университет, Россия

dina.muhamedzyanova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ ИСПАНСКОГО ПОЭТА ГУСТАВО АДОЛЬФО БЕККЕРА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Настоящая статья посвящена анализу переводов стихотворений испанского поэта Густаво Адольфо Беккера из сборника «Rimas» («Рифмы»). Объектом исследования являются поэтические переводы на русский язык, выполненные Марией Ватсон, Розой Лермонтовой, Владимиром Мазуркевичем и другими переводчиками.

Ключевые слова: испанская литература; Густаво Адольфо Беккер; «Rimas»; перевод на русский язык.

Изучение испанского языка невозможно без знакомства культурой и литературой Испании. Из всех жанров испанской литературы мне больше всего нравится поэзия, моё знакомство с которой началось с «Маленького венского вальса» Федерико Гарсиа Лорки. Но, несмотря на популярность Лорки у русского читателя, его стихам так и не удалось покорить меня. Великолепные переводы Гелескула во многом превосходили оригинал и мешали восприятию самого Лорки. Даже сейчас я с лёгкостью смогу воспроизвести переведённые им строки, но не стихи самого Федерико Гарсиа. Да простят меня его многочисленные почитатели!

*Десять девушек едут Веной,
плачет смерть на груди гуляки,
есть там лес голубиных чучел
и заря в антикварном мраке¹*

Если мне когда-нибудь приходилось слышать фразу «испанский поэт», перед моим мысленным взором возникало совершенно другое лицо. Лицо кудрявого темноволосого юноши с портрета работы его старшего брата, Валериано Беккера. Лицо поэта, ставшего родоначальником современной испанской лирики — Густаво Адольфо Беккера (1836–1870). Что мы знаем о нем? Выдающийся поэт — романтик XIX века, родившийся в Севилье и покоривший Мадрид. Драматург, переводчик, журналист, прозаик, чьими произведениями зачитывалась вся страна. Даже сейчас в XXI веке Беккер остается кумиром молодых писателей Испании и испаноязычных стран, так же как Габдулла Тукай² для татарских поэтов или Пушкин — для русских.

Во многом схожи судьбы Беккера и Тукая. Оба поэта родились в XIX веке, рано лишились родителей и были отданы на воспитание в чужую семью. Малолетнему Густаво повезло больше. Вместе с братом Валериано он воспитывался у родственницы доньи Мануэлы. В доме этой вы-

сокообразованной и материально обеспеченной женщины находилась прекрасная библиотека, состоявшая преимущественно из французских авторов, оказавших влияние на творчество будущего поэта. В отличие от Беккера, Тукаю пришлось пожить «в людях». После пяти лет скитаний по чужим домам, Тукай оказался в Уральске в доме купца Галиаскара Усманова, где была хозяйкой его тётя по линии отца. Юный Габдулла поступил в медресе и, наконец, получил возможность учиться. Беккер обучался в Colegio de San Telmo de Sevilla, школе для детей-сирот благородного происхождения.

Еще во время учебы Беккер и Тукай писали стихи и мечтали связать свою жизнь с литературой, найти ключ к сердцу своего читателя. Оба решились на отчаянный шаг — перебраться из провинции в столицу и покорить её. О каждом из них можно сказать то, о чём сам Беккер писал в произведении «Трагедия и ангел» о своем герое Антонио: «Его голова была полна мечтаний, а сердце — надежд. Он был поэтом и имел веру в поэзию. Посещавшие его вспышки вдохновения позволили бы ему написать даже эпическую поэму»³.

В 18 лет Густаво Беккер попадает в столицу Испанской империи Мадрид и делает первые шаги для её «покорения». Тукай попадает в Казань в возрасте 20 лет, пытается найти своё место в мире татарской литературы, и это ему удаётся. Неслучайно Тукай называют «татарским Пушкиным». Сам Габдулла Тукай высоко ценил творчество Александра Сергеевича и переводил его произведения на татарский язык. Родившийся через 49 лет после гибели Пушкина, Габдулла Тукай мог с полным правом называться его младшим современником.

На звание «испанского Пушкина» мог бы вполне претендовать и Беккер. Интересно, что местом действия некоторых произведений Пушкина является родная Беккеру Севилья:

*Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном⁴.*

Читая эти стихи трудно поверить, что Пушкин никогда в Испании. Если бы его судьба сложилась иначе, возможно, стареющий Пушкин мог бы отправиться туда и встретиться с начинающим поэтом Беккером. Несомненно, им было бы о чем поговорить, ведь у них было так много общего. Они оба работали в редакции одноимённого периодического издания «Современник» (по-испански — «El Contemporáneo»), делали переводы с французского языка, писали волшебные сказки (у Беккера — они назывались «Легендами») и были верны поэзии до своего трагического конца. Александр Сергеевич Пушкин погиб от руки Жоржа Дантеса в 37 лет. Густаво Адольфо Беккера не стало в 34 года. Он умер от туберкулёза, как

и Тукай, оставив после себя огромное количество произведений, которые были переведены на иностранные языки, в том числе и на русский.

Переводами произведений Беккера занимались несколько поколений переводчиков: Е. Бекетова-Краснова, О. Савич, А. Акопян, М. Ватсон, Л. Кириллина, Н. Ванханен, Р. Лермонтова, Д. Мухамедзянова, В. Мазуркевич и другие. Каждый из них попытался понять душу и замысел поэта, передать его настроение и поделиться эмоциями с российскими читателями.

Выполнять поэтический перевод — это огромная ответственность, ведь не каждый переводчик способен одновременно передать мелодику стиха и перевести стихотворение близко к оригиналу. Иногда нерифмованные строки заменяют рифмованными. Например, в переводе стихотворения, известного русскому читателю под названием «Забытая арфа», Мария Ватсон в последней строфе рифмует вторую и третью строчку:

*Ахъ, думалъ я — вотъ такъ въ груди
Порой глубоко дремлетъ геній
И ждетъ онъ только откровеній,
Призыва свыше — «встань, иди»⁵*

Хотя у Беккера они не рифмуются между собой, вместо это рифмуются вторая и четвертая строчка. Автор используют ассонансную рифму, когда совпадают только ударные гласные, а согласные на совпадают (*alma-anda*):

*¡Ay! — pensé. — ¡Cuántas veces el genio
así duerme en el fondo del alma,
y una voz, como Lázaro, espera
que le diga: «Levántate y anda!»⁶*

Ассонансная рифма характерна для Беккера и используется им в других стихотворениях *pacemos — corremos, morimos — perseguimos*⁷ и т. д.

Несмотря на то, что сборник стихотворений Беккера называется *Rimas* («Рифмы»), найти рифму в стихотворении не так просто, как кажется. Иногда слова, стоящие в конце строки не рифмуются вовсе:

*XVII
Hoy la tierra y los cielos me sonrén,
hoy llega al fondo de mi alma el sol,
hoy la he visto..., la he visto y me ha mirado...,
¡hoy creo en Dios!*

Зато Беккер использует анафору, стилистическую фигуру то повторение одинаковых слов, выражений, созвучий или синтаксических конструкций в начале стихотворных строк или фраз. В этом стихотворении четыре раза повторяется слово *hoy* (*сегодня*). Это не случайно! Лириче-

ский герой подчеркивает важность момента : именно *сегодня* он увидел эту девушку, именно *сегодня* она посмотрела на него, именно *сегодня* испытал высшее счастье и даже поверил в Бога. В переводе Дины Мухамедзяновой так же передано ощущение счастья и радости от встречи лирического героя с некогда не замечавшей его возлюбленной:

*XVII
Сегодня мне улыбнулись земля и небо.
Сегодня на дне моей души взошло солнце.
Сегодня я увидел ее, и она на меня посмотрела...
Сегодня я верю в Бога!⁸*

К использованию анафоры поэт прибегает и в другом стихотворении. На этот раз речь идёт об утраченной любви, потерянном счастье, которые невозможно вернуть, хотя возвратятся те же самые ласточки, что когда-то вили гнезда на балконе:

*LIII
Volverán las oscuras golondrinas
en tu balcón sus nidos a colgar,
y otra vez con el ala a sus cristales
jugando llamarán.
Pero aquellas que el vuelo refrenaban
tu hermosura y mi dicha a contemplar,
aquellas que aprendieron nuestros nombres...
ésas... ¡no volverán!*

В начале и в середине каждого четверостишья повторяются слова *Volverán* (*вернуться*) и *pero* (*но*). Предложения, начинающиеся со слова *pero*, передают грусть лирического героя от того, что он и его возлюбленная не смогут вернуться в то время, когда они были счастливы и любили друг друга. В переводе Розы Лермонтовой⁹ показаны переживания лирического героя. Ей удалось передать эмоциональное состояние, описанное автором:

*Вновь ласточки на твой балкон вернуться.
Найдут уют у твоего окна,
Летая, тая, в небо окупятся,
Как это было в прошлые года.
Но только те, что прежде любовались
Твоей красотой и счастьем моим
Уж не вернуться. В прошлом все остались.
Полет их в сердце бережно храним.*

Кроме того, Розе Лермонтовой удалось передать мелодику стиха, что само по себе непросто. Стихи Беккера удивительно музыкальны. На них написано много песен, которые исполняют не только испанские и латиноамериканские певцы, но и русские. Например, в исполнении Александра Матюхина можно услышать песню «Черны мои кудри, как черная

ночь». За основу взят перевод стихотворения Беккера «Yo soy ardiente, yo soy morena», выполненный В. Мазуркевичем:

*Черны мои кудри, как знойная ночь.
Горячего юга я страстная дочь.
Живу я минутой, бегу огорчений,
Я жажду блаженства, я жду наслаждений!
Меня ли ты ищешь, ответь мне, поэт?
Тебя ли? О нет!¹⁰*

Красиво, неправда ли?! Как же это напоминает любимые нами русские романсы, однако у меня возникает сомнение, а Беккер ли это? В переводе стихотворения “Yo soy ardiente, yo soy morena”, Мазуркевич, пытаясь найти идеальную рифму, уводит нас в сторону от Беккера. Слова *горячего юга я страстная дочь*, использованные переводчиком, подходят для описания любовной страсти, однако, при прочтении оригинального текста. Внимательный читатель не найдет упоминания о юге в первой строфе или севере — во второй...

*— Yo soy ardiente, yo soy morena,
yo soy el símbolo de la pasión;
de ansia de goces mi alma está llena;
¿a mí me buscas? — No es a ti, no.
— Mi frente es pálida; mis trenzas, de oro;
puedo brindarte dichas sin fin;
yo de ternura guardo un tesoro;
¿a mí me llamas? — No, no es a ti.*

К сожалению, эта не единственная неточность Мазуркевича. Прилагательное *morena*, используемое Беккером в первой строфе имеет, несколько значений:

1. Смуглый
2. Темноволосый
3. Загорелый и т. д.

Следовательно, с помощью этого слова автор может описывать как цвет кожи, так и цвет волос. Если предположить, что встреченная поэтом девушка действительно была смуглой, это еще не означает, что она было кудрявой, иначе было бы использовано слово *rizado* или *rizoso*.

Кроме того, не совпадает количество строк в оригинальном стихотворении и в переводе Мазуркевича. В оригинале их 12, а в переводе Мазуркевича — 18. Переводчик увеличивает количество строк для того, чтобы сохранить музыку стиха или сделать из него песню, но у Беккера нет ни одного лишнего слова. Это стихотворение делится на три части, каждая из которых представляет собой строфу. Само стихотворение написано в форме диалога поэта с тремя разными женщинами. Две из них смуглая (*morena*) и бледнолицая (*pálida*) представляют собой реаль-

ных женщин, у которых есть все, чтобы подарить наслаждение поэту, но он не принимает их.

В последней строфе поэт описывает идеальную женщину, которую мечтает встретить и полюбить всем сердцем. Но это только всего лишь несбыточная мечта (*sueño imposible*), бесплотный дух (*incorpórea*) или призрак (*fantasma*):

*— Yo soy un sueño, un imposible,
vano fantasma de niebla y luz;
soy incorpórea, soy intangible;
no puedo amarte. — ¡Oh, ven; ven tú!*

Однако именно этой женщине отдает предпочтение поэт, вся жизнь которого представляет собой вечный поиск идеальной возлюбленной. Об ожидании встречи с идеальной женщиной поэт упоминает и в других своих произведениях:

«Мимо меня проходят тысячи женщин: высокие блондинки, страстные брюнетки с обещаниями безграничной преданности, нежности и участия. У одних её фигура, у других глаза того же цвета, их голоса напоминают её голос... Возможно, лишь на краю могилы я увижу ту женщину, ожиданием которой я жил, за мимолетную встречу с которой я рад был умереть, проведя всю мою жизнь в тревожном ожидании и отчаянии»¹¹.

К сожалению, Беккеру так и не удалось встретить ту единственную, о которой он так долго мечтал. Первая любовь поэта — оперная певица Хулия Эспин отвергла его, жена Каста предала его. Даже трое общих детей не смогли спасти этот брак, а расставание с женой стало одной из причин ранней смерти поэта в 1870 году. 9 декабря 1911 года в Севилье, в парке Марии Луизы был открыт необычные памятник: Густаво Адольфо Беккер в окружении трех женщин, упомянутых им в стихотворении.

Поклонники творчества Беккера со всего света устремляются в Севилью, чтобы увидеть этот памятник, но самый главный памятник поэту — это не скульптура, а его произведения. Благодаря переводчикам поэзии мы имеем возможность познакомиться с некоторыми из них, но еще много тайн и загадок встретится на пути тех, кто попытается перевести все остальное. Надеюсь, что в недалеком будущем на полках российских книжных магазинов появится полное собрание произведений Густаво Адольфо Беккера на русском языке и русские читатели смогут оценить его по достоинству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лорка Ф. Г. Маленький венский вальс. [Электронный ресурс]// www.ru.poetree.club : [сайт]. URL: <https://ru.poetree.club/poems/malenkij-venskij-vals> (дата обращения 07.04.2019)

² Ризванова А. Габдулла Тукай и русская литература [Электронный ресурс]// Тукай Доньясы: [сайт]. URL: <http://gabdullatukay.ru/tukay-science/at-school/teachers/rizvanova-a-gabdulla-tukaj-i-russkaya-literatura> (дата обращения: 07.04.2019)

³ Мухамедзянова Д. Ш. Тебе оставившему след. Казань: Отечество, 2016. 100 с.

⁴ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. С. 312.

⁵ Беккер Г. А. Избр. соч. [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/b/bekker_g_a/text_0070oldorfo.shtml (дата обращения: 07.04.2019)

⁶ *Becquer Gustavo Adolfo*. Rimas. Madrid, 2002. 222 p.

⁷ Op. cit.

⁸ Мухамедзянова Д. Ш. Указ. соч.

⁹ Лермонтова Р. Переводы стихов Густаво Адольфо Беккера [Электронный ресурс] // Stihi.ru : [сайт]. URL: <https://www.stihi.ru/2014/07/20/9336> (дата обращения: 07.04.2019)

¹⁰ Матюхин А. Б. Песни на стихи Густаво Адольфо Беккера [Электронный ресурс] // Music.lib.ru: [сайт]. URL: http://music.lib.ru/m/matjuhin_a_b/alb63.shtml (дата обращения: 07.04.2019)

¹¹ Мухамедзянова Д. Ш. Указ. соч.

Mukhamedzyanova D. S.

Kazan State Medical University, Russia

KEY FEATURES IN TRANSLATION OF POEMS BY THE SPANISH POET GUSTAVO ADOLFO BECKER INTO RUSSIAN.

This article is devoted to the analysis of translations of poems by the Spanish poet Gustavo Adolfo Becker from the collection “Rimas” (“Rhymes”). The object of the research is poetic translations into Russian, made by Maria Watson, Roza Lermontova, Vladimir Mazurkevich and other translators

Keywords: Spanish literature; Gustavo Adolfo Becker; “Rimas”; translation into Russian.

Нелубова Наталия Юрьевна

*Российский университет
дружбы народов, Россия*

nat.nelubova@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТОВ РУССКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ И ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦ НА ТЕМУ «СЧАСТЬЕ-НЕСЧАСТЬЕ»

В статье рассматривается проблема изучения ценностей на материале эквивалентов разноязычных пословиц, извлеченных из французских, русских и испанских двуязычных лексикографических источников, на примере общечеловеческой ценности «счастье». Проведенный анализ показал, что тема «счастье» обладает важным ценностным смыслом для представителей изучаемых лингвокультур. Материал позволил выявить следующие сопредельные счастье ценности: «Бог, вера», «богатство», «смелость», «дружба», «коллектив», «семья».

Ключевые слова: ценности; сопредельные ценности; французские пословицы; русские пословицы; испанские пословицы; эквиваленты пословиц.

Из всех языковых единиц наиболее трудным материалом для перевода являются пословицы и поговорки, что объясняется не только их образностью, предельной сжатостью и афористичностью¹, но и тем фактом, что именно они несут в себе непосредственное отражение картины мира носителя языка, в том числе ее ценностной составляющей. К изоморфным чертам пословиц относят традиционность, устойчивость, всеобщность и обобщенность, коллективное сознание, образно-символическую основу содержательного плана, аксиологический характер и связь с наивной картиной мира². Поэтому в процессе создания адекватного перевода любого текста, содержащего пословично-поговорочные выражения, вне зависимости от стилистической направленности (например, художественный, рекламный, медийный и др.), необходимо учитывать их ценностную составляющую.

Переводить пословицы можно буквально, давая перевод-объяснение, а также путем подбора эквивалента. Эквиваленты пословиц, предложенные авторами многоязычных словарей, позволяют, с одной стороны, облегчить выбор корректного варианта пословицы с учетом жанрово-стилистических особенностей произведения и т. д.³, а с другой стороны, изучение пословичных синонимических рядов в разных языках позволяет пополнить и конкретизировать данные о ценностных приоритетах их носителей, что в дальнейшем может послужить ориентиром в процессе межкультурной коммуникации в целом. Следует отметить, что универсальный и специфический компоненты отнюдь не исключают друг

Публикация подготовлена при поддержке программы РУДН «5–100»

друга, а представляют собой диалектические составляющие феномена национальной культуры⁴.

В исследованиях разных ученых предложены различные трактовки понятия ценностей, их системы, ценностных ориентиров и классификаций ценностей, различные методики их выявления, изучения и описания. Данной проблематике, в том числе на пословичном материале разных языков, посвящены труды М. А. Алексеенко, Н. Ф. Алефиренко, Л. К. Байрамовой, Т. Г. Бочиной, М. А. Бредиса, Т. Е. Владимировой, Г. Ф. Гибатовой, В. И. Зиминой, Е. И. Зиновьевой, Е. В. Ивановой, Ю. Н. Караулова, Л. Б. Кацубы, М. Л. Ковшовой, О. В. Ломакиной, Т. В. Маркеловой, В. А. Масловой, В. М. Мокиенко, Е. В. Ничипорчик, Г. Л. Пермякова, Л. Б. Савенковой, Е. И. Селиверстовой, Н. Н. Семененко, В. П. Синячкина, И. А. Стернина, Е. Ф. Тарасова, В. Н. Телии и др. Чаще всего ценности рассматриваются в паре с антиценностями, то есть в виде диад, что объяснимо, т. к. ценность «актуализируется в рамках семантически сопряженных категорий бинарной оппозиции „хорошо — плохо“». «Специфика таких категорий состоит в том, что одна категория имплицитно подразумевает наличие другой. ... Тип ценностномерных категорий является собой семантически сопряженные противоположаемые понятия, отражающие двоичность восприятия человеком мира как единого и неделимого целого. Такое восприятие антропоцентрично и универсально»⁵, и оно часто получает отражение и в тематических классификациях, предложенных в словарях пословиц. Именно названия тем в подобных классификациях непосредственно отражают основные ценности того или иного народа, поскольку «тематический потенциал пословиц вполне соответствует доминантам традиционной и современной ... жизни»⁶.

В свете сказанного выше интерес представляет изучение на материале эквивалентов французских, русских и испанских пословиц такой универсальной ценности, как счастье. Даная тема представлена как в одноязычных, так и многоязычных словарях в рубриках или подрубриках «счастье и горе»⁷, «bonheur-malheur/счастье-несчастье»⁸, «joies et peines: bonheur et malheur»⁹ и т. д. Мы считаем, что изучение пословиц указанной тематической группы в рассматриваемых языках может не только выявить общее и особенное в отражении данной ценности в изучаемых языках, но и продемонстрировать интеграцию ценности «счастье» с другими ценностями.

В качестве основы данного исследования был использован материал двуязычного французско-русского словаря¹⁰, в котором к приведенным 147 французским пословицам тематической группы «bonheur-malheur/счастье-несчастье» предложены в целом 187 русских эквивалентов. Испанские примеры были взяты из испанско-русского и русско-испанского словаря пословиц¹¹. Наличие достаточно большого количества случаев совпадения пословиц по смыслу и полностью или частично дословных

эквивалентов во французско-русском словаре свидетельствует о значительном сходстве в восприятии счастья в сознании представителей обеих лингвокультур: *Bien danse à qui la fortune chante; A beau danser à qui la fortune chante — Тому хорошо поется, кому счастье улыбнется; A qui la fortune est belle, son boeuf est vèle — Кому везет, у того и бык доит; У кого счастье поведется, у того и петух несется; Le chagrin ne paye pas de dettes — Долгов слезами не заплатишь; Ce que Dieu trempe, Dieu le sèche — Бог вымочит, Бог и высушит; Il y a un ver dans chaque pomme — Нет яблока без червоточинки; Deux fêtes valent mieux qu'un jeûne — Лучше два праздника, чем один пост; La douleur embellit l'écrevisse — Горе только одного рака красит* и т. д. Как видно из примеров, наблюдается и совпадение метафорических образов. Это могут быть компоненты-зоонимы (бык, которого можно доить, а в русской пословице и петух, который несется), причем бык во французских пословицах обычно символизирует медлительность и крупные размеры, а также послушного помощника человека, а корова символизирует богатство и прибыль, потому что дает молоко¹².

Так, счастье рассматривается как везенье, некое чудо, благодаря которому все становится возможным. И во французских, и в русских пословицах о счастье присутствует образ Бога и реалии религиозного уклада жизни (праздники в противоположность посту), что позволяет выявить в пословицах о счастье такую сопредельную с ним ценность, как «**Бог (вера, религия)**». Счастье, с одной стороны, воспринимается как Божий дар, при этом подчеркивается его проходящий характер, для чего используются образы небесных светил: *Bien de fortune passe comme la lune — Счастье — что солнышко, улыбнется и скроется* или в русском языке — вольной птицы: *Счастье — вольная птичка: где захотела, там и села*. В данных пословицах явления природы неподвластны человеку, как и счастье. В пословичных единицах подчеркивается и то, что счастье не бывает полным: *Il n'y a pas de bonheur sans nuage — Безоблачного счастья не бывает*. Эта же мысль отражена и в испанских пословицах: *No hay felicidad completa; No hay cielo sin nubes, ni paraíso sin serpiente*. В последней пословице, кроме образа облака (природного явления, которое невозможно изменить), омрачающего чистое небо, символизирующее счастье, присутствует библейский образ рая, которого не бывает без змея. Данный факт подтверждает, что в качестве сопредельной ценности счастья и в испанской лингвокультуре выступает ценность религии.

Таким образом, как следует из указанных примеров, пословичный материал иллюстрирует приведенную выше мысль о том, что одна категория (в данном случае счастья) имплицитно подразумевает наличие ее противоположности (горе, беды, несчастья). Данное противоположение может встречаться и в пределах одной пословицы: *Pour goûter le bien, il faut*

avoir éprouvé le mal — Не узнав горя, не узнаешь и радости. Il n'y aurait pas eu de bonheur, si le malheur n'avait pas aidé — Не было бы счастья, да несчастье помогло. Так, использованная в названии темы диада «счастье-несчастье» может отражать как соответствующую ценность и антиценность, но в то же время речь идет о «единстве противоположностей, переходящих одна в другую»¹³, где на определенной ступени может ощущаться неполнота счастья или его проходящий характер. Помимо косвенного указания на достаток и прибыль, о котором было сказано выше, и во французских, и в русских пословицах использованы и другие символы богатства или бедности или непосредственное указание на них: *Contentement passe richesse — Счастье лучше богатства; Le malheur n'est pas toujours à la porte d'un pauvre homme — Бедность не всегда по-меха счастью/ И без золота в радости живут.* Пословицы с данными символами выявляют сопредельную ценность, а точнее диаду «**богатство-бедность**» и позволяют выявить предпочтение счастья богатству — счастья за деньги не купишь. Данное сходство во французских и русских паремиях может объясняться «общностью моральной основы европейских народов — христианской религией. В большинстве подобных назидательных пословиц богатство и деньги представляются антиценностями по сравнению с духовными ценностями и идеалами»¹⁴. Об отражении в пословицах о счастье ценности религии и веры было сказано выше. Хотя счастье и представлено как чудо, данное свыше, однако, подчеркивается и роль самого человека в сотворении своего счастья, в чем снова получает отражение единство противоположностей. Удача сопутствует тому, кто предпринимает соответствующие усилия, обладает необходимой **смелостью**, чем объясняется присутствие в пословицах образа игрока или охотника, а также кузнеца своего счастья: *Qui bien chasse, bien trouve — На ловца и зверь бежит; A bon joueur la balle — Ему и карты в руки; Chacun est l'artisan de sa propre fortune/de son bonheur — Всякий человек — кузнец своей судьбы/ счастья.* Та же мысль прослеживается и в испанских *пословицах* *Ése tiene ventura, que la procura — Кто за счастье борется, к тому оно и клонится* и *A los osados, favorece la fortuna — Храброму счастье помогает.* Серия пословиц со значением *Malheur partagé n'est malheur qu'à demi — Горе на двоих — полгоря* отражает идею товарища по несчастью, то есть сопредельную счастью ценность **дружбы, коллектива**, а возможно и **семьи**, которая представлена и в таких единицах, как *Pour qui jouit seul le plaisir boite — Радоваться в одиночку грустно/Когда человек веселится один, он веселится только наполовину.* В русских эквивалентах встречается упоминание родственников: *Хорошо тому жить, у кого бабка/мать ворожит; Кого дедушка любит, тому и косточки в руки.* Ценность семьи в русском языковом сознании проявляется в количественном преобладании единиц данной тематики над другими. Например, в словаре В. М. Мокиен-

ко и Т. Г. Никитиной тематическая группа «брак и семья» превосходит все остальные темы в количественном отношении и включает 1236 единиц¹⁵.

Проведенный анализ эквивалентов французских, русских и испанских пословиц показал, что паремиографические сборники демонстрируют «систему ценностных ориентиров того или иного народа посредством выявления приоритетных тем, в соответствии с которыми объединены единицы. Количественное превосходство паремий, представленных в той или иной рубрике, говорит о месте определённой ценности в системе ценностных констант нации»¹⁶. Рассмотренная дихотомия «счастье-несчастье», являющаяся универсальной, обладает важным ценностным смыслом для представителей всех трех лингвокультур. Единицы исследуемой тематической группы дают возможность проследить в рамках данной диады определенную степень единства противоположностей. Материал позволил выявить такие сопредельные счастью ценности, представленные в некоторых пословицах также в виде диад, как «*Бог, вера*»; «*богатство-бедность*»; «*смелость*», «*дружба*», «*коллектив*», «*семья*».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Брюзгина Н. К. Французско-русский словарь пословиц и поговорок. М.: Медиа-Пресс, 2007. С. 5.

² Vochina T. G. Receptions of contrast in the Russian paremika // II Congreso Internacional «La lengua y literatura rusa en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Granada, 8–10 de septiembre de 2010. T. 1. Granada, 2010. P. 71–72.

³ Брюзгина Н. К. Указ. соч. С. 5–6.

⁴ Семенов Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: Монография. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. С. 242.

⁵ Малинович Ю. М. Иерархия ценностей внешнего мира и внутреннего мира человека // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 82–83.

⁶ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 11.

⁷ Там же. С. 342–360.

⁸ Брюзгина Н. К. Указ. соч. С. 55–60.

⁹ Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2010. P. 179–180.

¹⁰ Брюзгина Н. К. Указ. соч. С. 55–60.

¹¹ Туровер Г. Я. Словарь пословиц. Испанско-русский и русско-испанский. М.: Рус. яз. — медиа; Дрофа, 2009. 208 с.

¹² Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Op. cit. P. 47.

¹³ Малинович Ю. М. Указ. соч. С. 82.

¹⁴ Бредис М. А. Представление о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. С. 154.

¹⁵ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Указ. соч. С. 47–97.

¹⁶ Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). Ч. 1.

AXIOLOGICAL ASPECT OF STUDYING EQUIVALENTS OF RUSSIAN, FRENCH AND SPANISH PROVERBS ON THE THEME OF «HAPPINESS-MISFORTUNE»

The paper deals with the problem of studying values on the material of equivalents of multilingual proverbs extracted from French, Russian and Spanish bilingual lexicographic sources, on the example of the universal value of «happiness». The analysis has shown that the theme of «happiness» has an important value sense for the representatives of the linguistic cultures being studied. The material has revealed the following values adjacent to happiness: «God, faith», «wealth», «courage», «friendship», «team», «family».

Keywords: values; adjacent values; French proverbs; Russian proverbs; Spanish proverbs; equivalents of proverbs.

**ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В статье анализируется видение выдающимся русским писателем-публицистом М. Е. Кольцовым Испании в лингвоимагологическом аспекте.

Ключевые слова: лингвоимагология; образ; заимствования; варваризмы; экзотизмы.

Проблема художественного перевода рассматривается в большом количестве научных трудов¹. Сформировалось специфическое филологическое направление на стыке языкознания и литературоведения. В самом обобщенном виде художественный перевод это «вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на русском»².

Данное исследование проводится в русле лингвоимагологии как нового направления современного языкознания, основоположник его Л. П. Иванова отмечает: «Лингвоимагология — новое направление языкознания в рамках теории коммуникации, призванное отобразить образ, имидж (отсюда термин) одного народа или страны в языковом сознании другого народа; его вербализацию и исследует лингвоимагология»³.

Объектом нашего исследования является образ Испании в сознании советского военного журналиста Михаила Ефремовича Кольцова, разделявшего коммунистические идеи Испании и сражавшегося на стороне Республики в период Испанской войны 1936–1939 гг. Материалом для исследования послужил «Испанский дневник»⁴, в котором наблюдается целый ряд заимствований, отображающих время, когда жил и творил писатель и которые очень красочно представляют историко-культурную ситуацию Испании в рассматриваемый период.

В исследованиях, посвященных проблеме передачи национально-специфических заимствований языком-реципиентом (В. М. Феклистова, Т. А. Зубкова, Е. А. Чигирина, Н. В. Колесова и др.), приводятся следующие виды заимствованной лексики: экзотизмы, экзотическая лексика, экзотизмы-вкрапления, варваризмы, безэквивалентная лексика, этнонимы, реалии. Для данных явлений является характерны национальная специфика, отсутствие эквивалентов в языке-реципиенте и иностранное происхождение.

Как известно, образ имеет много составляющих, однако мы останавливаемся на экзотизмах и варваризмах. Приведем словарные толкова-

ния данных категорий: «Экзотизмы (экзотические слова) — функционально-тематический разряд иноязычных слов, связанный с необычным для русских укладом жизни. В составе экзотизмов названия жилых построек, рода занятий людей, кушаний и напитков, денежных единиц: *вигвам, констебль, килт*. По большей части, экзотизмы относятся к безэквивалентной лексике. При тесных и длительных контактах экзотизмы превращаются в обычные иноязычные слова, так тюркизмы плов, чайхана, пиала экзотизмами уже не являются»⁵.

«Варваризмы — иноязычные слова или выражения, не до конца освоенные в русском языке в связи с грамматическими и фонетическими трудностями использования (авеню, мадемуазель, хокку, масс-медиа) или новизной заимствования (промоушен, фентези). Во втором случае многие заимствования быстро проходят стадию первичной новизны и перестают быть варваризмами»⁶.

Заимствования, исследуемые нами, являются средством стилистической выразительности, способствуют созданию национального колорита, а также демонстрируют уровень образованности автора, однако статус этих лексических единиц не одинаковый в связи с разной степенью их ассимиляции в различных сферах употребления.

При делении заимствований по экстралингвистическому признаку наиболее приемлемой является тематическая классификация варваризмов и экзотизмов. Данная классификация, объединяя лексемы в связанные культурной сферой блоки, отвечает целям и задачам лингвоиматологии. Тематическая классификация наиболее точно отображает образ Испании в русском языковом сознании. Ниже проанализированы испанские заимствования, которые были обнаружены в исследуемом источнике. В связи с ограниченностью объема исследования представлены наиболее яркие и интересные примеры заимствований, отражающие каждую из тематических рубрик.

Варваризмы и экзотизмы распределяются на следующие тематические группы:

1. Приветствие и обращение — *Виска Сандино!*, *Виска Русиа!* (кат. visca! — ура!); *Буэнос дияс!* (исп. Buenos días — Добрый день); *Муй бьен* (исп. muy bien — очень хорошо); *О гуана!*, *О морена!*, *О рубиа!* (исп. гуара — красавица, морена — брюнетка, rubia — блондинка); *А тьерра!* *Абахо!* (исп. tierra — земля, abajo — внизу); *Анимо* (исп. ánimo — я призываю); *Вива* (исп. viva — ура, да здравствует); *Ола* (исп. hola — привет, здравствуйте). Данные варваризмы используются при приветствии и обращении, лексически и грамматически они не освоенны. Обращаем внимание на то, что в перечисленных выше примерах присутствует графическое освоение — испанские слова приобретают русский графический облик.
2. Военно-политическая сфера — *сегуридад* (исп. seguridad — безопасность); *альмиранте* (исп. almirante — адмирал); *документос* (исп. documentos — документы); *энемиго* (исп. enemigo — враг); *амико* (исп. amigo — друг); *техничко* (исп. técnica — военный специалист); *наваха* (исп. navaja — длинный склад-

ной нож); *фаланге Эспаньола* (исп. falange Española — испанская фаланга); *сокорро рохо* (исп. socorro rojo — красная помощь); *салуд и бомбас* (исп. saludo — салют, bombas — бомбы); *пушка-колоссаль* (исп. colossal — грандиозный, впечатляющий); *батальон «Канариа»* (исп. canarias — канарейки); *колонна «Агилас»* (исп. aguilas — орлы); *батальон «Лос Фигарос»* (исп. los Figaros — парикмахеры); *милисианос* (исп. milicianos — ополченцы); *алькальда* (исп. alcalde — мэр).

3. Названия газет — *«Публиситат»* (исп. publicidad — реклама); *«Мундо Обреро»* (исп. mundo obrero — жизнь рабочего класса); *«Атеньо»* (исп. el ateneo — культурный клуб); *«Информасьонен»* (исп. información — информация); *«Эль дебате»* (исп. el debate — обсуждение); *«Популярес»* (исп. populares — народный); *«Юманите»* (исп. Jumanita — Хуанита); *«Эль соль»* (исп. el Sol — солнце); *«Эль социалиста»* (исп. el socialista — социалистический).
4. Продукты питания и напитки — *перно* (исп. perno — перно); *бакалао* (исп. bacalao — треска); *агуа* (исп. agua — вода); *вино* (исп. vino — вино). Все продукты питания и напитки, обнаруженные в исследуемом источнике, относятся к экзотизмам. Подчеркнем, что данные экзотизмы графически и лексически освоены.
5. Специфическая реалья — *тореро* (исп. torero — тореадор).

Обращаем внимание на графическое оформление варваризмов и экзотизмов испанского происхождения. Русскоязычный писатель подает иностранные слова, используя транскрипцию (термином «транскрипция» обозначают использование наиболее точного соответствия через записывание звучания слов языка-источника графемами языка-получателя⁷). Транскрипция как способ трансляционного переименования реалий точно передает испанский язык, нарушая при этом фонетические нормы языка-реципиента. Наряду с точной передачей фонетических норм языка-источника автор использует и транслитерацию (точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности), опирающуюся на русскую графическую систему.

Приведенные варваризмы и экзотизмы в рамках анализируемого произведения характеризуются полным отсутствием грамматической и лексической ассимиляции.

Таким образом, проведенный анализ варваризмов и экзотизмов свидетельствует о том, что М. Е. Кольцов погрузился в атмосферу испанской культуры и нашел в ней нечто «свое» и «чужое». Работая журналистом в советской газете «Правда», автор не мог не акцентировать внимание на названиях испанских газет (9). В связи с пребыванием писателя в эпицентре военных действий в тексте 15 военно-политических заимствований. Воспринимая мир сквозь призму родной культуры, автор отмечает продукты питания и напитки испанского народа, употребляя экзотизмы (4).

Следовательно, М. Е. Кольцов стремился сохранить аутентичность испанских реалий с помощью варваризмов и экзотизмов. Во избежание трудностей ее понимания и сохранения функций, которые исполняют заимствования в рамках произведения, автор использует такие способы их презентации как транскрипция и транслитерация.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Тонер П. М.* Перевод художественный // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968.

² *Зорівчак Р. П.* Реалія і переклад (на матеріалі англomовних перекладів української прози). Львів: Вид-во при Львів. ун-ті, 1989. С. 656.

³ *Иванова Л. П.* Жанровые основания лингвоимагологического анализа // *Жанры речи*: Сб. Саратов, 2016. № 1. С. 148.

⁴ *Кольцов М.* Испанский дневник. М.: Художественная литература, 1988. 227 с.

⁵ *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. С. 538.

⁶ Там же. С. 49.

⁷ *Зорівчак Р. П.* Указ. соч. С. 197.

Prokopovych N. Y.

National Pedagogical Dragomanov University, Ukraine

BORROWINGS IN PUBLICISTIC TEXT (LINGUOIMAGOLOGICAL ASPECT)

The article analyzes the vision of the eminent Russian writer and publicist M. E. Koltsov of Spain in the linguo-mugological aspect.

Keywords: linguoimagology; image; borrowing; barbarism; exoticism.

Проценко Игорь Юрьевич

Университет дель Норте, Парагвай

protsent2002@mail.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ

В статье рассматриваются нравственно-философские проблемы литературы русской эмиграции т.н. «первой волны», а также выделяются основные группы внутри этого движения.

Ключевые слова: русская литература; эмиграция; страдания; любовь; родина.

LITERATURA RUSA EN EXILIO

La literatura rusa en exilio o literatura de inmigración comienza en 1917, después de la Revolución en la que vencieron los bolcheviques. La revolución cambió las relaciones entre los seres humanos, quebró las vidas, familias, rompió los destinos de la gente. Llegaron a gobernar los marginales. El lema «Cualquier cocinera puede encabezar el estado» fue aceptada como regla principal de la política interior del nuevo país. La frase «Yo no soy egresado de la Universidad» fue el paso a todas las esferas de la vida, y se convirtió en un símbolo de orgullo.

Para los intelectuales y la gente del arte comenzó el período «negro». Los encarcelan, torturan, aniquilan física y moralmente por ser bien educados, por no estar de acuerdo con la política de los bolcheviques, por protestar contra el terror, analfabetismo, «suciedad en los pensamientos» de la gente, por censura, por seguir siendo Seres Humanos.

El líder de los comunistas Vladímir Lenin (Uliánov) para lograr el reconocimiento del nuevo país en la arena internacional tomó la decisión astuta y maliciosa. En vez de matar a los indeseables les exilaron al extranjero demostrando así la «humanidad» del régimen de bolcheviques. Aunque exiliados no tenían derechos llevar consigo ni dinero, ni ropa, nada.

Por otra parte, mucha gente inmigro por sus ideas e imposibilidad de vivir en Rusia quebrada. Entre ellos el filósofo Nikolay Berdiaev, los bailarines Anna Pavlova y Vaslav Nijinsky, el pintor Iván Repin, los compositores Serguéi Rajmáninov, Ígor Stravinski y Sergéy Prokófiev, el cantante Fiódor Shaliapin. Los escritores no fueron la excepción.

En la búsqueda de refugio la intelectualidad rusa eligió varios destinos. A los centros principales de emigración rusa se convirtieron, Constantino-pla, Sofía, Praga, Berlín, París, Harbin, Buenos Aires, México, etc.

Así (principalmente en los años 20) empezó la primera onda de emigración masiva de los intelectuales de Rusia.

Muchos exiliados perdieron a sus familias, todo lo que los enlazaba a ellos con el pasado. Sabían que no se puede volver a su Patria. Rusia, como ellos la conocieron, ya no existía. La necesidad de empezar una vida nueva, la nostalgia dejó la huella notable en las almas y corazones de la gente. El motivo de la pérdida ocupó un lugar principal en la conciencia de ellos lo que se reflejó en las obras que no dejaron de crear.

La literatura en emigración estuvo en condiciones desfavorables: falta de lectores, fiasco de los pilares de la sociedad, la vida sin asilo, pobreza que obligaba a vender las obras maestras del arte ruso. Pero, a pesar de eso, los escritores guardaron la libertad, libertad interior, la riqueza de inspiración que oponiéndose a las realidades de la existencia en exilio permitió crear la literatura nueva, que surge embate y se sube a las alturas increíbles.

Iván Bunin dice «No veo la decadencia en los últimos diez años... ninguno de los escritores perdieron su talento... Además, aquí, en el extranjero aparecieron los talentos nuevos, de calidad indiscutible que influyeron a la contemporaneidad»¹.

Convencionalmente se puede dividir a los artistas, escritores, poetas de la primera onda de inmigración en tres grupos: «generación de los mayores» («generación mayor»), «generación de los menores» (o «jóvenes») y los que están entre ellos.

A la «generación de los mayores» pertenecen escritores famosos ya, quienes lograron éxito antes de la Revolución: Iván Bunin (Premio Nobel de 1933, el primer escritor ruso que obtuvo este premio por el «talento riguroso artístico con el que el autor reconstruyó la prosa literaria de carácter típico ruso»), Aleksandr Kuprín, Zinaída Guíppius, Dmitri Merezhkovski, etc. El motivo principal de ellos es la nostalgia de la patria perdida:

*...Somos escalones por encima del abismo,
Somos niños de las tinieblas,
Cuando veamos la luz
Moriremos en sus rayos,
Como sombras*².

(Dmitri Merezhkovski)³

Una capa notable de la literatura de los «mayores» se compone con las obras en las que valora a los acontecimientos trágicos de la Guerra Civil, provocada por la Revolución de los bolcheviques. Las tramas de las obras, sus argumentos se mezclan con los sueños y las visiones fantásticas, basadas en la conciencia popular, en espíritu folclórico ruso. Con el desenmascaramiento adolorido están saturados los diarios de Iván Bunin «Días malditos». Iván Shmelióv escribe una epopeya sobre el terror rojo en Crimea «Sol de los muertos» que Thomas Mann llamó «horroroso, envuelto de un documento de la época al brillo poético».

Comparando «lo de ayer» y «lo de ahora» la «generación mayor» aprecia todo lo «viejo», es decir, arcaico mundo cultural de Rusia, que está

perdido. No reconocen la necesidad de adaptarse con la realidad actual, la realidad del exilio. Es lo que explica conservatismo estético de ellos «¿Es hora de dejar seguir las huellas de Tolstoy? ¿Entonces, a quien seguir?» (estaba perplejando I. Bunin)⁴. Los temas generales en su mayoría son retrospectivos: recuerdos de infancia, juventud, acontecimientos gloriosos de «Rusia eterna». Los géneros literarios principales para ellos son biografías de los compositores, pintores, Santos, vuelta al Dios: «Peregrinación», «El verano de Dios» de I. Shmelióv, «Cadetes» de A. Kuprín, «la niñez de Nikita» de Alexéy Tolstói, la novela autobiográfica «La vida de Arsénev» de I. Bunin, etc.

«La generación de los menores» («jóvenes») el famoso crítico literario Vladímír Varshavskiy les llama «la generación invisible». Son los que no tenían tiempo de crear la reputación firme en Rusia antes de la Revolución. Casi nadie de ellos no pudo ganar la vida, creando las obras literarias, viviendo en exilio (excepto Vladímír Nabókov, quien logró la fama internacional con su novela «Lolita»): unos trabajaban de taxistas, otros de botones en las tiendas de alimentación, en farmacias, cobrando sueldos miserables. La mayoría de ellos se asentaron en París, donde, a pesar de todo lo malo, del 1930 al 1934 se publica la revista literaria «Chisla» («Numerales» — I. Yu). Vladislav Khodasevich escribe: «Desesperación que poseen las almas de Montparnasse... se alimentan y se mantienen con la miseria y agravio... Sobre las mesitas de Montparnasse se sienta la gente, la mayoría de los cuales no almorzaba al mediodía y por la noche no se podrán pedir ni una taza de café. A veces, están en Montparnasse hasta la madrugada porque no tienen donde dormir. La miseria crea la creación». Los representantes de esta rama de la corriente literaria rusa en exilio son Ósip Mandelshtam, Vladímír Nabókov, Gaito Gazdánov, etc.

Comparando con «los mayores», inspirados por los motivos nostálgicos, estos se dejaron los documentos de la vida real en el exilio. El sentimiento de desolación de los jóvenes emigrantes se refleja en los motivos de la «tristeza de suicidio» en las obras que a veces llevan a suicidarse a los autores mismos. Así, en Harbin, los miembros del grupo literario «Churaevka» Gueorgui Granin y Serguey Serguin se suicidaron juntos, el día 5 de diciembre de 1934 en el hotel «Nankin», después de leer unas poesías en la revista «Chisla» sobre la desesperación de la vida en exilio.

A pesar de que el tema de la tristeza es predominante, las obras de los representantes de los «jóvenes» ligan con esperanza.

*He vuelto a mi ciudad, a la que conozco hasta llorar,
La conozco hasta las venas, hasta las glándulas hinchadas en la niñez.
Has vuelto acá, entonces, traga rápido
La luz amarilla de los faroles del río.
Reconozca lo más rápido posible el día del diciembre
Que está mezclado con la brea y la yema.*

¡Petersburgo!
 Todavía no llegó la hora para que yo muriera:
 Porque tú tienes mi número de teléfono.
¡Petersburgo!
 Todavía tengo las direcciones
 Donde me esperan las voces de los muertos.
 Yo vivo en la escalera de servicio y a la sien
 Me golpea el timbre, arrancado «con la carne»,
 Y toda la noche que, corre tan rápido, espero a los huéspedes queridos
 Moviendo las cadenas de la puerta, como si fueron grilletes.
 (O. Mandelshtam)⁵.

La posición intermedia entre los «mayores» y los «jóvenes» ocupan los escritores, en primer lugar los poetas, que lograron publicar sus primeras colecciones de las obras antes del comienzo de la Revolución: Gueorguiy Adamovich, Vladislav Khodasevich, etc.

Una de las más destacadas poetisas, que pertenece a dicha generación, fue Marina Tsvetáyeva. En 1922 se fue de Rusia y se asentó en Berlín, donde empieza la amistad epistolaria con Boris Pasternak. A él, Marina Tsvetáyeva dedica una poesía que se considera como el himno de los emigrantes de la primera onda:

Dis-tancia: ¿kilómetros y kilómetros?
 Nos han dis-persado, transplantado
 nos han ¡y qué bien estamos
 en los lejanos horizontes!
 ¿Dis-tancia y lejanías?
 Des-pegados, des-soldados.
 Apartaron manos, crucificaron
 sin saber lo que destruían: la unión total.
 De suspiros y tendones
 nos malquistaron, nos esparcieron
 y exfoliaron.
 Muro y foso.
 Separados, como las águilas.
 ¿Conspiradores y lejanías?
 No nos desbarataron; nos perdieron
 por los tugurios de las latitudes:
 disgregados como huérfanos.
 ¿Cuál es, pero cuál es, marzo?
 ¡Como a las barajas nos han cortado!
 (M. Tsvetayeva)⁶

Los guiones que dividen la palabra «distancia» simbolizan irreversibilidad de la separación de los escritores, que están apartados, la pérdida de la relación de emigración con Rusia. La escisión ideológica que tuvo lugar después del cambio del poder en el país se muestra gráficamente. A los escritores «dis-persaronon», «des-encolaron», «des-oldaron» para que se comporten callado, sin poder subir su voz.

La crucifixión es el símbolo de la cruz, símbolo de espíritu de sacrificio de los que abandonaron su Patria, quienes dejaron todo lo valioso, sagrado. Dos escritores como si fuera dos águilas-conspiradoras. Esa alegoría contiene el símbolo de la fidelidad a las tradiciones de la Patria (en el escudo de Rusia hay un águila de dos cabezas), por una parte; por la otra — lazos de sangre de las almas, interpenetración de las inspiraciones. Los escritores-emigrantes se convirtieron en huérfanos sin su tierra. La poesía refleja los sentimientos personales, pero tiene un carácter global.

La poesía de Marina Tsvetáyeva atraviesa un estridente y agobiante dolor por las pérdidas que sufría la gente rusa. Pero, a pesar de eso, el lirismo personal de la autora hace creer el triunfo de la vida, al amor. Lo poco que tiene que hacer cada uno es amar.

*¡Ah! Cuantos ya cayeron a este abismo,
 Que abrió su boca en la lejanía.
 Llegará un día cuando yo me desaparezca
 De la faz de la Tierra.
 Se puso frío todo, lo que cantaba, luchaba,
 Brillaba y aspiraba.
 Y la verdura de mis ojos,
 Y el oro de mi pelo.
 Aparecerá la vida con su pan vital,
 Con la distracción del día.
 Y todo será —
 Como si no existiera debajo del cielo.
 Yo, inconstante, como las caras de los niños,
 Furiosa, pero por poco tiempo,
 A la quien gustaba cuando las leñas en la chimenea
 Se convierten en cenizas.
 Violonchelo y cabalgadas en la espesura del bosque
 Y la campana en la aldea
 — A mí, la que es verdadera, abierta
 Y vive en esta tierra tan amable,
 A todos ustedes — de parte de quien nunca sabía la medida,
 A los lejanos y los míos,
 Me dirijo con la exigencia de la confianza
 Y con el ruego del amor.
 Y día y noche, por escrito y oralmente:
 Por la libertad, por sí y no,
 Por frecuencia de la tristeza,
 Y por cumplir 20 años,
 Por mi inevitabilidad directa —
 Perdonar las ofensas,
 Por mi cariño irrefrenable Y la apariencia demasiado orgullosa.
 Por la rapidez de lo que pasa,
 Por la verdad, por el juego...
 — ¡Escuchen! — Y... sepan,
 Quiéranme...
 Porque moriré.
 (M. Tsvetayeva)⁷*

Conciencia del «yo» (autoconciencia) de los escritores rusos en exilio reflejó V. Nabókov: «En Rusia que nos rodea invisible, apoya, alimenta nuestras almas, adorna nuestros sueños, no existe otra ley que la ley de amarla, la ley de nuestra conciencia ... No vamos a maldecir el exilio. Vamos a citar estos días a un militar antiguo del que escribía Plutarco «Por la noche en la tierra inhabitada, lejos de Roma yo instalé la tienda de campaña y eso fue mi Roma».

*Si se apaga la luz — no la veo,
Si el hombre es un animal — lo odio.
Si el hombre es peor que un animal — lo mato.
Si mi Rusia ya no existe — me muero...*
(Zinaida Guíppius)⁸

La literatura rusa no murió en exilio al contrario, floreció. Lo que salvó a los escritores en exilio es el amor. Porque el amor no se puede ahogar, es eterno. El amor a nuestras parejas, familia, amigos, a la Patria, es belleza que salva y salvará al Universo.

*Ella no morirá, — ísepan!
Ella no morirá, Rusia..
Ellos espigarán — ícrean!
Sus campos de oro.
Y nosotros no moriremos, — ícrean!
Pero, ¡a qué servirá nuestra salvación!
Rusia se salvara, — ísepan!
Y pronto ya está su resurrección.*
(Zinaida Gíppius)⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Krugosvet. Encyclopedia [Ref. al Internet]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/LITERATURA_RUSSKOGO_ZARUBEZHNYA.html (31.02.2019), P. 2.

² Merezhkovski D. S. Hijos de la noche. [texto]. [Ref. al Internet]. URL: <http://merezkhovsky.ru/lib/poetry/deti-nochi.html>

³ Aquí y luego la traducción del autor Igor Yu. Protsenko. Vale la pena mencionar que existen otras.

⁴ Kostikov V. V. No vamos a maldecir el exilio. Moscú: Vaguirus, 2004. 464 p.

⁵ Mandelstam O. Leningrado. [texto]. [Ref. al Internet]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Mandelstam/49.htm>

⁶ Slovo. Serebrianiy vek. [Ref. al Internet]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Cvetaeva/115.htm>. La traducción [Ref. al Internet]. URL: <https://ciudadseva.com/texto/distancia-kilometros-y-kilometros/>

⁷ Tsvetayeva M. Réquiem. [texto]. [Ref. al Internet]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Cvetaeva/115.htm>.

⁸ Guíppius Z. Así es. [texto]. [Ref. al Internet]. URL: <http://gippius.com/lib/poetry/tak-est.html>.

⁹ Guíppius Z. No. [texto]. [Ref. al Internet]. URL: <https://gippius.com/lib/poetry/onane-pogibnet-znayte.html>.

Protsenko I. Yu.

Universidad del Norte (UniNorte), Paraguay

RUSSIAN LITERATURE IN EXILE

The purpose of the article «Russian literature in exile» is to make readers of Spanish-speaking countries known with some peculiarities of Russian literature in exile (which in some respects is recognized as the «Silver Century Literature» of Russia.

Keywords: Russian literature; exile; suffering; love; homeland.

ПУШКИНСКАЯ ИСПАНИЯ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ

Статья посвящена вопросам передачи «чужой» культурной информации в художественном тексте и ее реконструкции в переводе оригинала средствами различных вербальных и невербальных семиотических систем. Материалом анализа послужили моносемиотический вербальный текст пьесы А. С. Пушкина «Каменный гость» и его переводы на иностранные языки, а также «языки» кино, музыки и изобразительного искусства.

Ключевые слова: художественный перевод; культурная информация; адаптация; реконструкция.

Пьеса «Каменный гость» входит в известный цикл «Маленькие трагедии», созданный А. С. Пушкиным в 1830 году (Болдинская осень). Текст, состоящий из менее чем 4000 слов («головкружительный лаконизм» по А. А. Ахматовой), обращается к вопросам страсти и морали и раскрывает вечную тему возмездия за грехи. Ахматова считала, что «Каменный гость», прежде всего, является трагедией возмездия, на что, по ее мнению, указывает отказ автора от использования в названии имени главного героя¹. В пьесе, как и в других произведениях Пушкина, предельная лаконичность сочетается с невероятной смысловой насыщенностью², а пушкинский текст справедливо считается одним из самых неоднозначных и загадочных текстов цикла, что отмечается в специальных работах³. Об особом отношении автора к своему тексту, представляющего собой «драматическое воплощение внутренней личности Пушкина»⁴, свидетельствует и тот факт, что при жизни автора он не был опубликован.

Известно, что поэт практически никогда не покидал пределы России. Но данное обстоятельство не помешало ему успешно «путешествовать» в своих художественных текстах, «посещая» и описывая страны и культуры мира в различные исторические периоды. Ф. М. Достоевский считал, что в пушкинских текстах «отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении»⁵. В «Трагедиях» действия пьес происходят в Англии XVII века, Австрии конца XVIII века, Бургундии XV века и Испании XVI–XVII веков. Нельзя не согласиться с Ю. М. Лотманом, что в основе цикла лежат конфликты между эпохами и культурами. Пушкин мыслил культурными эпохами истории Европы и «Маленькие трагедии» — это историческое полотно, а не просто культурные реминисценции. «В основу поэтики цикла положен строго выдержанный исторический принцип: художественный мир каждой трагедии строится по законам картины мира соответствующей эпохи»⁶. Сюжет «Каменного

гостя», повествующий об обольстителе Доне Жуане, и фатальной встрече с каменной статуей его антагониста, считается одним из регулярно используемых сюжетов в мировой литературе. До Пушкина сюжет с аналогичным героем, прототипом которого считается севильский аристократ дон Хуан Тенорио, уже был использован в художественных произведениях: тексты Тирсо де Молины («El burlador de Sevilla y convidado de piedra»), А. де Саморы («No hay plazo que no se cumpla, ni deuda que no se pague o Convidado de piedra»), Мольера («Dom Juan ou le Festin de pierre»), К. Гальдони («D. Giovanni Tenorio, ossia: il dissoluto punito»), Дж. Байрона («Don Juan»). Перечисленные произведения являются авторскими версиями популярного сюжета, который обрел в литературе различные стилевые воплощения: барочное, классицистическое и романтическое⁷. Образ Дона Жуана регулярно интерпретировался в рамках литературных традиций в различные исторические эпохи. В мировом культурном пространстве сосуществуют крайне противоречивые воплощения образа, что имеет своим результатом амбивалентность образа культурного героя. Нельзя не согласиться со следующим: «Портрета Дон Жуана нет — и не может быть — ни у кого. Дон Жуан — многолик (безлик). Он — никто из мужчин. И он — все мужчины»⁸.

«Вечный» дон-жуановский сюжет, имеющий множество хронотопических характеристик и вариаций, не утратил своей актуальности и в пост-пушкинской литературе, о чем свидетельствуют произведения П. Мериме, Х. Соррильи, А. Толстого, Н. Гумилева, Г. Аполлинера, А. Блока, П. Антокольского, С. Алёшина и т. д. Трактовки рассматриваемого сюжета представлены в литературе большинства европейских стран, что обеспечивает известность и узнаваемость сюжета и героя в различных культурах. Эстетическая сила сюжета, а также ряда созданных на его основе текстов обусловили появление многочисленных вторичных невербальных текстов, представленных музыкальными произведениями, живописными полотнами и кинотекстами. Ряд текстов, основанных на дон-жуановском сюжете, могут быть определены как сильные тексты культуры, которые находятся в устойчивых отношениях дополнительности и создают гетерогенный мультимедийный политекст в котором раскрывается сложный образ главного героя. Сильные прецедентные дон-жуановские тексты различной семиотической природы образуют художественную систему, обладающую устойчивой способностью к генерированию текстов. В данном случае ярким примером является создание пушкинского текста о Доне Жуане. Считается, что пьеса «Каменный гость» была написана после знакомства Пушкина в 1828 году с русской версией оперы «Дон Жуан, или наказанный развратник» Моцарта. Автором либретто, основанного на пьесе испанца А. де Саморы (авторская переработка пьесы Тирсо де Молины), был итальянец Л. да Понте. Пушкин заимствовал ряд элементов его текста на что указыва-

ет использование в качестве эпиграфа строки из итальянского либретто. Исследователи творчества Пушкина отмечают и другие возможные источники пушкинского текста⁹. При этом русский поэт, бесспорно, создал собственное оригинальное произведение.

Испании «Каменного гостя» предшествуют ряд лирических опытов поэта — «своеобразная проба стиля испанского „экзотизма“ („Ночной зефир струит эфир“, 1824; „Я здесь, Инезилья...“, „Пред испанкой благородной...“, 1830)¹⁰. География небольшой пьесы одновременно точна и неопределенна. «Сперва Пушкин предполагал избрать в качестве места действия Севилью, потому ли, что он знал, что легенда о Дон Хуане связана была с этим городом, потому ли, что Севилья была традиционна в литературе на испанские темы. Но, во всяком случае, именно с отнесением действия к Севилье связано упоминание Андалузии в стихе 30, как противопоставление местных женщин женщинам той страны, откуда Дон Гуан вернулся. Между тем, при обработке Севилья заменена Мадридом. Но Андалузия осталась незамененной»¹¹. Есть косвенное указание на то, что действие происходит в Испании — «а далеко, на севере — в Париже», а также на время действия — уже построен Эскориал. Для Пушкина важно, что действие происходит в Испании, жители которой обладают южным темпераментом и подвластны сильным страстям.

История выбора имени главного героя представлена у многих исследователей. Пушкин следует традиции и использует для своего героя вариант имени Дон Жуан. Но если используемое ранее имя соответствует нормам французского или итальянского языков, то поэт использует форму Дон Гуан, более точно отражающую испанское имя. Отказ от традиционного имени героя мог иметь и другие причины. «Выбор Пушкиным имени для персонажа маленькой трагедии, кроме прочего, мог быть обусловлен желанием ослабить дотекстовые семантические ассоциации»¹². Дон Гуан — это исключительно пушкинский Дон Жуан. Другие именакультуронимы, представленные в поэтическом тексте и приобретающие статус поэтонимов, своим существованием и формами обязаны желанию Пушкина воспроизвести в сценах испанский колорит. Существует мнение, что композиционно-смысловые отношения названия к сюжету пьесы способствуют созданию в ней образа Испании, о присутствии которого нет единого мнения. Томашевский считал, что Пушкин избегал местного колорита, и «в „Каменном госте“ нет ничего сверх... общих мест»¹³. Ахматова, воспринимала, что «это Испания, Мадрид, Юг»¹⁴. При этом она отмечала, что пушкинские герои больше похожи на жителей Петербурга, современников поэта. Сторонником идеи о сохранении несомненно испанского колорита пьесы, реализованного автором через описание южной ночи и создающего ощущение того, что это Испания, был Достоевский: «Перечтите „Дон-Жуана“, и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец»¹⁵. «Специфически

испанское в пьесе все-таки есть, иначе можно усомниться в „всемирной отзывчивости“ Пушкина. Дело даже не столько в поединках, вдвоем ритуале, южной ночи и т. п., сколько в умении поэта постичь глубину художественного мирозерцания испанца...»¹⁶. Конечно, пушкинская Испания и пушкинские испанцы имеют достаточно условный характер. И тем не менее, в тексте Пушкина реконструирован образ именно Испании, вызывающий у читателей оригинала ассоциации с «чужой» культурой. Испанский колорит создается через использование культуронимов: Дон Гуан, Дона Анна де Сольва, Дон Карлос, Лапорелло, Инеза, Диего де Кальвадо, Дон Альвар, Мадрид, Андалузия, Эскурьял, испанский гранд, сеньора.

Образ Дона Гуана занимает особое место в сложном многомерном культурном пространстве Испании. Если автору оригинала доступны исключительно вербальные средства реконструкции испанского колорита, то авторы межсемиотических переводов имели возможность использовать визуальные средства — картины и иллюстрации (самого Пушкина, И. Репина, В. Фаворского, С. Соломки, Н. Домашенко, В. Бубновой, В. Станишевской); сочетание визуальных средств (костюмы и декорации), слов (либретто) и музыки — опера А. С. Даргомыжского «Каменный гость» по тексту А. С. Пушкина, завершенная Ц. А. Кюи и Н. А. Римский-Корсаковым и поставленная в 1872 году. Данную оперу критики называют самым точным переводом с поэтического языка на музыкальный. В 1967 году опера была экранизирована В. Гориккером. В 1986 году опера была поставлена в Нью-Йорке (пушкинское либретто переведено Т. Мотыкой и Р. Тарускиным). В статье, опубликованной в «The New York Times», отмечаются неточности и явные потери английского перевода, а также критикуется режиссерское смешение стилей и культур, в результате которого действие происходит в «Мадриде на Волге», а действующие лица — это русские с испанскими именами¹⁷. Британский композитор Ф. Годфри в 2012 году создал на основе оперы оперетту, сохранив название пушкинского оригинала. В 1971 году режиссеры А. Даусон и Л. Пчёлкин сняли фильм по спектаклю Л. Вивьена. Интересным опытом реконструкции пушкинской Испании является телефильм М. Швейцера, посвященный 180-летию юбилею поэта и ставший событием культурной жизни страны. Через 30 лет на экраны выходит киноадаптация И. Евтеевой, представляющая собой симбиоз игрового и анимационного кино. Пушкинская пьеса также адаптировалась в драматических и кукольных театрах.

«Каменный гость» был переведен на испанский язык в 1938 году советским переводчиком О. Г. Савичем и испанским поэтом М. Альтолагирре. «По свидетельству Савича, испанцы были поражены тем, насколько верно никогда не бывший в Испании Пушкин смог передать главную суть мифа о Дон Хуане, да еще предложил свою <...> интерпретацию средневековой легенды»¹⁸. Таким образом, пушкинский текст

«вернулся» в свою культуру, а перевод стал с честью выдержанным испытанием для пушкинской Испании. Пьеса переведена на многие языки мира. На английский язык переводы выполнили К. Тернер («The Statue Guest»), А. Верг, Дж. Фейлен, Н. Андерсон, Р. Вернио, а также А. Шоу и Р. Кларк. И именно «чужой» сюжет русского произведения, являющегося образцом русской поэзии и обладающего высокой культурной и эстетической ценностью, делает данный текст крайне трудным для перевода. Но парадокс состоит в том, что западный и, в частности, англофонный читатель, легче воспринимает «Маленькие трагедии», так как в них представлена «чужая» культура (как утверждает переводчик Пушкина Дж. Лоуэнфельд).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахматова А. А. «Каменный гость» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 185–195.

² Заславский О. «Узнал я поздно...» (Скрытая предыстория в «Каменном госте») // Toronto Slavic Quarterly, № 43, 2013. P. 149–179.

³ Ветловская В. Е. Из комментария к драме Пушкина «Каменный гость» («Мой Лепорелло, завтра — приготовь ...») // КРУГИ ВРЕМЕН. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М.: Индрик, 2015. С. 554–564; Чумаков Ю. Н. Дон Жуан Пушкина // Проблемы пушкиноведения. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1975. С. 3–27.

⁴ Ахматова А. А. Указ. соч. С. 192

⁵ Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) // Дневник писателя [Электронный ресурс] URL: <http://2queens.ru/Uploads/Nadiya/Dostoevskiy%20Федор.%20Дневник%20писателя.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

⁶ Пиков Г. Г. Дон Гуан и Дон Хуан: взгляд историка на проблему восприятия испанской культуры в России начала 19 в. // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2004. Вып. 13. С. 138–171.

⁷ Забурова Н. В. Трагедия Пушкина «Каменный гость» в культурно-эстетическом контексте европейского XVII века // Серия «Symposium», Барокко и классицизм в истории мировой культуры, Выпуск XVII. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 136–140.

⁸ Андреев В. Самый обаятельный, привлекательный и ... проклинаемый // Севильский обольститель. Дон Жуан в испанской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 29.

⁹ Томашевский Б. В. Комментарий к «Каменному Гостю» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 7: Драматические произведения. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 553–577; Anderson N. K. The Weight of the Past: The Stone Guest // Alexander Pushkin. The Little Tragedies. New Haven and London: Yale University Press, 2000. P. 156–181.

¹⁰ Забурова Н. В. Указ. соч.

¹¹ Томашевский Б. В. Указ. соч. С. 573–574.

¹² Калинин В. Поэтонимия «Каменного гостя» // COLLEGIUM, № 1, 2016 [Электронный ресурс] URL: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=18794> (дата обращения: 01.06.2019).

¹³ Томашевский Б. В. Указ. соч. С. 575.

¹⁴ Ахматова А. А. Указ. соч. С. 192

¹⁵ Достоевский Ф. М. Указ. соч.

¹⁶ Чумаков Ю. Н. Указ. соч. С. 7.

¹⁷ Henahan D. Opera: 'Stone Guest' // The New York Times. February 27, 1986.

¹⁸ Андреев В. Указ. соч. С. 5.

Razumovskaya V. A.

Siberian Federal University, Russia

PUSHKIN'S SPAIN IN ORIGINAL AND TRANSLATIONS: ADAPTATION AND RECONSTRUCTION PROBLEMS

The article is devoted to the transfer of “foreign” cultural information in a literary text and its reconstruction in translation of the original by means of various verbal and non-verbal semiotic systems. The monosemiotic verbal text of the play by A. S. Pushkin’s “The Stone Guest” and its translations into foreign languages, as well as the “languages” of cinema, music and visual arts were used as the analysis material.

Keywords: literary translation; cultural information; adaptation; reconstruction.

Фернандес-Вальдес Хоакин
Переводчик-фрилансер, Испания
ispanets@gmail.com

СРАВНЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА» Л. Н. ТОЛСТОГО

В статье проанализированы 4 перевода повести «Крейцерова соната» Л. Н. Толстого, три из которых выполнены с русского на испанский и один с русского на каталанский язык. Автор рассматривает проблемы сохранения авторского стиля и искажений текста оригинала, допущенных в процессе перевода.

Ключевые слова: манипулирование; искажение; авторский стиль.

COMPARACIÓN DE CUATRO TRADUCCIONES DE SONATA A KREUTZER DE LEV TOLSTÓI

En esta comunicación me gustaría hablar de la comparación a grandes rasgos de cuatro traducciones de *Sonata a Kreutzer* de Lev Tolstói, tres de ellas al castellano y una al catalán. Me ha parecido interesante comparar las traducciones de esta obra en concreto ya que, al tratarse de un libro polémico y que creó gran controversia debido a su particular visión sobre el matrimonio y las relaciones sexuales, me preguntaba hasta qué punto, si comparábamos traducciones antiguas con más modernas, encontraríamos que el traductor había suavizado o incluso modificado su contenido para evitar temas espinosos o incómodos para la moral de la época. No hay olvidar que durante los cuarenta años que duró la dictadura de Franco, en España el matrimonio era una institución intocable que no se podía cuestionar.

De las cuatro traducciones, la más antigua que he analizado es de 1966. Se trata de una traducción de ínfima calidad en la que ni siquiera figura el nombre del traductor, y es altamente probable que se trate de una traducción no directa del ruso. La segunda traducción que he escogido sí que es directa, data de 1979, y fue realizada por dos hermanas, Irene y Laura Andresco. La tercera es de 1985; se trata de una traducción al catalán de una rusa, Olga Savarin, y de un catalán, Marçal Pineda. La cuarta es de 2003, y el traductor es Ricard San Vicente, profesor de literatura rusa de la Universidad de Barcelona.

Empezaré hablando sobre la traducción de 1966. Más que una traducción es una recreación de *Sonata a Kreutzer*, un clarísimo ejemplo de lo que a mi parecer un traductor jamás debería hacer: cambiar el contenido, eliminar páginas enteras, añadir e inventarse párrafos que no encontramos en el original. Hay partes que están tan mutiladas que se hace difícil reconocer que estamos leyendo a Tolstói.

Ya en el inicio de la obra, las dos primeras frases son eliminadas sin compasión por el traductor. En el original leemos:

Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния, но трое ехало, так же как и я, с самого места отхода поезда.

Y he aquí la traducción:

“En cada estación que el tren paraba iban bajando viajeros de nuestro coche y subiendo otros nuevos, pero quedaban siempre tres personas que se dirigían, como yo, a la estación más distante”.

Como se puede ver, además de eliminar las dos primeras frases, el traductor hace una traducción muy libre de lo que Tolstói escribió en realidad.

A la hora de describir a Pózdnyshév, el traductor se inventa rasgos físicos de este, como por ejemplo, que es «sumamente atractivo» o que «tiene unos ojos de color indefinido», algo que Tolstói nunca escribió. Cuando en el capítulo III Pózdnyshév habla sobre sí mismo, al traductor le debió parecer poco interesante su procedencia, y cuando el protagonista dice:

“Я помещик и кандидат университета и был предводителем”

El traductor se inventa lo siguiente:

“Soy hijo de un rico hidalgo de las estepas, antiguo mariscal de la nobleza, fui alumno de la universidad, licenciado en Derecho”.

Un ejemplo mucho más grave de manipulación del texto lo vemos al final de la obra. El traductor, quizá para hacer el final más interesante, modifica la conversación entre Pózdnyshév y el viajero que escucha su historia, y acaba con una confesión que Pózdnyshév nunca hizo y con los versículos de Mateo que encontramos al principio de la obra. El último fragmento del original dice:

Мы долго сидели молча. Он всхлипывал и трясся молча передо мной.

— Ну, простите...

Он отвернулся от меня и прилег на лавке, закрывшись пледом. На той станции, где мне надо было выходить, это было в восемь часов утра, — я подошел к нему, чтобы проститься. Спал ли он или притворялся, но он не шевелился. Я тронул его рукой. Он открылся, и видно было, что он не спал.

— Прощайте, — сказал я, подавая ему руку. Он подал мне руку и чуть улыбнулся, но так жалобно, что мне захотелось плакать.

— Да, простите, — повторил он то же слово, которым заключил и весь рассказ.

Y he aquí lo lejos que llega la inventiva del traductor:

Permanecimos largo rato taciturnos. Posdnischeff sollozaba y temblaba, silencioso, delante de mí. Se le habían adelgazado las facciones, alargado la cara, y agrandado la boca.

—No, dijo de repente—: si yo hubiese sabido lo que ahora, jamás me hubiese casado con ella, por nada del mundo.

Volvimos a quedarnos taciturnos largo rato.

—Sí, he ahí lo que he hecho, he ahí lo que he experimentado yo. Hay que comprender la verdadera importancia de las palabras del Evangelio de San Mateo, en el versículo 28 del capítulo V: “Que todo que mira a la mujer con voluptuosidad comete adulterio”; y esas palabras se refieren a la mujer, a la hermana, y no sólo a la mujer ajena, sino ante todo a la propia.

¿Hay algo más grave a la hora de traducir, que manipular y mutilar hasta este punto una obra literaria? Este traductor cuyo nombre desconocemos, estaría situado sin duda en la tercera categoría de traductores que estableció Nabókov, la más nefasta y abominable de todas, y estoy convencido de que para Nabókov este traductor merecería arder en el infierno eternamente.

Pero dejemos esta traducción y vayamos a comparar las otras tres, de una calidad infinitamente mayor. Como he comentado antes, estas tres versiones son bastante fieles al original. Una de las cosas que las hace más distintas entre sí es la elección del léxico de cada traductor. En este sentido, la más atrevida de todas es la más reciente, la de Ricard San Vicente. También lo es, aunque en menor grado, la de las hermanas Andresco. Mucho más recatada es la traducción al catalán de 1985, que intenta disimular y matizar sensiblemente algunas palabras incómodas o poco decorosas.

Una palabra puede ser traducida de muchas maneras, y la elección de la palabra justa puede responder a criterios distintos. Lo que a mi parecer destaca de la traducción de Ricard San Vicente de 2003, es que, a diferencia de traducciones más antiguas, no trata de suavizar el contenido de la obra ni la brusquedad de algunas expresiones recurriendo a palabras más suaves.

Veamos el siguiente ejemplo, en el comienzo del capítulo XIII:

...на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно.

La traducción de las hermanas Andresco del año 1979 dice:

...en la práctica el amor resulta una bajeza, una porquería de la que hasta da vergüenza hablar.

Y he aquí la de Ricard San Vicente:

...en la práctica el amor es repugnante, animal, y de ello da asco y vergüenza hablar y pensar.

Ambas traducciones son correctas, pero nótese la elección del léxico: la palabra «repugnante» es mucho más contundente y fuerte que «bajeza», y además Ricard San Vicente utiliza también la palabra «asco», muy contundente también.

En la traducción no directa del año 1966, el tono queda muy rebajado y suavizado, y se utilizan las palabras «innoble» y «degradante».

Otro ejemplo de cómo cada traductor elige un léxico determinado, la tenemos en la palabra “**блудник**”.

Aquí podemos ver una interesante evolución temporal, porque aunque las traducciones de esta palabra que encontramos son correctas en las cuatro versiones, cuanto más reciente es la traducción, más atrevida es la palabra escogida por el traductor. Esto ocurre con la excepción de la traducción al catalán, que aunque, es posterior a la de las hermanas Andresco, es mucho más recatada y suavizada. Así, encontramos que:

- Traducción de 1966: LIBERTINO
- Traducción de 1979: MUJERIEGO
- Traducción de 1985: INMORAL
- Traducción de 2003: VICIOSO

De todas ellas, la que tiene un matiz más sexual y que más impacta al lector español, es la de Ricard San Vicente, al que no asusta en absoluto utilizar un lenguaje descarnado y directo para transmitir la abominación que en esta obra Tolstói nos muestra que siente por el sexo.

Uno de los métodos utilizados por algunos traductores para suavizar el contenido de una obra lo encontramos en el capítulo V. El problema que se plantea aquí es el del uso de la palabra «sifilítico», que parece incomodar a algún traductor y prefiere no usar esta expresión y sustituirla por otra más neutra.

Tolstói escribe:

Как же, я знаю, несколько высшего света девушек выданы родителями с восторгом за сифилитиков.

En este caso tanto las hermanas Andresco como Ricard San Vicente traducen fielmente el contenido y respetan la palabra «sifilítico».

Pero en la traducción al catalán de 1985, se sustituye «sifilíticos» por la expresión «personas atacadas de una cierta enfermedad», como si al traductor considerara poco decoroso traducir la enfermedad de manera literal y buscara una fórmula indeterminada y neutra, que no hiera la sensibilidad del lector.

Lo mismo ocurre con la traducción de 1966, donde se manipula el texto al sustituir, como en el caso anterior, la palabra «sífilis» por «enfermedad», dejando al lector que imagine que se debe tratar de una enfermedad venérea pero sin citar la enfermedad en sí.

Hablemos ahora de una cuestión estilística que preocupa a muchos traductores de Tolstói: ¿qué hacer con las numerosas repeticiones de una misma palabra en una misma frase o párrafo tan características de este autor? Para un traductor esto supone un dilema, porque si respeta escrupulosamente el original, la traducción se puede resentir. Ya sabemos que en castellano hace muy mal efecto leer una misma palabra repetida en varias ocasiones en un mismo párrafo, y tanto los escritores como los

traductores las evitan en la medida de lo posible. Además, si el traductor se decide a conservar todas las repeticiones, es probable que el corrector o el editor le «arreglen» el desaguizado, cambiando las palabras repetidas por sinónimos.

De las cuatro traducciones que he analizado, solo una conserva las repeticiones. Las otras tres las disimulan, eliminan la palabra conflictiva o buscan algún sinónimo. La traducción más reciente, la de Ricard San Vicente, conserva las repeticiones, probablemente porque considera que constituyen un rasgo estilístico de Tolstói que es necesario respetar.

Tomemos el ejemplo que hemos visto antes:

En el capítulo XIII, Tolstói escribe:

на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Ведь недаром же природа сделала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то так и надо понимать. А тут, напротив, люди делают вид, что мерзкое и стыдное прекрасно и возвышенно.

Este párrafo puede resultar una pesadilla para un traductor. Tolstói repite en un solo párrafo la palabra “мерзко” cinco veces, y la palabra “стыдно” cuatro veces. ¿Qué hacer en un caso así? ¿Respetar el original a pesar de que al lector le pueda resultar inaceptable, o respetar el estilo en ocasiones algo machacón de Tolstói?

Veamos qué han hecho nuestros traductores.

Ricard San Vicente traduce:

...en la práctica el amor es repugnante, animal, y de ello da asco y vergüenza hablar y pensar. Pues no en vano la naturaleza ha hecho de ello algo repugnante y vergonzoso. Y si es repugnante y vergonzoso, así hay que entenderlo. Aquí, en cambio, la gente aparenta que lo repugnante y vergonzoso es maravilloso y sublime.

Y las hermanas Andresco traducen:

En teoría el amor es una cosa ideal, sublime, mientras que en la práctica resulta una baja, una porquería de la que da hasta vergüenza hablar. Y si se trata de una cosa baja y vergonzosa, así hay que comprenderla.

Mientras que en la traducción de Ricard San Vicente se respetan las repeticiones casi en su totalidad, las hermanas Andresco optan por eliminar una frase entera para salvar este obstáculo, y consiguen repetir estas palabras solamente en dos ocasiones, con lo que, en realidad, obtienen una traducción más desnaturalizada y menos intensa que la de Ricard San Vicente.

Curiosamente, la traducción al catalán opta por eliminar exactamente la misma frase, con lo que queda más o menos igual que la de las hermanas Andresco.

Según mi opinión la solución más acertada en este caso es la de Ricard San Vicente, es decir, conservar todas las repeticiones, como algo característico

del estilo de Tolstói. No obstante, es comprensible que el traductor opte por no hacerlo, porque a menudo puede resultar muy complicado.

Como curiosidad, aquí tenemos la portada de una edición de *Sonata a Kreutzer* del año 1964 en la que el editor, probablemente para vender más ejemplares, se inventa un título mucho más trágico y melodramático para la obra: *AMOR PROHIBIDO*, con un dibujo bastante vulgar, típico de novela rosa, de un hombre abrazando a una mujer de manera apasionada. Solo en el interior del libro descubrimos que se trata de *Sonata a Kreutzer*, que aparece como subtítulo, en letra pequeña y entre paréntesis. Esta es una práctica más propia del pasado y, afortunadamente, los editores se toman cada vez más en serio la edición de los clásicos.

Como he dicho al principio, uno de los motivos que me llevó a comparar diversas traducciones de esta obra fue porque, por su ataque salvaje al matrimonio y a las relaciones sexuales, pensé que quizá las traducciones antiguas maquillarían y suavizarían mucho el contenido de esta obra. Pero lo cierto es que me ha sorprendido comprobar que, con la excepción de la traducción de 1966, casi todas las demás que he consultado son bastante fieles al original.

Tal vez donde podría verse que en el pasado esta era una obra incómoda, no es tanto en la manipulación de la traducción como en el número de ediciones, que durante la dictadura franquista sufrió un notable descenso; lo mismo ocurrió con *Anna Karénina*, obra en que también se aborda el tema de la infidelidad conyugal.

Fernández-Valdés J.

Freelance translator, Spain

COMPARISON OF FOUR TRANSLATIONS OF THE KREUTZER SONATA BY LEO TOLSTOI

The article analyzes 4 translations of the novel “The Kreutzer Sonata” by L. N. Tolstoy, three of which are made from Russian into Spanish and one from Russian into Catalan. The author considers the problems of preserving the author’s style and distortions of the original text, committed during translation.

Keywords: manipulation; distortion; author’s style.

Хрусталева Мария Алексеевна

Пермский государственный
национальный исследовательский университет, Россия

cristalik1982@list.ru

АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА AMOR КАК ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ОКТАВИО ПАСА)

Статья рассматривает предпереводческий анализ стихотворений в русле когнитивно-переводоведения: процессы категоризации и концептуализации в сознании переводчика способствуют трансляции внутренней формы исходного текста (ИТ). Подчеркивается значимость интерпретационного анализа ИТ через рассмотрение семантических связей между лексемами-репрезентантами концепта. Это позволяет приблизиться к образно-категоризационной организации исходного текста и максимально полно транслировать его поэтичность.

Ключевые слова: когнитивное моделирование; слоты; вербальная репрезентация; трансляция поэтичности.

Общеизвестно, что индивидуально-авторские концепты наиболее специфично, емко и интересно представлены в поэтических текстах, где они вербализуются образами, средствами выразительности и ключевыми словами, характерными только конкретному поэту. При этом специфика видения им картины мира обусловлена индивидуальной структурой опыта, знаний, переживаний и эмоций¹. В связи с этим можно смело предположить, что они отражают особый способ восприятия и организации мира, обогащая творчество автора и делая его индивидуально-уникальным. Таким образом, концепт становится «константой идиостиля»² автора, а создаваемые в произведении образы являются результатом взаимодействия системы ценностей личности с конкретными ситуациями действительности и проявляются в порождаемых автором текстах.

Основываясь на мысли Ю. С. Степанова о том, что «во всех духовных концептах мы можем довести описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, а лишь переживается»³, полагаем, что для более полного постижения интенционального смысла, передаваемого в стихотворных произведениях целесообразным видится обратиться к концептуальному моделированию.

Под концептуальным моделированием мы понимаем создание фрейма ключевого концепта исходного текста, и последующий анализ специфики семантических корреляций между лексемами-репрезентантами концепта. Думается, это дает переводчику возможность более глубоко и точно понять содержание текста, а также предотвратить проблемы ошибочной интерпретации и понимания произведения. В этом отношении

инструментарий когнитивной лингвистики видится довольно эффективным и действенным, поскольку позволяет провести предпереводческий анализ исходного произведения «во всей полноте его идейно-образных характеристик, а затем транслировать заложенное в нем содержание теми языковыми средствами, которые наиболее полно и точно отражают авторский замысел»⁴.

В данной статье предпринята попытка на основе когнитивно-дискурсивного анализа стихотворений Октавио Паса «Soneto-I», «Tus ojos», «Escrito con Tinta Verde», «Sonetos-V», «La poesía», «Decir, hacer» продемонстрировать действенность концептуального моделирования при переводе, охарактеризовав вербальную репрезентацию концепта AMOR.

При анализе дефиниций лексемы *amor*, представленных в Словаре королевской академии испанского языка, наиболее релевантным видится следующее толкование: «*Sentimiento de afecto, inclinación y entrega a alguien o algo*»⁵. Отсюда можно предположить, что любовь является чувством влечения и привязанности не только к человеку, но и к любому предмету или явлению, что подчеркивает специфику эмоционального наполнения этого прекрасного чувства любого человека.

Итак, переходя к непосредственной характеристике фрейма концепта AMOR заметим, что первый слот *Amor a la mujer* «Любовь к женщине» включает в себя 7 подслотов: *Luz* «Свет», *Movimiento* «Движение», *Naturaleza* «Природа», *Partes del cuerpo* «Части тела», *Antagonistas* «Противостояние», *Colores* «Цвета», *La expresión de los sentimientos* «Выражение чувств». Второй слот *Amor a la poesía* «Любовь к поэзии» представлен 2 подслотами: *La poesía* «Поэзия» и *El autor* «Автор».

Проанализировав вербальные репрезентанты подслота *Luz* — *el diamante, el esplendor, el sol, el lucero, el relámpago* — замечаем, что любовь в понимании автора является чем-то ярким, светящимся, но не постоянным, и даже в некотором смысле кратковременным. Представляется, что наиболее сильный образ содержит в себе лексема *el diamante*: алмаз преломляет свет и раскрывает всю его недоступную красоту только под определенным углом. В добавлении к этому, лексема *el sol* подчеркивает силу и величие прекрасного чувства, способного противостоять и игнорировать любые явления.

С последней лексемой связан следующий подслот *Antagonistas*, определяющими вербальными компонентами которого являются такие лексемы, как *la ceniza, el fuego, la espada, la llama, el incendio, la sed*. Это можно проинтерпретировать как присутствие настолько сильной степени чувства, способной побороть любые преграды, что очевидной становится полная отдача лирического героя этому чувству без особого беспокойства о будущем.

Подслот *Movimiento* содержит в себе вербальные репрезентанты концепта, демонстрирующие свойство любви придавать силы человеку

ее испытывающему. Это можно проследить через наличие антонимических связей между его компонентами: *inmóvil, danzante, la quietud, la danza, la avidez*.

В свою очередь подслот *Partes del cuerpo* репрезентирован такими лексемами, как *los ojos, los brazos, la cintura, el cuello, los senos, la frente, la nuca, los dientes, la cicatriz, la sangre*. Поэт описывает свою возлюбленную, но достаточно просто и безлично, не вдаваясь в конкретику, а её фигура является элементом покорности, которая находится рядом с поэтом и соответствует его желаниям. Особо отметим, что каждая из лексем данного подслота перекликается и соотносится с лексемами наиболее репрезентированного подслота *Naturaleza*, а именно: *las tempestades sin viento, el mar sin olas, los pájaros, doradas, topacios, el otoño, la playa, los frutos, el torbellino, el cielo, la nube, la yerba, el aire, el bosque, la constelación, el árbol, las estrellas, el agua, la tierra*.

Например, в стихотворении «Tus ojos» глаза сравниваются со многими явлениями природы, они являются источником существования любви. Глаза — это двери в другие миры, фантазии, а также в настоящую действительность. Ее взгляд спокоен и безмятежен, как «морской штиль». Это и мерцающая звезда на небосклоне, и безмерное пространство космоса, в которое можно смотреть бесконечно.

В подслоте *La expresión de los sentimientos* нашли свое отражение лексемы разной семантики, которые раскрывают эмоции и чувства, вызванные любовью автора к женщине: *la voluntad, la sonrisa, la lágrima, el silencio, el vértigo, exaltar, librar, gozoso, absorto*. Проанализировав вербальные репрезентанты данного подслота, правомерным видится особо сказать о трансляции специфичности, уникальности и непостоянности этого прекрасного чувства.

Несмотря на то, что только две лексемы подслота *Colores* отражают цветовую символику, мы выделяем следующие его компоненты: *la blancura, el campo de nieve, la estatua, la página, páramo, la tinta verde, la lluvia de hojas, la yedra, las palabras*. Первые пять лексем связаны между собой синонимическими связями, как и остальные четыре лексемы, но между собой эти синонимические ряды находятся в антонимичном отношении: в этом подслоте, по нашему мнению, налицо отражение противостояния лирического героя и его возлюбленной. Женщина воспринимается автором как белый чистый лист, который он может заполнить своими словами и описать свою музу желаемыми качествами, и сделать это можно только с помощью поэзии. Зеленый цвет является символом жизни, расцвета и непрерывности существования в природе, поэтому он наделяет качества своей дамы сердца при ее описании именно этим цветом, что подчеркивает ее значимость для автора и глубину его чувства к ней. Когда мы любим человека, мы постоянно открываем для себя что-то новое о нем, и рисуем эту черту на «странице» его описания.

То же самое происходит и с поэзией: бесконечное творчество на листе бумаги обусловлено тем, что поэту всегда есть, что сказать и он находит новые слова, чтобы более полно и образно выразить свою мысль.

Переходя к краткому описанию второго слота фрейма концепта AMOR — *Amor a la poesía* — заметим, что 2 образующих его подслота также были подразделены на подслоты второго уровня. Подслот *La poesía* представлен подслотами *La descripción de la poesía* «Описание поэзии» и *Las posibilidades de la poesía* «Возможности поэзии». Первый из них представлен лексемами *silencioso, secreto, la angustia, la roca inmensa, invisibles huestes, la verdad abrasadora, la llama, el espíritu, la sed, sin nombre, la unidad, el sueño, la substancia, el vencedor, solitario, un hacer*. Как можно заметить, автор раскрывает нам разнообразную палитру описания поэзии, при этом давая понять, что поэзию, как любое чувство, нужно не понимать, а прожить и прочувствовать. Второй подслот *Las posibilidades de la poesía* «Возможности поэзии» вербализован следующими лексемами: *despertar, encender, engendrar, existir, decirse, decir, oírse, sembrar, deslizarse, disiparse, tejer, destejer, ir, venir*. Думается, через эти языковые реализации концепта автор передает идею о том, что вдохновение невозможно призвать по повелению поэта. Также автор не способен написать и отразить все, что ему преподносит вдохновение. Поэзию и вдохновение нельзя «потрогать», «остановить», «захватить», она лишь пробуждает все наши чувства и желание творить. Ничто не может препятствовать ей, так как она исходит из самой «глубины» и «центра» поэта, раскрывая все его страхи, эмоции и желания.

Завершая описание вербализации фрейма концепта AMOR и обращаясь к подслоту *El autor*, входящему во второй слот *Amor a la poesía* отметим, что он представлен также двумя подслотами, а именно, *La descripción del autor* «Описание поэта» и *Las posibilidades del autor* «Возможности поэта». Вербальные компоненты данного подслота находятся в антонимичных отношениях с лексемами, организующими подслот *La poesía*.

Поясним, что первый подслот *La descripción del autor* представлен такими вербальными репрезентантами, как *entre ruinas, solo, desnudo, despojado, solitario combatiente*. Если анализировать набор данных лексем в сравнении с элементами подслота *La poesía*, то можно отметить, что создается антонимическая связь по линии мощь-покорность. Думается, автор признает, что вдохновение может прийти в любой момент, застать врасплох автора и завладеть им, о чем свидетельствует образ одинокого и разоблаченного творца, стоящего среди разрушенного мира. Но эта мощь привлекательна для него, и он отдает для ее создания все свои силы. Во втором подслоте *Las posibilidades del autor* были выделены такие вербальные репрезентанты, как *percibir el mundo, contemplar, soñar, existir, balbucear, conocerse, decir, rozar, oír, ver, tocar*. Очевидно, здесь развора-

чивается подобная антонимическая связь, раскрывающая отношения поэта и поэзии: поэт способен лишь воспринимать окружающий его мир, но только с помощью поэзии он может постичь его и самого себя.

Итак, изучив специфику вербализации концепта AMOR в лирике Октавио Паса, становится очевидным факт особой значимости для поэта индивидуально-уникальной природы этого чувства: сущность любви раскрывается с новых сторон в каждом отдельном стихотворении. Представляется, что «внутренний мир автора стихотворений является отражением окружающей его действительности, которая в последствии выражается в различных эмоциональных переживаниях с помощью языковых единиц, переосмысление которых при последующем переводе возможно благодаря концептуальному моделированию в анализе идиостиля»⁶.

Подводя итог, следует сказать, что при переводе поэтического произведения, крайне важным оказывается точно выделить составляющие элементы его типологической доминанты, во главу угла ставя категорию поэтичности (термин Н. В. Шутёмовой). При этом ведущей переводческой стратегией следует признать «репрезентацию поэтичности ИТ в ПТ»⁷, а переводческие трудности, обусловленные «гетерогенностью сознаний автора и переводчика, языков, литературных традиций, культур, дистанцией времени и связаны с пониманием и передачей на языке перевода единства идейности, эмотивности, образности и художественной формы оригинала»⁸ возможно преодолеть через обращение к когнитивному моделированию на этапе предпереводческого анализа текста оригинала. В связи с этим представляется возможным заключить, что когнитивный подход к анализу концепта, составляющий, по сути, предпереводческий анализ ИТ, помогает постичь образность и цельность произведения, которые являются основными свойствами художественного текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яковлева А. А., Усанина Е. В. Специфика вербализации концепта AMOR в поздней лирике Ф. Гарсиа Лорки // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур: сб. ст. молодых ученых / отв. ред. В. А. Бячкова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь. 2016. С. 195.

² Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 101.

³ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. С. 48.

⁴ Хрусталева М. А., Никитина М. А. «Прекрасное» и «безобразное» в зеркале когнитивно-дискурсивного подхода к переводу // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 37–47. С. 44. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-37-47.

⁵ Он-лайн словарь Королевской академии испанского языка [Электронный ресурс] // www.rae.es. URL: <https://dle.rae.es/?id=2PGmlay> (дата обращения: 22.03.2019).

⁶ Яковлева А. А., Усанина Е. В. Специфика вербализации концепта AMOR в поздней лирике Ф. Гарсиа Лорки // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литера-

тур: сб. ст. молодых ученых / отв. ред. В. А. Бячкова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь. 2016. С. 199.

⁷ Шутёмова Н. В. Понятие доминанты в типологии перевода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2015. Вып. 3 (31). С. 48.

⁸ Там же.

Khrustaleva M. A.

Perm State University, Russia

ANALYSIS OF THE VERBAL REPRESENTATION OF THE AMOR CONCEPT AS A PRE-TRANSLATION POETRY ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF THE POEMS BY OCTAVIO PAZ)

The article considers the pre-translation poetry analysis in line with cognitive translation studies. The categorization and conceptualization processes in the translator's mind facilitate the translation of the internal form of the source text (ST). The importance of the interpretative analysis of the ST is emphasized through the consideration of semantic links between concept tokens. This allows getting closer to the ST's image-categorization grid and translating poetry as fully as possible.

Keywords: cognitive modeling; slots; verbal representation; poetry translation.

Чертоусова Светлана Викторовна

*Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва, Россия*

pippi-langstrumpf@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ ДОМСТИКАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С РУССКОГО НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ ДИАХРОНИИ

Статья посвящена исследованию переводческих трансформаций в рамках стратегии домстикации на материале современного перевода на испанский язык рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог». Анализируется сохранение при переводе национально-культурного колорита произведения. Особое внимание уделяется использованию при трансформациях национального варианта испанского языка в Никарагуа.

Ключевые слова: диахронический перевод; домстикация; национальный вариант; переводческая трансформация; лингвокультурология; архаизм; просторечие; оним.

Общепризнанная значимость классических произведений русской литературы в мировом культурном пространстве и их эстетическая ценность побуждают читателей из разных стран к знакомству с текстами на языке оригинала или, как чаще всего происходит, в переводе. В таком случае перед переводчиком ставится важная задача передать помимо содержания и основной мысли автора также национальный колорит произведения и вместе с тем обеспечить понимание текста перевода читательской аудиторией, принадлежащей к другой лингвокультуре. Сделать это становится сложнее в диахроническом переводе, то есть переводе, выполненном в период, значительно отдаленный от времени создания самого художественного произведения¹. Случаи диахронического перевода нередко встречаются в художественной литературе, поскольку именно в ней отражены универсальные и значимые во все времена моральные ценности. Подобный пример диахронического перевода будет рассмотрен в настоящей статье.

Практическим материалом для данного исследования послужил перевод рассказа Льва Николаевича Толстого «Где любовь, там и Бог» на испанский язык, выполненный никарагуанским переводчиком в 2010 году и включенный в сборник рассказов Л. Н. Толстого «Cuentos para aprender a vivir». Выбор именно этого варианта перевода обусловлен рядом факторов. Во-первых, чрезвычайно интересным с точки зрения лингвокультурологии представляется сам факт появления в начале XXI века сборника рассказов русскоязычного писателя-классика в небольшой латиноамериканской стране с несхожей культурой и традициями. Во-вторых, анализируемый перевод представляет собой яркий пример вариативности испанского языка и функционирования одного из его национальных вариантов в письменном тексте (под национальными вари-

антами языка в лингвистике понимаются «формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности»²). А поскольку в предисловии к сборнику подчеркивается, что он предназначен для юного читателя из Никарагуа, то переводчик отдает предпочтение стратегии домстикации и пользуется при этом самыми разнообразными трансформациями, нетривиально решая возникающие трудности при переводе. Выявление набора переводческих трансформаций в рамках стратегии домстикации при переводе рассказа «Где любовь, там и Бог» на испанский язык и анализ их обоснованного использования с учетом сохранения в тексте перевода национальных и культурных особенностей текста оригинала и является целью настоящего исследования.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу перевода, дадим краткую характеристику домстикации как переводческой стратегии. Два противоположных принципа перевода — культурное отчуждение и культурное освоение — были отмечены еще немецкими мыслителями в XIX веке и подразумевают «переселение» автора иноязычного произведения к читателям, чтобы они почувствовали в нем соотечественника, или же «переселение» читателей перевода к иностранному автору, чтобы они сами почувствовали особенности его жизни, его язык³. Позднее они были обозначены Л. Венути терминами «домстикация» и «форенизация». В основе домстикации лежит этноцентрический подход, когда на первый план выдвигаются культура и доминантные ценности языка перевода⁴. Текст перевода, в котором отсутствуют отличительные черты иностранного текста, а незнакомые понятия и явления опускаются или заменяются сходными явлениями культуры языка перевода, проще воспринимается инокультурным реципиентом. Тем не менее, очевидно, что при таком подходе не передается национально-специфический колорит исходного текста, зачастую играющий важнейшую роль в художественном произведении. Использование стратегии домстикации обоснованно лишь в том случае, когда этого требует цель перевода как акта межкультурной коммуникации. На этом положении будет основываться наш анализ переводческих трансформаций в рамках стратегии домстикации, использованных при переводе рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог».

Прежде всего, выделим типы лексико-грамматических единиц, передача которых в тексте перевода требует применения стратегии домстикации. Поскольку рассказ «Где любовь, там и Бог» был создан Л. Н. Толстым в 1885 году, текст изобилует архаизмами и словами-реалиями, не имеющими прямых аналогов ни в испанской, ни в латиноамериканской культурах. В подобных случаях переводчиком из Никарагуа достаточно часто применяется прием опущения: так, остались не переданными в тексте перевода реалии-архаизмы «сафьян», «водовоз», «фо-

нарщик» и ряд других. Доместикация проявляется в примерах адаптации реалий к культуре жителей Никарагуа. Сравним:

«Воткнул Авдеич шило, встал, поставил на стол *самовар*, залил *чай* и постукал пальцем в стекло»⁵.

«Al decir esto clavó la aguja de zapatero en el banquillo, se levantó, sacó el *pinolillo*, lo mezcló con agua y azúcar en un *pichel* y le hizo una seña a través de la ventana a Juan Potosme»⁶.

Реалии «самовар» в переводе на испанский язык соответствует лексема «el pichel», употребительная преимущественно на территории латиноамериканских стран и обозначающая высокий круглый оловянный сосуд, широкий снизу и узкий наверху с крышкой, прикрепленной к его ручкам. В контексте рассказа такая замена представляется вполне адекватной, так как существительное «el pichel» подходит для описания чаепития в культуре Никарагуа.

Еще одним примером культурной адаптации из приведенного выше отрывка является замена существительного «чай» на лексему «el pinolillo». Данная замена не кажется нам вынужденной, поскольку во всех национальных вариантах испанского языка функционирует лексема «el té». Тем не менее, по задумке переводчиков в текст вводится название типичного напитка для стран Центральной Америки. Можно предположить, что таким образом реализуется прием компенсации при невозможности передачи национального колорита в другом отрывке текста.

Еще одним переводческим приемом при передаче реалий является подбор эквивалента в культуре языка перевода⁷. В анализируемом тексте название российской монеты заменяется на денежную единицу Никарагуа — кордобу:

«Прими, ради Христа, — сказал Авдеич и подал ей *двугривенный*...»⁸.

«Quiero ofrecerte esto en nombre de Dios — dijo Miguelito, poniéndole en la mano un billete de *doscientos córdobas*...»⁹.

При анализе передачи архаизмов и реалий следует сделать оговорку, что выбор используемой трансформации зависит от выполняемой ими функции в тексте. В исследуемом переводе устаревшая лексика и реалии служат для передачи колорита времени и места повествования — небольшого русского города на рубеже XIX–XX веков. Культурная адаптация приближает текст перевода к реалиям страны потенциальных реципиентов. Такие функции архаизмов, как пародийная и возвышенная, свойственные современным текстам, в данном случае отсутствуют.

Для социально-речевой характеристики персонажей и исторической стилизации повествования в произведениях художественной литературы используются просторечия. Данная лексическая группа представляет особую сложность для перевода независимо от пары языков, так как часто помимо собственно значения слова переводчику необходимо учитывать его географическую маркировку, то есть социолокальную

информацию. В паре неродственных языков, функционирующих в пределах значительно отличающихся культур и социумов, поиск эквивалента-просторечия становится практически невыполнимой задачей. В связи с этим в переводоведении долгое время ведущим способом передачи просторечий была стилистическая нейтрализация. Так, к примеру, в работах В. Г. Гака отмечается невозможность «передать французское просторечие, лежащее за пределами литературной нормы, русским просторечием»¹⁰, а А. В. Федоров предлагает в качестве основного функционального соответствия всякого рода диалектизм (как территориальных, так и социальных) просторечие в широком смысле слова¹¹.

Просторечия, представляющие собой стилистические архаизмы в рассказе «Где любовь, там и Бог», в рассматриваемом переводе не передаются, что, без сомнения, приводит к потере национально-культурного колорита текста-оригинала:

«Войди, погрейся, что ль, — сказал он. — Озяб, *чай*»¹².

«Ven a refrescarte un poco, le dijo — *has de tener calor*»¹³.

Еще одна просторечная форма «чай» также не имеет эквивалента в испанском языке:

«Али ждешь кого? — спросил гость»¹⁴.

«¿Esperas a alguien? — preguntó el invitado»¹⁵.

Интересующая нас доместикация проявляется в передаче просторечных форм имен собственных персонажей рассказа. Помимо включения в рассказ типичных испанских имен они используются с уменьшительно-ласкательным суффиксом «-ito/a», указывающим на разговорный оттенок обращения:

«Жил в городе сапожник *Мартын Авдеич*»¹⁶.

«Había una vez en una ciudad un zapatero remendón llamado *Miguelito*»¹⁷.

При ознакомлении с фрагментом текста русскоязычный читатель сразу получает фоновую информацию о примерном возрасте персонажа, так как детей и молодежь не принято называть по отчеству. Очевидно, что в испаноязычных странах такая реалия отсутствует, поэтому сема возраста при переводе утрачивается. Культурная адаптация осуществляется путем поиска фонетически сходного онима в испаноязычной культуре, например, Мартын — Miguelito, Аксютка — Adelita:

«*Аксютка*, так та ни к кому и не пойдет от меня»¹⁸.

«Mi *Adelita* no se va con nadie sino es conmigo»¹⁹.

Таким образом, при диахроническом переводе художественных произведений трудность представляет передача архаизмов, просторечий, слов-реалий, а также онимов, характерных для культуры языка оригинала. С учетом низкой степени осведомленности носителей культуры языка перевода с национально-специфическими особенностями русской

культуры XIX века переводчик делает выбор в пользу сохранения содержания при неизбежных потерях культурологической информации и национального колорита произведения.

К стратегии доместикации в рассмотренном переводе относятся такие трансформации и приемы, как компенсация, контекстуальная замена, опущение, адаптация. Выбранная переводчиком стратегия доместикации обоснована стремлением отразить в тексте перевода основную мысль писателя и мораль рассказа — призыв помочь нуждающимся и исполнение евангельской заповеди любви и добра по отношению к ближнему. Отсутствие или адаптация в тексте на испанском языке вышеназванных лексических единиц не препятствует выполнению основной цели перевода, а значит, перевод вполне может квалифицироваться как адекватный.

Стоит также отметить, что в переводе отсутствуют смысловые ошибки, что свидетельствует о наличии у переводчика необходимых фоновых знаний для успешного распознавания национально-специфической лексики и ее функции в тексте. Особое своеобразие тексту придает национальный вариант испанского языка, используемый в Никарагуа. Достаточно «вольный» стиль перевода продиктован, с нашей точки зрения, желанием переводчиков и составителей сборника рассказов Л. Н. Толстого максимально адаптировать текст для современного латиноамериканского читателя и сделать описываемую ситуацию более простой и понятной для восприятия. Использованные переводческие трансформации в рамках стратегии доместикации могут быть применимы и к другим произведениям классической русской литературы с целью сближения русской и испанской культур и передачи культурного наследия России современным читателям Испании и Латинской Америки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. С. 138.

² Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки // Едиториал УРСС, 2004. С. 100.

³ Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. С. 43.

⁴ Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London; New York: Routledge, 1995. P. 20.

⁵ Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // Где любовь, там и Бог: антология. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2007. С. 46.

⁶ Tolstoi L. Donde está el Amor, allí está Dios // Cuentos para aprender a vivir. Managua: Equipo Teyocoynani, 2010. P. 65.

⁷ Иовенко В. А. Практический курс перевода. Испанский язык. Учебник. М.: ЧеРо, 2001. С. 120.

⁸ Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // Где любовь, там и Бог: антология. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2007. С. 52.

⁹ Tolstoi L. Donde está el Amor, allí está Dios // Cuentos para aprender a vivir. Managua: Equipo Teyocoynani, 2010. P. 75.

¹⁰ Так В. Г. «Коверкание» или «подделка» (Об одном опыте перевода варваризмов) // Тетради переводчика. М.: Междунар. отношения, 1966. Вып. 3. С. 38.

¹¹ Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособ. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. С. 288.

¹² Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // Где любовь, там и Бог: антология. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2007. С. 46.

¹³ Tolstoi L. Donde está el Amor, allí está Dios // Cuentos para aprender a vivir. Managua: Equipo Teyocoynani, 2010. P. 66.

¹⁴ Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // Где любовь, там и Бог: антология. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2007. С. 47.

¹⁵ Tolstoi L. Donde está el Amor, allí está Dios // Cuentos para aprender a vivir. Managua: Equipo Teyocoynani, 2010. P. 67.

¹⁶ Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // Где любовь, там и Бог: антология. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2007. С. 39.

¹⁷ Tolstoi L. Donde está el Amor, allí está Dios // Cuentos para aprender a vivir. Managua: Equipo Teyocoynani, 2010. P. 64.

¹⁸ Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // Где любовь, там и Бог: антология. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2007. С. 55.

¹⁹ Tolstoi L. Donde está el Amor, allí está Dios // Cuentos para aprender a vivir. Managua: Equipo Teyocoynani, 2010. P. 80.

Chertousova S. V.

Mordovia Ogarev State University, Russia

DOMESTICATION STRATEGY IN THE RENDERING OF RUSSIAN LITERARY WORKS INTO SPANISH IN DIACHRONIC ASPECT

The present research explores the translation transformations related to domestication strategy used by a modern translation of a short story by Leo Tolstoy “Where Love Is, God Is” into Spanish. The recreation of national and cultural colour of the story is analyzed. Special attention is given to the use of national variant of the Spanish language in Nicaragua.

Ключевые слова: diachronic translation; domestication; national variant; translation transformation; cultural linguistics; archaism; colloquial language; onym.

2. СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Юридический и административный, коммерческий, присяжный перевод, перевод политических и дипломатических текстов, музейный перевод, военный перевод, перевод кинотекстов. Проблемы устного перевода. Другие виды перевода. Терминологические системы, дискурсивный анализ и проблема смысловой эквивалентности. Типы переводческих трансформаций. Перевод, межкультурная коммуникация и культурный трансфер.

2. TRADUCCIÓN ESPECIALIZADA: DESCRIPCIÓN CIENTÍFICA, INSTRUMENTOS

La traducción jurídica y administrativa, la traducción comercial, la traducción jurada, la traducción de textos políticos y diplomáticos, la traducción museística, la traducción militar, la traducción de textos cinematográficos. Otros tipos de traducción. Problemas de interpretación. Los sistemas terminológicos, el análisis discursivo y el problema de la equivalencia semántica. Tipos de transformaciones traductológicas. Traducción, comunicación intercultural y transferencia cultural.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ТЕРМИНА «ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ» НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

В статье исследуется вопрос перевода русского понятия «предложный падеж» на испанский, рассматриваются возможные варианты, встречающиеся в преподавании русского языка как иностранного, предлагается исторический подход в объяснении данного термина.

Ключевые слова: предложный падеж; перевод; преподавание русского как иностранного; испанский язык.

Вопрос о переводе и объяснении русского понятия «предложный падеж» с регулярностью возникает в иноязычной, в нашем случае, испанской аудитории (ученики Официальной школы языков). Особенно важно его корректное освещение на первых этапах изучения русского языка (уровень А1–А2). Традиционно при введении данного понятия у студентов возникает два логичных вопроса, отражающих сложности в понимании ими значения предложного падежа:

- 1) почему он так называется, если и другие падежи используются с предлогами?
- 2) почему в термине отражено именно наличие предлогов, ведь те же предлоги (в и на) могут использоваться и в винительном падеже? Рассмотрим истоки этой проблемы.

Понятие «предложный падеж» появилось в 1755 г. в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова¹, применившего этот термин на месте «сказательного падежа» (‘сказать о чем-либо’)² Мелетия Смотрицкого, описанного им в 1619 г. в «Грамматике славенской», и древнерусского «местного» падежа, обозначавшего место действия и часто использовавшегося без предлога. В современном русском языке этот падеж продолжает называться предложным, так как он является единственным, употребляемым только после предлогов: *в (во), на, о (об, обо), при*.

Обратим внимание на то, что предложный — единственный из всех шести современных падежей русского языка, названный по своему формальному признаку, обязательному наличию предлога. Известно, что славянская терминология падежей появилась в начале XIV века в сочинении «О восьми частях слова». В труде на основе греческой терминологии были выделены пять падежей для церковнославянского языка: именительный (*правый*, гр. *orthe*), родительный (*родный*, гр. *genike*), дательный (‘дать’), винительный (*виновный*, от слова *вина*, ‘причина’) и звательный (употреблялся при обращении). Позже в XVI веке появился творительный падеж, в «Грамматике словесной» Лаврентия Зизания³.

Как видим, только термин «предложный падеж» не указывает на значение падежа, а лишь на его формальную сторону, наличие предлога. Этот факт становится одной из причин, вводящих в заблуждение иностранных студентов, изучающих русский язык.

Разнообразие значений, выражаемых предложным падежом, по-прежнему приводит к спорам в лингвистической среде и к затруднению его понимания иностранными студентами. В современной грамматике предлагается различать два предложных падежа, *изъяснительный* и *местный*⁴, и соответствующие их значения: объектное (объект при глаголах со значением мысли, речи, например, *думать о друге*) и значение места (*в школе, в лесу*), времени (*в этом году*) и состояния (*в цвету*). Любопытно, что все предлоги в предложном падеже имеют общую составляющую, указывающую на его происхождение из местного падежа. Так, предлог *о/об/обо*, относимый в настоящее время к изъяснительному предложному, исторически употреблялся с местным значением ‘вокруг’: «сѣбра сѧ народѣ многѣ о немѣ Марк VI, 21... он вытесняется в этом значении предлогом *окръсть*. Конкретное значение *о* бледнеет и он начинает обозначать весьма неопределенные отношения»⁵. В древнерусских рукописях местный падеж часто используется без предлога, например, *Киевъ* (‘в Киеве’), что говорит нам об изначально заложенном в предложном падеже значении местного.

На доминирующую позицию «местного» значения этого падежа указывают и сами окончания некоторых существительных, нередко вызывающие трудности у иностранных учащихся. Известно, что так называемые «исключения» в окончаниях предложного падежа, изучаемые иностранными студентами уровня А1–А2: у вместо привычного *е* в существительных мужского рода единственного числа 2 склонения (*в лесу, в саду, на полу* и т. д.) и *и* в существительных женского рода 3 склонения (*в тени*) являются отголосками местного падежа слов *й*- и *ї*-склонения древнерусского языка, то есть закономерны и при соответствующем пояснении исторической унификации многочисленных типов склонений древнерусского языка могут облегчить студентам процесс запоминания новых окончаний.

Обращаясь к переводу термина «предложный падеж» в учебниках русского языка как иностранного, можем выделить несколько основных тенденций: буквальный перевод **Prepositivo** или **Preposicional** в испанских учебниках⁶, **Prepositional**⁷ или **Prepositiv**⁸ в англоязычных; термин вовсе не переводится⁹, **Ablativo** с подтипами **locativo, de tiempo** и **de argumento**¹⁰.

Буквальный перевод термина «предложный падеж», на наш взгляд, не учитывает фактора восприятия этого понятия испанскими учащимися, для которых категория падежа не является родной. На начальных этапах обучения семантическая прозрачность названий остальных пяти

падежей русского языка помогает в понимании новой категории. С переводом же предложного падежа как *prepositivo*, студенты получают информацию, приводящую к возникновению вопросов, обозначенных в начале статьи.

Для упрощения восприятия учениками предложного падежа необходимо учитывать, что испаноговорящие студенты, в лучшем случае, ориентируются на латинский язык, в котором существовал **локатив**, то есть местный падеж, вошедший позже в состав аблатива как *ablativo locativo*. С этой точки зрения, испаноговорящим студентам будет понятнее перевод термина «предложный падеж» как **ablativo** в его соответствующей функции (**Ablativo locativo, Ablativo de tiempo, Ablativo de argumento**).

На практике видно, что оптимальным решением этого терминологического вопроса было бы комплексное введение термина «предложный падеж»: следуя русскому понятию, переводить этот термин как привычный *Prepositivo*, но с уточняющей ссылкой на латинскую терминологию (для испаноговорящих и знакомых с латинским языком учеников). Кроме того, добавление термина *locativo* помогает испанским студентам на начальном уровне развить языковую дистинкцию предложного и винительного падежа в отношении предлогов **в** и **на**, общих для этих двух падежей и часто приводящих к ошибкам в их употреблении.

Таким образом, видно, что при переводе русской лингвистической терминологии на иностранный язык необходимо учитывать особенности структуры языка студентов, их образ мысли и вопросы, которые в связи с этим могут возникнуть. Терминологические понятия, не вызывающие затруднений у носителей языка, у иностранных учеников могут стать причиной недопонимания.

Очевидно, что неоспоримой помощью в преподавании предложного падежа иностранным студентам может быть объяснение им некоторых явлений из области исторической лингвистики. Необходимо помнить, что грамматическая терминология, используемая носителями языка, не всегда автоматически подходит для ее дословного переноса в иноязычную среду. Для иностранных студентов, в языках которых не существует категории склонения, важно изначально терминологически точно понять значение падежа (в случае с предложным это особенно заметно). В современном языковом пространстве, где преподавание русского языка как иностранного все более актуально, необходимость решения данного вопроса не вызывает сомнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Л., 1952. Т. 7.

² Балалыкина Э. А. Современный русский язык. Казань, 2003. Ч. 1. С. 48.

³ Там же. С. 47.

⁴ Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982.

- ⁵ Байан А. Руководство по старославянскому языку. М., 2007. С. 223.
⁶ Nogueira V. et al. Gramática práctica de la lengua rusa. Ed. Herder. 2015.
⁷ Хавронина С. А. Русский язык в упражнениях. М. 2009.
⁸ Чернышов С. Поехали! СПб., 2015.
⁹ Nogueira V. et al. Ruso para hispanohablantes. T. 1, 2. Ed. Herder. 2003.
¹⁰ Sanchez Puig M. Lecciones de ruso. T. 1. Ed. Rubiños. 1997.

Bikkinina E. I.

Official School of Languages, Torrevieja, Spain

THE PROBLEM OF RUSSIAN TO SPANISH TRANSLATION OF THE TERM “THE PREPOSITIONAL CASE”

In the article we research the problem of Russian to Spanish translation of the term «The Prepositional Case», discuss its possible options, commonly used in teaching Russian as a foreign language, and suggest a historical approach to the explanation of this term.

Keywords: Prepositional Case; translation; teaching Russian as a foreign language; Spanish language.

Гербек Екатерина Эдгаровна

*Переводчик с испанского, английского
и французского языков на русский, Испания*

ekage@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА КАК ЧАСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ САЙТОВ В СФЕРЕ МУЗЕЕВ И ДРУГИХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Данная статья посвящена актуальным проблемам перевода сайтов в сфере музеев и других объектов культурного туризма. Этот вид перевода является частью локализации и важным инструментом межкультурной коммуникации. Материалом исследования послужили официальные сайты вышеуказанных объектов в Испании, переведенные в той или иной мере на русский язык. Выделены следующие группы проблем: связанные с переводом как частью локализации; связанные собственно с переводом.

Ключевые слова: перевод сайтов; культурный туризм; культурная локализация; музейный перевод.

В эпоху глобализации, когда культурный туризм стал массовым явлением, а связанные с ним объекты имеют собственные сайты, в том числе переведенные на другие языки, становятся актуальными проблемы, связанные с качеством перевода этих сайтов, который является частью локализации как формы межкультурной коммуникации¹.

В данной статье такие проблемы рассматриваются на материале перевода официальных веб-сайтов, принадлежащих культурным объектам Испании и переведенных с испанского на русский язык. Следует заметить, что далеко не все сайты культурных объектов Испании переведены на русский (например, на дату написания статьи в самых известных мадридских музеях Прадо, Тиссена-Борнемисы и Центре искусств Королевы Софии страница на русском отсутствовала), а переведенные сайты относятся к низкой степени локализации, согласно классификации Сингха и Перейры²: в URL-адресе к адресу основного сайта присоединяется последовательность «/ru». Некоторые сайты переведены на русский частично, при этом дается ссылка на более подробную информацию на испанском или английском (например, на сайте Музея Пикассо в Малаге).

Важность и актуальность данных проблем очевидна, поскольку рассматриваемые здесь сайты часто становятся первым шагом к знакомству будущего посетителя с музеем или другим объектом. Недостаточно качественное представление материала снижает уровень просветительной и других функций культурного туризма, связанного с межкультурной коммуникацией, и часто составляет диссонанс с уровнем и значением самого объекта.

При рассмотрении вышеуказанных сайтов, а также на основании собственного опыта работы в данной области нам удалось выявить,

в частности, следующие проблемы, которые будут рассмотрены более подробно ниже. **(I) Проблемы, связанные с переводом как частью локализации:** (1) отсутствие культурной локализации; (2) неполные или неверные стратегии локализации в целом; (3) ошибки макетирования. **(II) Проблемы, связанные собственно с переводом:** (1) использование специальной терминологии, связанной с музеями и культурными объектами; (2) общее качество перевода.

I. Проблемы, связанные с переводом как частью локализации.

1. Отсутствие культурной локализации. Культурная локализация сайтов, как известно, предполагает их адаптацию к культурным особенностям страны, на которую этот сайт ориентирован³. На рассмотренных сайтах мы выявили в этом смысле следующие недостатки:

- (а) Обращение на *ты/вы/Вы*. В процессе перевода веб-сайтов, во многих случаях, в текст оригинала, который получает переводчик, включаются различные по характеру материалы. При этом иногда не приводится информация о том, в каком контексте они будут использоваться, что приводит к неправильному употреблению личных местоимений *ты/вы/Вы*. В этом смысле можно выделить такие группы материалов, как коммуникация с пользователем на сайте, реклама и генерируемые сайтом сообщения по электронной почте⁴: если в первых двух случаях употребление *Вы* едва ли окажется уместным, то в третьем, наоборот, будет выглядеть некорректно его отсутствие.
- (б) Чрезмерное использование императива. Иногда на сайте приводится слишком много фраз в повелительном наклонении, которые пользователь не всегда воспринимает положительно при навигации. Это может быть менее заметно в процессе перевода, но более очевидно в готовом сайте.

В примере, приведенном ниже, на рис. 1, обилие форм императива усугубляется ошибочным употреблением формы *ищите* вместо *ищите*: своего рода «ложный императив». Очевидно, что здесь возможны различные трансформации: замена императива инфинитивом для кнопок (*Купить входной билет*; *Забронировать транспорт*), а также другими формами глагола или другими частями речи — либо их сочетаниями — для других случаев (например: *Чтобы не стоять в очереди у входа в Парк Гуэля, вы можете забронировать входной билет заранее*; *В Барселоне есть много разнообразных туристических развлечений, с которыми стоит познакомиться / которые непременно доставят вам удовольствие*).

2. Неполные или неверные стратегии локализации в целом.

- (а) На некоторых переводных сайтах для отдельных слов или фраз, часто расположенных в наиболее заметных местах, применяется машинный перевод. При этом основные тексты могут выполняться переводчиками вручную (или с использованием систем автоматизированного перевода). Примером может служить перевод, приведенный ниже на рис. 2. Если *пониженная ставка* предположительно может оказаться слишком буквальным переводом, который выполнил человек, то *временное облучение* явно представляет собой машинный

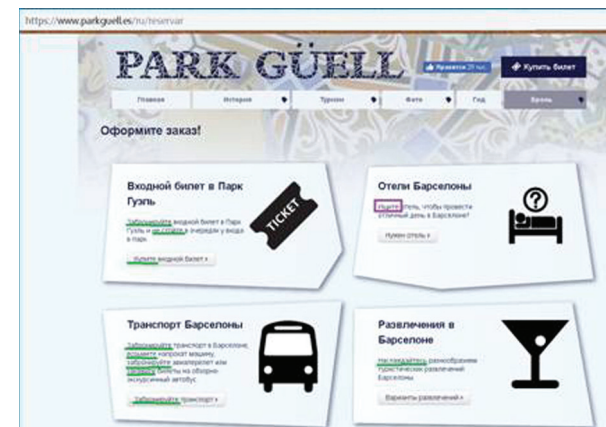

Рис. 1. Сайт парка Гуэля в Барселоне (<https://www.parkguell.es/ru/reservar>)

перевод сочетания *exposición temporal*, которое в данном контексте означает ‘временная выставка’.

- (б) Перевод веб-сайтов, как известно, является только **частью процесса локализации**, а за ним должно обязательно проводиться **тестирование сайта**. Как отмечает Estellés⁵, такое тестирование должен проводить сам переводчик перед сдачей текста, однако на практике это осуществляется только в том случае, если он вносит контент непосредственно на сайт. Если же перевод сдается в другом формате, то после его внесения на сайт тестирование остается необходимым, однако не всегда проводится, о чем свидетельствуют, например, недочеты, указанные в следующем пункте.

3. Ошибки макетирования. Даже вполне приемлемый перевод может быть испорчен в результате макетирования: например, широко известны проблемы грамматического согласования при подстановке переменной в готовую фразу или при сочетании фраз. Однако мы приводим здесь пример другого характера, в котором неудачно, на наш взгляд,

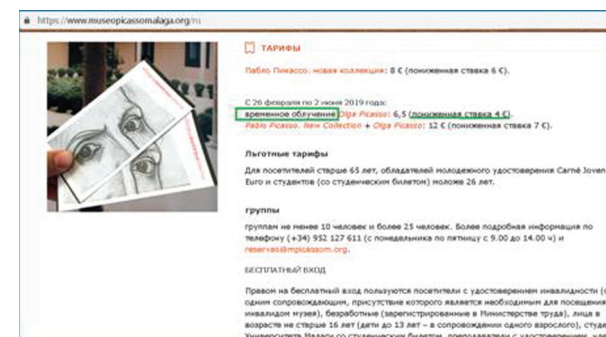

Рис. 2. Сайт музея Пикассо в Малаге (<https://www.museopicassomalaga.org/ru>)

выбраны слова для выделения. Как видно на рис. 3, здесь выделяются крупно такие слова, как «Широкий», «Великолепный», «Лучшие» (они могли быть как осознанно выбраны переводчиком, так и механически подставлены веб-мастером). В любом случае, это вряд ли лучший вариант как с точки зрения информативности, так и с точки зрения восприятия (учитывая еще и то, что текст в данном случае является маркетинговым). В испанском оригинале выделены совсем другие слова, соответственно *Elige, Descubre, Disfruta* (что дословно означает 'Выбирай', 'Познакомься', 'Наслаждайся'). Здесь переводчик, по-видимому, намеренно, избежал употребления императивов — проблемы, о которой мы упоминали выше, — однако возникла другая проблема с неудачным выделением слов.

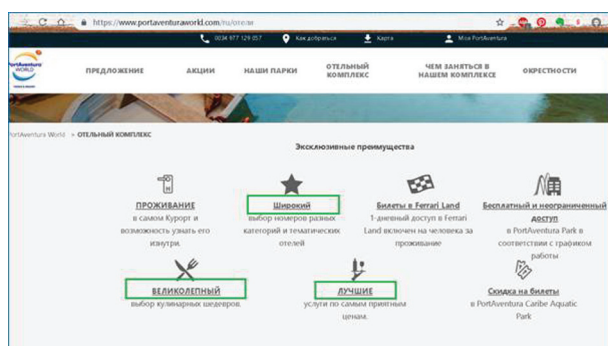

Рис. 3. Сайт парка ПортАventura
(<https://www.portaventuraworld.com/ru/отели>)

II. Проблемы, связанные собственно с переводом

1. Трудности использования специальной терминологии, связанной с музеями и культурными объектами. В данном случае речь идет о терминах, для которых в языке перевода существует проблема использования, связанная не только с переводом. В качестве примера можно привести использование терминов *moderno, modernista, модерн, модернизм* и их производных, которые употребляются для обозначения стиля и эпохи, часто вызывая сомнения и вне сферы перевода (см., например, статью Бранской и Панфиловой⁶). Для рассматриваемого нами направления перевода термин *modernismo* особенно актуален для текстов о Каталонии и, в частности, Барселоне. Так, он встретился нам на сайтах Парка Гуэля и Дома Бальо как *каталонский модернизм* (<https://www.parkguell.es/ru/modernismo>, <https://www.casabatllo.es/ru/antoni-gaudi/barcelona/modernism/>). Хотя при переводе часто выбирается другой термин, *модерн*, нам представляется,

что выбор термина *модернизм* вполне обоснован: во-первых, в разных странах подобные стили получили свои названия (не только модерн, но и югендштиль, ар-нуво, сецессион); а во-вторых, модернизм в Каталонии был не только течением в искусстве, но также культурным и политическим движением (хотя на первом из вышеуказанных сайтов это движение, *catalanismo*, ошибочно переведено как «расширение провинции Каталония»). Заметим, что на втором из этих сайтов в тексте последовательно употребляется понятие *каталонский модернизм* и, в частности, упоминается его соотношение со *стилем модерн*, а заголовок гласит «Барселона и *модерн*».

2. Общее качество перевода. Заметим вкратце, что в целом качество перевода рассмотренных сайтов является, с нашей точки зрения, неоднородным: на них присутствует как вполне профессионально выполненный перевод, так и тексты сомнительного содержания. Например, на сайте Парка Гуэля барселонский дом *Casa Milá* переведен как *дом в Милане*, а *Valencia* транслитерирована как *Валенция*. Вообще для локализованных сайтов характерны вкрапления машинного перевода или слов (фраз), которые веб-мастер, по-видимому, перенес из другого русского текста: это своеобразная «ложка дегтя», которая иногда портит хорошо переведенный, но не протестированный сайт.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Перевод и локализация сайтов музеев и других культурных объектов являются важной задачей в сфере межкультурной коммуникации. На тех официальных сайтах музеев и других культурных объектов Испании, которые переведены на русский язык, существует ряд проблем, которые могли бы быть решены путем тестирования, редактирования и т. д. (в этом смысле хотелось бы подчеркнуть, что, возможно, лучше вообще не переводить сайт, чем делать это некачественно, учитывая высокий статус того или иного культурного объекта). При этом перевод должен рассматриваться именно как часть локализации. Приведенные в данной статье проблемы могут быть использованы специалистами по переводу и локализации для определения и коррекции стратегий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сухарева Е. Е., Шурлина О. В. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 166–169.

² Singh N., Pereira A. The culturally customized web site. London & New York: Ed. Routledge, 2005. P. 10–15.

³ Ibid.

⁴ Guerbek E., Zamisova L. Sobre los conocimientos de la cultura meta necesarios para la traducción de textos turísticos en lenguas eslavas (ruso y checo) // Estudios lingüísticos en torno al turismo: Terminología, cultura y usuarios. Valencia: Ed. Tirant Humanidades, 2019. P. 137–146.

⁵ Estellés A. Revisión del entorno de trabajo de un traductor de contenido web // Revista Tradumática, Traducció i Tecnologies de la Informació i la Comunicació, 2010. № 8. P. 8.

Guerbek E. E.

Translator from Spanish, English and French into Russian, Spain

PROBLEMS OF TRANSLATION AS PART OF THE LOCALIZATION OF WEBSITES IN THE AREA OF MUSEUMS AND OTHER CULTURAL TOURISM LOCATIONS

This article is dedicated to current problems of translation of websites in the area of museums and other cultural tourism locations. This type of translation a part of the localization and an important tool for intercultural communication. Some official sites of such objects in Spain, translated into Russian, were used as material for this study. Both problems associated with translation as part of localization and problems related to the translation itself are described in this article.

Keywords: translation of websites; cultural tourism; cultural localization; museum translation.

Горожанкина Тамара Николаевна

Русский центр Гранадского университета, Испания

tamara-granada@hotmail.com

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНИК И СТРАТЕГИЙ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРЕМ ТУРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Отличительной чертой туристического дискурса является изобилие культурем, которые придают особый национальный колорит тексту и служат для передачи национальной идентичности. Однако перевод культурем кроет в себе ряд сложностей, связанных непосредственно с передачей семантического и прагматического аспектов. В рамках данной работы была предпринята попытка разграничить понятия техники и стратегии перевода. Составленный из текстов туристических брошюр параллельный испанско-русский корпус послужил для систематизации культурем по тематическим категориям, классификации техник и стратегий перевода, а также выявлению тенденций использования последних.

Ключевые слова: культурема; туристический перевод; переводческие техники; переводческие стратегии; корпус.

Перевод туристических текстов с испанского на русский язык не теряет своей актуальности на сегодняшний день, что обусловлено, с одной стороны, активными темпами роста и развития туристической отрасли в Испании, как о том свидетельствуют статистические данные Всемирной организации туризма¹ и, с другой стороны, по-прежнему неудовлетворительным качеством перевода туристических материалов.

Если исходить из того, что отдельный язык отражает картину мира говорящих на нем людей, то перевод в этом контексте мыслится как некое связующее звено между двумя различными культурами: испанской и русской в данном случае. Однако, по большей мере, перевод в сфере туризма понимается как неотъемлемый элемент для преодоления языковых, культурных, социальных границ посредством передачи смыслов и понятий в одном языке и культуре средствами другого языка и культуры.

Сам по себе туристический дискурс часто именуют самостоятельным², обладающим рядом характерных ему свойств. Эти свойства необходимо учитывать при переводе туристического текста. Одна из сложностей перевода такого текста сопряжена с переводом реалий или культурем³, которыми изобилуют туристические тексты. Под культуремами понимаются предметы и явления, присущие одному народу, его быту, культуре, истории и традициям, а потому чуждые носителям другого языка и представителям другой культуры. Трудности при переводе реалий связаны, прежде всего, с тем, что не существует прямых соответствий в другом языке, отсутствуют строгие правила для решения данной проблемы. Ситуация усложняется ввиду необходимости выбора между возможными эквивалентами, одни из которых, как правило, сохраняют

колорит текста подлинника, но остаются порой незнакомыми и чужими для читателя переведенного текста, другие же, наоборот, максимально понятны иноязычному читателю, но лишены красок национального колорита. Решение переводчика перенести читателя в иноязычный контекст, эпоху и культуру или же, напротив, сделать текст максимально близким для понимания в иноязычной среде ложится на плечи непосредственно самого переводчика.

В этом отношении ряд исследователей в области переводоведения настаивают на эффективности использования смешанных техник для перевода культурем⁴ для сохранения «другого» в переводе и приобщения к «своему»⁵.

Для выявления тенденций в использовании техник и стратегий перевода культурем в туристических материалах с испанского на русский язык были отобраны девять печатных брошюр, изданных на испанском языке на территории Испании, которые в дальнейшем будут именоваться подлинником, а также идентичные переведенные на русский язык. Отцифрованные тексты были загружены на сайт Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и находятся в открытом доступе на сайте www.ruscorpora.ru.

Для отбора культурем в созданном испанско-русском параллельном корпусе была выбрана классификация культурем по темам⁶, на основе которой удалось классифицировать найденные культуремы по основным тематическим категориям: 1) антропонимы, 2) топонимы, 3) элементы общественного уклада, 4) религиозная культура, 5) искусство, памятники культуры и истории, 6) культуремы материальной культуры.

В рамках данной работы предоставляется необходимым разграничивать понятия «техника перевода» и «стратегия перевода» культурем, которые часто используются синонимично. В этом отношении под термином «стратегия перевода» понимается некое поведение переводчика, некие механизмы (сознательные или неосознаваемые, вербальные или невербальные, когнитивные или внешние)⁷, к которым прибегает переводчик для решения проблемы перевода и достижения определенной коммуникативной цели; в то время, как под «техникой перевода» понимается использования конкретного практического инструментария. Основные переводческие стратегии — это остранение, одомашнивание⁸ и нейтрализация⁹. Что касается техник перевода, за основу была выбрана классификация с 18 различными техниками перевода¹⁰. Приведем некоторые примеры.

Пример 1.

Подлинник: *Una ruta por l'Eixample podria començar en la Avenida Jacinto Benavente*

Перевод: *Прогулку по Эйшампле можно начать с проспекта Хасинто Бенавенте*

В данном примере название района в Барселоне l'Eixample было транскрибировано на русский язык в то время, как для перевода названия проспекта была использована смешанная техника *частичный перевод и транскрипция*.

Пример 2.

Подлинник: *El templo de la Sagrada Familia planta basilical de cruz latina*

Перевод: *Храм Святого Семейства, или «Саграда Фамилия», имеет в плане форму базилики (латинского креста)*

В Примере 2 очевидно использование смешанной техники *полный перевод и транскрипция*. Данная техника, с одной стороны, передает семантику культуремы и позволяет русскоговорящему читателю узнать, что означает название монумента, а, с другой стороны, помогает произнести название монумента максимально приближенно с его звучанию на испанском языке, что отражает практический характер туристического дискурса.

Пример 3.

Подлинник: *El "mollete" de Antequera es un pequeño pan, esponjoso en su textura*

Перевод: *Антекерская "булка" представляет собой небольшой пышный хлебец*

В Примере 3 для перевода испанской традиционной булочки «mollete» был использован лексический эквивалент «булка», что в русском языке означает небольшое по размеру мучное изделие из пшеничной муки.

Если различные техники перевода позволяют действовать, исходя из определенных стратегий перевода, то в вышеуказанных примерах помимо различных техник перевода просматривается использование следующих переводческих стратегий: остранение (Пример 1), смешанная стратегия (Пример 1 и 2) и одомашнивание (Пример 3). Ниже представлена полная таблица использованных в полученном параллельном испанско-русском корпусе техник перевода культурем (табл.). Указанные в правой колонке техники сгруппированы относительно трех переводческих стратегий в левой колонке.

Из данной таблицы очевидным становится разнообразие использованных смешанных техник перевода культурем ввиду их эффективности, что уже указывалось выше¹¹. Однако по частотности употребления техника *транскрипция / транслитерация* занимает лидирующее место (21,8%), что объясняется наличием большого количества антропонимов в туристических текстах, а данная техника наиболее узуальна для перевода антропонимов¹². Второе место по числу использования при переводе культурем с испанского на русский принадлежит технике *частичный перевод + транскрипция / транслитерация + заимствование* (18,5%). Частотность использования смешанной техники может указывать на то,

Таблица. Стратегии и техники перевода культурем в туристических брошюрах с испанского на русский язык

Переводческая стратегия	Переводческая техника
Остранение	полное заимствование
	транскрипция / транслитерация
	транскрипция / транслитерация + редукция
Смешанная стратегия	транскрипция / транслитерация + полное заимствование
	частичный перевод + транскрипция / транслитерация
	частичный перевод + транскрипция / транслитерация + заимствование
	полный перевод + транслитерация
	транслитерация + амплификация
Одомашнивание	лексический эквивалент
	полный перевод

что в туристическом дискурсе наблюдается некая тенденция к достижению двойной цели: с одной стороны, сделать максимально доступным культурем текста оригинала для своего получателя, не осведомленного со всей имплицитной информацией, которая содержится в данной культуре; а, с другой стороны, сохранить оттенок «иног», чуждого, экзотического.

Что касается стратегий перевода, то в равной степени были использованы все три стратегии перевода: остранение, доместикация и смешанная стратегия (по 33%).

По результатам данного сравнительно-сопоставительного исследования любопытным стал следующий факт. Несмотря на большое разнообразие использованных неоднотипных техник при переводе культурем в туристических текстах с испанского на русский язык, выбор стратегий перевода культурем оказался достаточно сбалансированным. Можно предположить, что при переводе туристического дискурса с испанского на русский существует некое негласное соглашение среди переводчиков использовать все три стратегии перевода для достижения определенного прагматического эффекта при передаче «чуждого» в переводе.

Созданный параллельный испанско-русский корпус может послужить отправной точкой для дальнейшего исследования прагматического воздействия такого сочетания техник и стратегий перевода культурем на русскоязычного читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Panorama OMT del turismo internacional. 2018. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419890>

² Dann G. The language of tourism: a sociolinguistic perspective. Wallingford: CAB International, 1996; Capelli G. Sun, sea, sex and the unspoiled countryside: how the English language makes tourists out of readers. Paris: Paris Publishing, 2007; Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014; и др.

³ Molina Martínez L. Análisis descriptivo de la traducción de los culturemas árabe-español. Tesis doctoral. Universidad Autónoma de Barcelona, 2001; Soto Almela J. La traducción de términos culturales en el contexto turístico español-inglés: recepción real en usuarios anglofonos // Cuadernos. 2013. 20. P. 235–250.

⁴ Soto Almela J. Op. cit.; Comité Narváez I., Valverde Zambrana J. M. How to Translate Culture-Specific Items. 2001; Durán Muñoz I. Analysing Common Mistakes in Translation of Tourist Texts (Spanish, English and German) // ONOMÁZEIN. 2012. 26 (2). P. 335–349.

⁵ Зеўфери Е. И. Национальная идентичность в художественном переводе: диалектика «своего» и «другого» // Другой в литературе и культуре / сост. А. Г. Степанов, С. Ю. Артемова. 2019. С. 217.

⁶ Igareda P. Categorización temática del análisis cultural: una propuesta para la traducción // Íkala, revista de leguaje y cultura. 2011. 16 (27). P. 11–28.

⁷ Hurtado A. Traducción y Traductología. Introducción a la traductología. 2ª ed., Madrid: Cátedra lingüística, 2004. P. 276.

⁸ Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London/New York: Routledge, 1998.

⁹ Sanning H. Lost and Found in Translating Tourist Texts: Domesticating, Foreignising and Neutralising Approach // JoSTrans. 2010. 13. P. 131–132.

¹⁰ Molina Martínez M., Hurtado Albir E. Translation techniques revisited: A dynamic and functionalist approach // Meta. 47 (4). 2002. P. 498–512.

¹¹ См.: Soto Almela J. Op. cit.; Comité Narváez I., Valverde Zambrana J. M. Op. cit.; Durán Muñoz I. Op. cit.

¹² Cuellas Lázaro C. Los nombres propios y su tratamiento en traducción // Meta. 2014. 59 (29). P. 365.

Gorozhankina T. N.

Russian Centre, University of Granada, Spain

A COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATION TECHNIQUES AND STRATEGIES OF CULTURAL REFERENCES IN TOURIST TEXTS

One of the distinctive features of a tourist discourse is an abundance of cultural references that add a specific local flavour to a text and serve to transmit national identity. However, the translation of these cultural references involves a number of difficulties related to the transmission of both semantic and pragmatic meaning in a translated text. Within the framework of this study, there was made an attempt to distinguish the concepts of translation techniques and translation strategies. The parallel corpus consisting of Spanish-Russian tourist texts was analyzed to define and systemize cultural references according to their thematic categories, to classify the translation techniques and strategies, as well as to detect any tendencies in their usage.

Keywords: cultural reference; tourist translation; translation technic; translation strategy; corpus.

Козел Наталья Петровна

Южный федеральный университет, Россия

kozelnatalia@mail.ru

ПАЛОМНИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Среди тенденций развития индустрии туризма в современном обществе отмечается рост и паломнического туризма. В качестве достопримечательных мест для посещения в этом случае могут выступать природные и культурно-исторические объекты, а также места, связанные со знаменитыми личностями в истории. В данной статье рассматриваются наиболее характерные особенности текстов, расположенных на интернет-платформе «Camino de Santiago. Turismo» (Испания), и варианты их адекватного перевода на русский язык.

Ключевые слова: паломничество; религиозный туризм; переводческая трудность.

Существует устойчивая тенденция рассматривать паломнический туризм как разновидность религиозного туризма. В частности, А. В. Бабкин, М. Б. Биржаков, Т. Т. Христов¹ выделяют две основные разновидности религиозного туризма: паломнический туризм и религиозный туризм экскурсионно-туристической направленности. Согласно определению А. В. Бабкина, «паломнический туризм — это совокупность поездок представителей разных конфессий с паломническими целями»².

Для М. А. Винокурова религиозный (паломнический) туризм имеет целью посещение святых мест, центров сосредоточения церковных памятников и реликвий³. Автор допускает участие в паломническом туризме не только верующих, но и светских людей⁴.

Л. В. Байлагасов и М. И. Гоппа⁵ выделяют следующие категории паломнического туризма: религиозное паломничество; духовное светское паломничество; культурно-познавательное паломничество; спортивное паломничество.

Местом реализации текстов туристического дискурса в рамках паломнического туризма может быть не только пространство, связанное с религиозной тематикой, но и другие места, представляющие особую важность для отдельных групп людей.

С целью выявления особенностей перевода с испанского языка на русский текстов, относящихся к паломническому туризму, как части туристического дискурса, нами проведена выборка текстов, отражающих, как религиозный, так и светский аспект паломничества, при описании самого распространенного в христианском мире паломнического маршрута — так называемого «Пути Святого Иакова» / *El Camino de Santiago*.

В качестве источников текстового материала использована интернет-платформа «*Santiago de Compostela. Turismo*»⁶, официальный сайт па-

ломнического пути, на которой размещено множество текстов, представляющих для иноязычного читателя разные уровни сложности.

В частности, на сайте доступны: туристические каталоги с общей информацией о «Пути Святого Иакова», автономной области Галисия, городе Сантьяго-де-Компостела, информация по каждой из культурных достопримечательностей, включенных в комплекс «Пути Святого Иакова» и т. д.; путеводители с подробным описанием маршрутов и экскурсий по достопримечательностям, советы для туристов, специальный раздел, в котором очень подробно описаны все существующие маршруты для любой категории паломников, знакомящие с историей их создания, особенностями, отличающими один маршрут от другого, с описанием движения по провинциям и городам и т. п.; информация от сектора услуг, со списками ресторанов с меню по разным ценовым категориям, информация о местных рынках и мероприятиях, связанных со сферой питания; правила бронирования мест проживания; программы культурных мероприятий, кинопоказов; указаны места продаж сопутствующих товаров; видеоэкскурсии, тематические фильмы; аудиогиды в свободном доступе; фотогалерея с панорамными снимками в режиме 360°; проспекты, буклеты, флайеры и многое другое.

Туризм всегда подразумевает географическую составляющую, поэтому начнём рассмотрение проблемы с топографических особенностей текстов на указанной платформе.

Пройти «Путь Святого Иакова» можно по территории разных стран, поэтому при переводе фразы: «*Otras rutas portuguesas llegan a la frontera española por Chaves, Bragança y, ya en Galicia se unen a la Vía de la Plata*» следует использовать закрепленные в русском языке соответствующие названия португальских городов 'Шавуш' (*Chaves*) и 'Браганса' (*Bragança*). Для перевода элемента *la Vía de la Plata* вместо традиционных транскрипции или транслитерации также используем соответствие — 'Серебряный путь'. Для передачи названия станции *Saint-Jean-Pied-de-Port* (фр.) или *San Juan Pie de Puerto* (исп.), расположенной на отрезке «Пути», проходящем через территорию Франции, используем соответствие из французского языка — 'Сен-Жан-Пье-де-Пор'.

Баскский топоним *Zarautz* (исп. *Zarauz*) при переносе в русский язык сохраняет оригинальное исходное ударение 'СаpАуc'. Галисийские муниципалитеты *Pontedeume*, (исп. *Puentedeume*) и *Portomarín* (исп. *Puertomarín*) перешли в русский язык по правилам кастильского произношения — 'Пуэнтедеуме', 'Пуэртотмарин'.

Традиционные эквиваленты востребованы и для передачи весьма схожих названий галисийских муниципалитетов *Caldas de Reis* и *Palas de Rei*, перенесенных в русский язык как 'Кальдас-де-Рейес' и 'Палас-де-Рей', соответственно.

Перевод наименований разных путей Святого Иакова не составил трудностей, кроме одного — *Camino Primitivo*. Не допустить использования «ложного друга переводчика» в данном случае позволяет дальнейшее описание в тексте:

«*Los primeros devotos procedentes de Oviedo, la capital del reino astur, siguieron para su desplazamiento la antigua ruta que, según la tradición, condujo al rey Alfonso II el Casto hasta la tumba del Apostol, en el primer tercio del siglo IX*»⁷.

В переводе:

‘*Первые почитатели Святого Иакова, родом из Овьедо, столицы княжества Астурийского, отправились по древнему пути, который, согласно легенде, привел в начале IX века короля Альфонсо II Целомудренного к могиле апостола Иакова Старшего*’ (здесь и далее перевод — наш).

Из текста становится очевидным, что этот Путь имеет подобное название, поскольку был самым первым среди всех Путей Святого Иакова». В данной связи, представляется целесообразным перевести *Camino Primitivo* как ‘*Первоначальный Путь*’.

Переходя к рассмотрению способов перевода другого важного пласта лексики, представленной в данном типе текстов — антропонимов, обратимся к имени главного действующего лица: *Apóstol Santiago*. В Новом завете на русском языке он указывается как «апостол Иаков Зеведеев», упоминаемый далее как *Santiago el Mayor*, он переводится уже другим традиционным соответствием — ‘*апостол Иаков Старший*’. Остальные антропонимы переведены также с помощью традиционных соответствий, закрепившихся в русском языке: *Cristo* — ‘*Христос*’, *Juan, apostol* — ‘*апостол Иоанн*’, *Alfonso III El Grande* — ‘*Альфонсо III Великий*’, *Almanzor* — ‘*Аль-Мансур*’, *Elías Valiña* — ‘*Элиас Валинья Сампедро*’.

В текстах интернет-платформы встретилось много латинских выражений. Например, в предложении:

«*A la secular riqueza cultural, artística y documental, han venido a unirse los resultados de las excavaciones realizadas a finales del s.XIX y durante el XX, abarcando los largos siglos I al XI del “Locus Sancti Iacobi”: el lugar famoso donde está enterrado Santiago el Mayor, discípulo predilecto de Cristo juntamente con su hermano Juan, apóstol y evangelista*»⁸.

В переводе:

‘*В конце XIX — начале XX вв. в результате раскопок к вековому культурному, художественному и документальному богатству прибавилось и множество находок, датированных I–XI вв. н. э., объединенных так называемым “Locus Sancti Iacobi”: известным местом, где захоронен апостол Иаков Старший, любимый ученик Христа, наравне со своим братом Иоанном, апостолом и евангелистом*’.

Латинское выражение перенесено в русский текст без перевода, поскольку во второй половине фразы раскрывается его смысл.

Рассмотрим другой пример:

«*El antecedente más remoto de la Catedral fue un pequeño mausoleo romano del siglo I en el que se dio sepultura a los restos de Apóstol Santiago después de su decapitación en Palestina (año 44 d-C) y tras su traslado por mar hasta las costas del finis terrae*»⁹.

В переводе:

‘*Самым древним предшественником Собора стал небольшой римский мавзолей, датированный I в. до н.э., в котором захоронены останки апостола Иакова Зеведеева после его обезглавливания в Палестине (в 44 г. н. э.) и перенесения его останков морем к берегам мыса Финистерра, „края света“*’.

В данном случае для перевода латинизма применена экспликация, поскольку указан подразумеваемый в тексте географический объект с буквальным переводом — ‘...мыса Финистерра, „края света“’.

В переводе следующего примера «*La visita de Santo Cristo de Fisterra y el Santuario de A Barca, en Muxia, en medio de impresionante paisaje de los antiguos confines terráqueos — finis terrae — es un ritual que siguen muchos peregrinos como remate de la peregrinación jacobea*»¹⁰, по-русски означающего: ‘*Посещение Санто-Кристо-де-Финистерре и Святилища Барки в Мухии посреди впечатляющего ландшафта древнего края света — finis terrae — является ритуалом, которым многие паломники завершают путь паломничества*’, сохранено словосочетание в оригинальной форме, поскольку в тексте уже присутствует независимая фраза ‘*confines terráqueos*’, также означающая ‘край света’.

Фраза «*Avisado por el obispo de Iria Flavia, el rey astur Alfonso II mandó a levantar una primera capilla de piedra y barro junto al antiguo mausoleo*»¹¹, в переводе: ‘*По настоянию епископа епархии Ирия Флавия астурийский король Альфонсо II повелел построить первую часовню из камня и извести рядом со старым мавзолеем*’ представляет интерес для переводчиков по нескольким причинам:

- в элементе «*el obispo de Iria Flavia*» несведущий читателю легко спутать топоним с именем епископа. Учитывая, что согласно своему статусу, епископ может иметь отношение только к церковному округу или церкви, считаем целесообразным при переводе использовать в данном случае добавление в виде слова ‘*епархия*’;
- в словосочетании «*levantar una primera capilla de piedra y barro*» угадывается отсылка к Ветхому Завету, поскольку лексема ‘*barro*’ в списке значений на русском языке не имеет перевода в значении ‘*известь*’. Обратимся к Бытию 11: 3: «*И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнём. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести*»¹². По-испански: «*Y se dijeron los unos a los otros: Vamos, hagamos el ladrillo en lugar de piedra, y el asfalto en lugar de mezcla de barro*»¹³. Возможно, сюжет из Библии о строительстве Вавилонской башни, вкрапленный таким образом в текст, был не только стилизацией, но и попыткой установить параллель между самым мощным сооружением, объединившим все народы, чего, согласно легенде, побоялся Бог, так и здесь, небольшая часовня сравнивается с местом, где все

народы будут объединены общей мирной идеей. Впрочем, не исключено и простое совпадение.

Среди других особенностей текстов интернет-платформы *Santiago de Compostela. Turismo* необходимо отметить наличие большого количества названий организаций и их аббревиатур, например, *la Asociación de Amigos del Camino de Navarra* имеет следующее закрепленное соответствие: ‘Ассоциация друзей Пути святого Иакова’, а название профессионального объединения *el Consejo Internacional de Monumentos y Sitios (ICOMOS)* принято переводить на русский язык как ‘Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС)’.

Анализируя принятые переводческие решения в ходе осуществления перевода текстов, относящихся к паломническому дискурсу, необходимо еще раз подчеркнуть важность наличия у переводчика глубоких фоновых знаний. В нашем случае, именно обращение к дополнительным материалам способствовало достижению адекватности перевода текстов с сохранением их стилистической и жанровой принадлежности, выразившейся, в первую очередь, в обилии топонимов и антропонимов, наличии узкоспециализированной лексики из смежных наук (культурологии, религиоведения, истории и архитектуры), наличии латинских крылатых выражений, а также всех видов реалий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Халыва О. А. Социокультурные и правовые основания развития культурного туризма // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2015. № 1 (13). С. 125.

² Бабкин А. В. Специальные виды туризма. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. С. 37.

³ Винокуров М. А. Что такое туризм? // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2004. № 3. С. 21

⁴ Там же.

⁵ Байлагасов Л. В., Гонна М. И. О классификации паломнического туризма // Символ науки. 2016. № 10-3. С. 192–194.

⁶ Camino de Santiago [Электронный ресурс]. URL: <http://www.santiagoturismo.com/camino-de-santiago> (дата обращения: 10.01.2019)

⁷ Camino de Santiago [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turinea.com/es/cu/4-100/2-el-camino-de-santiago.html> (дата обращения: 12.01.2019)

⁸ Camino de Santiago [Электронный ресурс]. URL: <http://www.santiagoturismo.com/museos/museo-da-catedral> (дата обращения: 14.01.2019)

⁹ Camino de Santiago [Электронный ресурс]. URL: <http://www.santiagoturismo.com/catedral-de-santiago/historia-da-catedral> (дата обращения: 16.01.2019)

¹⁰ Camino de Santiago [Электронный ресурс]. URL: <http://www.santiagoturismo.com/caminos/camino-fisterra> (дата обращения: 18.01.2019)

¹¹ Camino de Santiago [Электронный ресурс]. URL: <http://www.santiagoturismo.com/catedral-de-santiago/historia-da-catedral> (дата обращения: 20.01.2019)

¹² Библия-онлайн. Бытие 11 стих 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/verse/1/11/3/> (дата обращения: 10.03.2019)

¹³ Biblia paralela [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliaparalela.com/genesis/11-3.htm> (дата обращения: 10.03.2019)

Kózel N. P.

Southern Federal University, Russia

PILGRIMAGE TOURISM AS A TRANSLATOR'S CHALLENGE

The growth of Pilgrimage Tourism is one of the most typical trends in the development of the tourism industry in modern society. In this case, natural and cultural-historical objects, as well as places associated with famous historical characters, can serve as points of interest for visiting. This article discusses the most special features of the texts located on the Spanish Internet platform *Camino de Santiago. Turismo*; the variants of their adequate translation into Russian are proposed.

Keywords: pilgrimage; religious tourism; difficulties of translation.

Мамедова Арзу Джахид кызы

Институт международных исследований
Мидлбери в Монтерее, Калифорния, США

arzujaeed@gmail.com

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПРИЕМ ПЕРЕВОДА

На основе современных данных в работе рассмотрено влияние глобализации на современный перевод, способы локализации и адаптации к современному рынку потребления. Актуальность работы заключается в постановке вопроса использования тактик локализации для более глубокого, культурного перевода, отвечающего всем запросам читателя.

Ключевые слова: глобализация; локализация; перевод; онлайн; современные технологии; межкультурный контекст.

Взаимосвязь языка и глобализации является одной из самых ярких тем для современных дискуссий. Научные тексты исследуют роль влияния глобализации на язык, анализ распространения языка, происходящие в нем изменения, а также всевозможные контакты, которые так или иначе влияют на сам язык.

Интернет, как составляющая современных технологий, изменил классический перевод. Современный читатель обитает в интернете, а их более 3,8 млрд человек. Он более не простаивает часами в библиотеке, не обращается так часто к преподавателю, не бежит с вопросом к родителям. Кроме этого, он не хочет читать материал на иностранном языке. Если бы владельцам сайта удалось перевести свой материал на 14 мировых языков, то они смогли бы достучаться до 90% пользователей мира.

Интернет — это бесконечно открытая и динамичная языковая база. Местные выпуски международных изданий, многоязычные веб-сайты, мобильные приложения, компьютерные игры, программное обеспечение, мультимедийные продукты, стремительное распространение субтитров — все эти сферы представлены онлайн. Новые сферы перевода требуют инновационного подхода.

Транснациональные компании хотят видеть не просто перевод, а полную адаптацию под культуру конкретного потребителя. Иными словами перевод должен не только отвечать межкультурному контексту и менталитету целевой аудитории. Кроме этого должны быть переведены невидимые страницы, интерфейс, техническая документация, файлы справки, метатеги — эти детали выполняют ключевую роль в видимости сайта поисковыми системами. Данный перевод должен отвечать всем современным изменениям языка в рамках культурных, политических, экономических, и даже юмористических реалий, а также поддерживать работоспособность сайта на невидимом для читательского глаза уровне. Дополнительно, должна быть подобрана корректная цветовая

схема, уместные иллюстрации и многое другое. В связи с этим в процессе локализации должна участвовать целая команда профессионалов: от филологов до программистов и веб-дизайнеров.

Огромное количество исследований и научных подходов было принято в рамках изучения связи современных технологий и языка, но, тем не менее, локализация довольно новая веха в развитии межкультурного перевода. В эпоху глобализации важно заранее суметь предвидеть вызовы в сфере локализации, и выбрать ту тактику перевода, которая наилучшим образом будет отвечать выбранной стратегии и концепции.

Особенности испанского языка и ее переводов на русский язык сходятся к двум основным проблематикам. Первая проблема состоит в быстро развивающейся и многомиллионной сфере локализации как в испанском, так и в русском языках, которую физически сложно обаять теоретическими базами. Тем самым важна новая постановка проблемы нормативного/ненормативного характера теории перевода с коммуникативных позиций. Вторая проблема состоит в национальных вариантах испанского языка не только на территории Латинской, но и Северной Америки, которую зачастую приравнивают к мексиканскому варианту (см. таблицу языковых тегов испанского языка в рамках локализации). Однако, испанский язык Северной Америки это переплетение американского варианта английского языка с вариантами испанского языка Латинской Америки, не только одной Мексики. Важность испаноговорящей коммуны на территории США, несмотря на статус меньшинства, подчеркивает природу изменений распространения языка в рамках глобализации¹.

Таблица. Языковые теги испанского языка в рамках локализации

Испанский язык	es-ES	Пиренейский вариант испанского языка
	es-MX	Мексиканский вариант испанского языка
	es-AR	Аргентинский вариант испанского языка
	es-CO	Колумбийский вариант испанского языка
	es-CL	Чилийский вариант испанского языка
	es-US	Североамериканский вариант испанского языка

Переводческую проблему локализации можно представить в качестве дополнительного шага при традиционном переводе. Рассмотрим схему перевода с исходного, русского языка с учетом вариаций языка перевода и необходимости в культурной адаптации:

Русский язык → Испанский язык →

Национальный вариант → Культурная адаптация

Адаптация представляет собой приспособление текста к уровню компетентности реципиента, т. е. создание такого текста, который читатель сможет воспринять, не прибегая к посторонней помощи²

Рассмотрим некоторые примеры. Автогигант Chevrolet, вводя новую модель машины на рынок Латинской Америки, не завоевал успеха. «No va» в переводе на испанский означает «не едет, не двигается». American Airlines также не смог корректно адаптировать свой слоган: «Fly in Leather» («Летай в кожаных креслах»). Дословный перевод на мексиканском варианте испанского языка звучал буквально «летай голым».

Профессионал, получивший образование на базе пиренейского варианта испанского языка, не сможет в полной мере адаптировать перевод для носителей испанского языка в Северной или Латинской Америке.

В связи с целым рядом национальных вариантов и специфики локализации, возникает вопрос о необходимости разработки нового направления в сфере переводоведения. Так как локализация отличается, но в то же самое время включает в себя устный, письменный и машинный переводы, профессионалам в данной сфере необходимы дополнительные знания в разработке сайтов и мобильных приложений. Безусловно, реализация данной учебной программы в рамках одного факультета предстает весьма затруднительной. В случае, если данный раздел и будет введен в программу теории перевода, скорее всего, он будет носить лишь поверхностный, познавательный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Clare Mar-Moliner and Miranda Stewart, 2006. Globalization and Language in the Spanish-Speaking World; Macro and Micro Perspectives. 288 p.

² Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Издат. центр «Академия», 2004. С. 23.

Mammadova A. J.

The Middlebury Institute of International Studies at Monterey, USA

LOCALIZATION AS A MODERN METHOD OF TRANSLATION

The influence of globalization on modern translation, methods of localization and adaptation to the modern consumer market are considered. The relevance of the work is to provide a deeper, cultural translation.

Keywords: globalization; localization; translation; online; modern technologies; intercultural context.

Матыцин Александр Иванович

Московский государственный
лингвистический университет, Россия

alexmatyts@gmail.com

ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ ВСЕИСПАНСКО-РУССКОГО И РУССКО-ВСЕИСПАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРЯ

Статья посвящена опыту создания всеиспанско-русского и русско-всеиспанского юридического интернет-словаря. В ней приводится анализ достоинств и недостатков существующих отраслевых словарей. Автором выделяются отличительные черты нового словаря, а именно: двунаправленность языковых пар, электронная форма, ссылки на страну использования термина, гипертекстуальность терминов, составление лексической базы из текстов действующих нормативно-правовых актов, использование принципа совпадения семантических полей, добавление кратких вариантов терминов для устных переводчиков, при наличии вариантов терминов ссылки на соответствующие нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: всеиспанско-русский; русско-всеиспанский; юридический словарь; двунаправленность; гипертекстуальность; электронная форма; ссылки на законодательство; краткие варианты; регулярное пополнение.

В рамках настоящего исследования автором выполнен анализ ранее опубликованных ранее двуязычных юридических словарей. Объектами анализа стали:

- а) Шубина Е. Р., Алексеева Т. А. Испанско-русский юридический словарь. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. (далее — Шубина и Алексеева);
- б) Скурихин А. П. Испанско-русский юридический словарь. М.: Дрофа, Русский язык Медиа, 2008 (далее — Скурихин);
- в) Швыркова Л. Л., Гальегос Росильо Х. А., Фликс Фернандес Л. Испанско-русский юридический и экономический словарь. М.: Норма, 2015 (далее — Швыркова, Гальегос Росильо и Феликс Фернандес).

Достоинства анализированных словарей состоят в том, что они заполнили существовавший вакуум в сфере специализированных двуязычных словарей по теме права. Это достаточно объемные словари (словарь Шубиной и Алексеевой — 30 000 терминов, словарь Скурихина — 20 000 терминов, словарь Швырковой, Гальегоса Росильо и Феликса Фернандеса — 50 000 терминов, хотя последний словарь — юридический и экономический). В словаре Скурихина приводятся в отдельных случаях ссылки на страновую принадлежность терминов.

При этом указанные словари имеют следующие недостатки.

1. Единственная направленность языковых пар, а именно: испанско-русские словари.
2. Отсутствие электронной формы словаря, исключающей возможность быстрого поиска терминов.

3. Допущение принципа тезауруса при составлении словаря. Например, термин «robo» переводится как: «кража, воровство, ограбление, грабёж» (Шубина и Алексеева); «1. грабёж с насилием или разбой; 2. кража; похищение имущества» (Скурихин); «1. кража, хищение; 2. похищенная вещь; 3. мошенничество» (Швыркова, Гальегос Росильо и Феликс Фернандес). Термин «hurto» переводится как: «кража, краденое» (Шубина и Алексеева); «1. грабёж с насилием или разбой; 2. похищение имущества; кража, воровство; кража со взломом, квартирная кража; 3. мелкая кража, хищение из отдельных мест груза» (А. П. Скурихин); «кража (не сопряженная с насилием), похищение» (Швыркова, Гальегос Росильо и Феликс Фернандес). Однако в уголовном праве каждая категория предполагает различную ответственность.
4. Смещение принципиально разных правовых категорий. Например, в коммерческом праве существуют простые и переводные векселя (тратты), которые имеют однозначные эквиваленты в правовой системе языка перевода. В указанных словарях «pagaré» переводится как: «1. простой вексель; 2. долговое обязательство, расписка» (Шубина и Алексеева); «краткосрочный вексель или расписка; простой вексель; долговая расписка» (Скурихин); «долговое обязательство, вексель; долговая расписка» (Швыркова, Гальегос Росильо и Феликс Фернандес). «Letra» переводится как: «1. вексель, переводной вексель; 2. тратта 3. список имущества, являющегося залогом; 4. банковское письмо, разрешающее выплату кредита в другом банке» (Шубина и Алексеева); «1. вексель, тратта; 2. рукопись; собственноручная запись; почерк (Скурихин)». Следует заметить, что переводной вексель — это «letra de cambio». А просто «letra» представляет собой разговорный вариант.
5. Отсутствие четкости в страновой принадлежности терминов либо отсутствие указания на страну. Например, в словаре Скурихина приводится терминологическое сочетание «excusa para сопосег» как «отвод судьи» без указания, что данный термин используется в правовом обороте Мексики, при этом в переводе термина excusa отсутствует значение «отвод»; еще один термин «excusación» с аналогичным значением «отвод» указан как относящийся к Аргентине без отнесения этого термина также и к Колумбии. В Испании термину «отвод» соответствует «гесусаси́он». У Скурихина термин «отвод» указан как второе значение термина «гесусаси́он» без странового выделения, в то время как первое значение, переведенное как «возражение; оспаривание» в правовом обороте Испании в этом значении отсутствует; «compañía de seguros» (Шубина и Алексеева) в Испании называется «sociedad de seguro», также как «compañía de reaseguros» в Испании — «sociedad de reaseguro».
6. Отдельные термины, приводимые в словарях по-русски, противоречат формулировкам русского юридического языка. Например, «contrato de trabajo a domicilio» переводится как «трудовой договор о выполнении надомной работы» (Швыркова, Гальегос Росильо и Феликс Фернандес), в то время как в Трудовом кодексе Российской Федерации это называется «трудовой договор с надомником»; «cómplice necesario» переводится как «соучастник, необходимый для совершения преступления» (Шубина и Алексеева) а не как «обязательный соучастник», принятый в российской практике арбитражного судопроизводства; «competente para litigar» переводится как «способный спорить» (Шубина и Алексеева) вместо «правомочен обращаться с иском».

Обобщая опыт создания всеиспанско-русского и русско-всеиспанского юридического интернет-словаря, следует выделить его следующие характерные особенности. Прежде всего, это двусторонняя направленность языковых пар: испанско-русский и русско-испанский, что обеспечивается электронной формой словаря. Электронная форма обеспечива-

ет также быстроту поиска терминологических пар и связанных с ними лексических групп словаря, в котором есть гипертекстовые ссылки.

Лексический состав первого этапа словаря основан на правовом лексиконе России и Испании, то есть на текстах кодексов, законов, указов, постановлений, приказов, судебных решений и прочих документов, которые были отобраны из базы Государственного агентства «Официальные ведомости государства» (Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado), правовых систем «Гарант» и «Консультант плюс», компании «Волтерс Клувер», а также из словаря «Diccionario panhispánico del español jurídico» (изданного в двух томах Королевской академией испанского языка, Иберо-американским форумом глав верховных судов и Высшим судебным советом Испании в 2017 году).

В настоящее время реализуется второй этап, состоящий в пополнении словарной базы словаря терминами из правового лексикона стран, где испанский язык является официальным. Главный принцип, положенный во главу угла при составлении словаря, состоит в соотношении семантических полей терминов из используемых пар языков. При отсутствии полных эквивалентов лексическое построение терминов происходило с использованием действующей нормативно-правовой базы соответствующих стран. Например, семантическое поле термина «sociedad de capital» в Испании включает в себя «sociedades anónimas», «sociedades de responsabilidad limitada» и «sociedades comanditarias». В правовой системе России первые две категории относятся к обществам (акционерное и с ограниченной ответственностью), а последнее — к товариществам (коммандитное). С учетом вышеуказанного «sociedad de capital» переводится как «хозяйственное общество» либо «хозяйственное товарищество».

Приведем еще один пример. Термин «hecho imponible» определяется в Налоговом кодексе Испании как «el presupuesto fijado por la ley para configurar cada tributo y cuya realización origina el nacimiento de la obligación tributaria principal». В Налоговом кодексе России это «объект налогообложения», а именно — реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога. Семантическим тождеством двух понятий является «возникновение обязанности по уплате налога».

Для удобства устных переводчиков в ряде терминов приводятся краткие варианты терминов, которые также заимствованы из соответствующей нормативно-правовой базы. Например, полный термин на испанском «gastos del expediente extrajudicial», его краткий вариант — «gastos extrajudiciales»; на русском полный термин — «расходы на ведение внесудебного дела»; краткий — «внесудебные расходы».

При наличии нескольких модификаций термина в словаре приводятся ссылки на соответствующий нормативно-правовой акт. Например, термин «agente económico» — «хозяйствующий субъект» (ФЗ от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ») или «субъект хозяйствования» (Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров РФ применительно к вопросам арбитражного процесса»).

В настоящее время словарь насчитывает около 30 000 терминологических пар, его лексическая база регулярно пополняется.

Matytsin A. I.

Moscow State Linguistic University, Russia

EXPERIENCE OF CREATING A PANHISPANIC-RUSSIAN AND RUSSIAN-PANHISPANIC LAW ONLINE DICTIONARY

The article is devoted to the experience of creating a Panhispanic-Russian and Russian-Panhispanic law dictionary. It provides an analysis of the advantages and disadvantages of existing industry dictionaries. The author presents the distinctive features of the new dictionary, namely: bidirectionality of language pairs, electronic form, references to the country of use of the term, hypertextuality of terms, drawing up a lexical base from the texts of current legal acts, using the principle of coincidence of semantic fields, adding short versions of terms for interpreters, and if there are variations of terms, references to corresponding regulatory acts.

Keywords: Panhispanic-Russian; Russian-Panhispanic; legal dictionary; bidirectionality; hypertextuality; electronic form; references to legal acts; short variants; regular replenishment.

Маш Марина Львовна

Лаборатория Касперского, Россия

marina-mash@yandex.ru

ГРАММАТИЧЕСКАЯ «МЕТАФОРА» КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЯ ЗАПЛАНИРОВАННОГО ДЕЙСТВИЯ В ИСПАНСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сообщить собеседнику о своих планах? Казалось бы, что может быть проще. Любой язык (и русский, и испанский, и английский в их числе) располагает богатейшей палитрой лексических средств, которые позволяют это сделать, продемонстрировав при этом ту или иную степень уверенности в выполнении этих планов. Но в данной статье рассматриваются грамматические способы передачи значения запланированного действия.

Ключевые слова: планы; прогнозы; решимость; настоящее; прошедшее.

Сообщить собеседнику о своих планах? Казалось бы, что может быть проще. Любой язык (разумеется, русский, испанский, и английский тоже находятся в их числе) располагает богатейшей палитрой лексических средств, которые позволяют это сделать, продемонстрировав при этом ту или иную степень уверенности в выполнении этих планов. Однако, с точки зрения перевода как литературных и публицистических текстов, так и разговорной речи, представляют интерес те способы, которые предоставляет нам грамматика каждого из вышеупомянутых языков, а именно: употребление форм настоящего и прошедшего времени в значении запланированного действия.

Настоящее «календарное». Как в испанском, так и в русском, и в английском языках формы настоящего (в сочетании с лексическим указателем будущего времени) употребляются для обозначения чётких договорённостей, а также при указании на цепь последовательных запланированных действий в будущем, в первую очередь, когда речь идёт о календарном расписании. При этом в предложение не привносится никакая дополнительная эмоционально-экспрессивная окраска:

No entiendo, para qué tengo que hacerlo si pasado mañana empiezan las vacaciones;

El examen se convoca el viernes próximo;

Я будущей зимой уезжаю за границу (Тургенев);

Завтра воскресенье, мы пирюем у Яковлева, а сегодня поутру явился к нам старичок Правиков (Тютчев, письма);

The train departs at five o'clock tomorrow morning;

The boys start school on Monday;

В английском языке в этом значении встречается также и настоящее продолженное:

He's arriving tomorrow morning on the 13.27 train;

Are you doing anything tomorrow afternoon? — Yes, I'm playing tennis with Ann;
'What is Donald going to do?' — 'He's taking College entrance in chemistry in a few weeks... (Iris Murdoch, 'The Sandcastle')

Встречается также еще более типичный для таких случаев глагольный перифраз *be going to + Inf*:

I'm going to practise the piano for two hours this evening;
She says she's going to be a jockey when she grows up

Заметим, что и настоящее продолженное, и форма *be going to* в английском языке часто употребляются, чтобы подчеркнуть существование договоренности, или что решение было принято самим субъектом действия: *I'm meeting Tom at the station at six. — I'm going to meet Tom at the station at six.* “*I'm meeting Tom*” подразумевает наличие договоренности с Томом, а “*I'm going to meet Tom*” — что для Тома это может стать неожиданностью. В русском языке, например, это различие передаётся формами будущего и настоящего времени соответственно: *На следующей неделе Вы встретитесь с представителями профсоюза. — На следующей неделе Вы встретитесь с представителями профсоюза.*

В то же время, простое настоящее в английском языке может звучать более официально, нежели настоящее продолженное: владельцы сети универмагов, открывая новый филиал, вероятнее всего скажут: *Our new branch opens next week, — а не: Our new branch is opening next week.*

Настоящее «прогнозирующее». В английском и испанском языке синонимичные друг другу глагольные перифразы* *be going to + Inf* и *ir a + Inf* (личная форма настоящего продолженного от глагола *to go* и, соответственно, личная форма простого настоящего от глагола *ir* + полная форма инфинитива в обоих случаях) используются в прогнозах относительно будущего, когда говорящий видит объективные признаки того, что что-то вот-вот должно случиться:

Look out! How pale that girl is! She is going to faint;
Some workmen arrived today with a roller. I think they are going to repair our road;
Look at those clouds! It's going to rain!;
¡Por Dios, qué viento! ¡Vamos a tener una tormenta! ¡Va a llover!

Отметим, что в отдельных случаях *ir a + Inf.* служит и для отсылки к отдалённому будущему:

Julia. — Te digo a ti que no ha trabajado nunca. Ni va a trabajar nunca (F. Artilles).

Настоящее «решимости». Формы настоящего времени в испанском и русском языках могут использоваться и для передачи коннотации решимости. Мы имеем дело с неким психологическим приближением действия: само это действие будет иметь место в будущем, но готовность его осуществить или уверенность в том, что оно произойдет, присутствуют

непосредственно в момент речи. В отличие от предыдущих случаев, такое употребление придает высказыванию весьма яркую эмоциональную окраску:

Está bien, te lo traigo yo;
El día de tu cumpleaños te lo regalo yo;
“Había dicho esos verbos otra vez en esa casa, pero nunca el último. Nunca dije a nadie ‘Me voy’, nunca lo dije”. (Javier Marías, ‘Mañana en la batalla piensa en mí’);
Всё, с понедельника бросаю курить;
Завтра, значит, берём подряд на очистку поля от зайцев (Тропольский).

В русском языке говорящий может дополнительно подчеркнуть значение ближайшего будущего повтором глагола: *Всё, ухожу, ухожу...*

В английском языке мы увидим здесь не простое настоящее, а настоящее продолженное:

I'm leaving;
“Phil shook his head as he marched across the room to the phone. “I'm calling the police,” he repeated.” (J. Collins).

В испанском языке коннотацию решимости может передавать также перифраз *ir a + Inf*:

Esperame porque voy a volver, te juro que voy a volver. (A. Gravina);
Pero vas a entenderme. Vas a saber lo que me ha pasado mientras yo no supe de la muerte de Marta... (J. Marías, ‘Mañana en la batalla piensa en mí’)

Прошедшее решимости. В значении запланированного в будущем действия могут употребляться, как это ни удивительно, и времена плана прошедшего. Как и в случае с временами плана настоящего, цель говорящего — объявить о завершении формирования намерения, решения, принятого без учёта времени реализации самого действия.

В испанском и русском языках в этом значении встречается и простое прошедшее:

Ну, я пошла (побежала/ полетела/ поскакала);
Me fui

И прошедшее продолженное (несовершенное), которое подчеркивает, что план будущего растянут, действие должно осуществиться в неопределённом будущем (хотя для русского языка такое употребление намного менее типично). В английском языке такое употребление прошедшего продолженного также возможно:

No digáis nada, ya me iba;
Wait for me, I was leaving already;
Не говорите ничего, я уже уходил.

Заметим, что в английском языке в таких случаях всё же намного чаще встречается глагольный перифраз *to be going to* в форме прошедшего времени (который уже можно, наверное, считать случаем употребления будущего в прошедшем в силу высокой степени грамматикализованности): *I was going to leave.*

Будущее в прошедшем решимости. В английском языке формы будущего в прошедшем в независимых предложениях также могут передавать коннотацию решимости при осуществлении запланированного на ближайшее будущее действия. Безусловно, здесь грамматическая метафора не настолько яркая: значение будущего всё же изначально свойственно этим формам, и, кроме того, наиболее частотное их употребление в разговорной речи связано с коннотацией смягчения, что не может не накладывать свой отпечаток. Другими словами, при употреблении будущего прошедшего для обозначения запланированного действия коннотация решимости будет не столь явной:

I would better talk to his parents.

Отметим, что грамматическим синонимом такой метафоры будут формы сослагательного наклонения: *I had better ring him tomorrow. This would be the best thing to do.*

ПРИМЕЧАНИЕ

* При этом в силу высокой степени грамматикализованности этой формы, иногда её рассматривают уже как самостоятельную аналитическую форму будущего времени (S. Gili y Gaya, O. K. Васильева- Шведе, Г. В. Степанов)

Mash M. L.

Kaspersky Laboratory, Russia

GRAMMATICAL “METAPHOR” IN SPANISH, RUSSIAN AND ENGLISH USED TO EXPRESS PLANNED ACTION MEANING

What do you do when you need to tell someone about your plans? You have a plenty of lexical means at your disposal in any language (Spanish, Russian and English included) to do so. However, this article describes grammatical means that allow you to describe a planned action.

Keywords: plans; predictions; decisiveness; present; past.

3. СПРАВОЧНЫЕ РЕСУРСЫ И ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Лингвистическое, коммуникативное, социологическое направление переводоведения. Развитие переводческой лексикографии. Роль корпусной лингвистики в переводоведении. Программы-конкордансы. Способы предупреждения когнитивных и коммуникативных ошибок. Переводческая компетенция и качество перевода: содержание обучения и подходы к оценке. Конкурсы переводчиков.

3. RECURSOS Y HERRAMIENTAS EN LA TRADUCCIÓN

Tendencia lingüística, comunicativa y sociológica en la traductología. Desarrollo de la lexicografía de la traducción. Papel del corpus lingüístico en la traducción. Programas de concordancia. Maneras de prevenir errores cognitivos y de comunicación. Competencia en la traducción y calidad de la traducción: contenidos de aprendizaje y métodos de evaluación. Concursos de traductores.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

В статье рассматриваются ресурсы, связанные с информационно-коммуникационными технологиями, и анализируется целесообразность их использования на уроках перевода. Автор приводит конкретные примеры применения интерактивных упражнений, флеш-карт, ресурсов для работы с видео и аудио, которые могут помочь будущим письменным и устным переводчикам в работе. Особое внимание уделяется роли машинного перевода в формировании компетенций переводчика.

Ключевые слова: ИКТ; интерактивные упражнения; видео и аудиоресурсы; машинный перевод.

Педагоги, работающие со студентами-переводчиками, нередко отмечают, что используемые ими упражнения из учебников и учебных пособий, несмотря на их высокую эффективность, не всегда соответствуют современным требованиям, связанным с разработкой интерактивных заданий, с введением элементов визуализации, а также с использованием аудио- и видеоматериалов на занятиях.

Использование информационно-коммуникационных технологий на уроках, безусловно, способствует значительному повышению мотивации студентов. С их помощью можно достичь автоматизации навыков перевода, предложить более широкий спектр упражнений и заданий, а также обратиться к более современному материалу*.

Интерактивные упражнения могут быть созданы на основе нескольких сайтов и программ, самыми известными из которых является Quizlet и Kahoot. Отметим также и другие программы — Learningapps, Google Forms, Hot Potatoes, Exelearning и др. Интерактивные упражнения — это упражнения, создаваемые преподавателем на своём компьютере в форме тестов, текстов с пропущенными словами, упражнений на сопоставление информации из двух колонок текста и других видов заданий. Данные упражнения интересны тем, что после их выполнения студент получает результат сразу, он может сам посмотреть, в каких пунктах он допустил ошибки, это не требует проверки преподавателя. Безусловно, интерактивные упражнения могут быть использованы не только со студентами-переводчиками — с их помощью можно создавать прекрасные задания именно на практику навыков перевода. Например, подбор правильного перевода к фразеологическим оборотам или устойчивым выражениям. Можно также работать с ложными друзьями переводчика или с неточностями в переводе, предлагая студентам несколько вариантов перевода слова или фразы, максимально похожих друг на друга, и давая

им задание выбрать наиболее точный вариант. Данное задание целесообразно использовать, например, со студентами, изучающими особенности специализированного перевода — юридического, медицинского, дипломатического и пр. Для автоматизации навыков перевода можно использовать и флешкарты. Один из лучших ресурсов для создания флешкарт — сайт www.flashcardmachine.com. Флешкарты представляют собой карточки, включённые педагогом или самим студентом в определённую лексическую тему (например, «Экология» или «Политика»), которые включают в себя не только саму лексическую единицу, но и её изображение и произношение. Студенты просматривают данные карточки, ассоциируют лексическую единицу с изображением и прослушивают аудиозапись. Таким образом, лексика запоминается значительно лучше, к необходимым лексическим единицам студент может обратиться в любой момент, что немаловажно для будущих переводчиков-синхронистов.

Особую роль на уроках со студентами-переводчиками играет современный аудио- и видеоматериал, которым изобилует сеть. Теперь у нас есть возможность не только подобрать нужные нам фрагменты, связанные с определёнными лексическими темами, — например, политика, социально-экономические феномены или внешняя политика и дипломатия, — но и использовать данные фрагменты для создания интерактивных упражнений. Это можно осуществить с помощью программы Edpuzzle, которая позволяет разрабатывать разнообразные упражнения на основе видео- и аудиоряда. Одним из типов упражнения является дополнение субтитров к видео услышанными лексическими единицами. Таким образом можно успешно тренировать синхронных переводчиков. Программа Soundboard позволяет создавать коллекции аудиофайлов по определённым темам. Данное упражнение наиболее приближено к реальности переводчика ввиду отсутствия видеоряда. Если педагогу необходимо загрузить фрагмент видео- или аудиоматериала, то можно использовать программу Clipconverter.

В настоящее время преподаватели всё чаще прибегают к интерактивным упражнениям с элементами визуализации. Педагог может предложить студентам перевод различных примеров инфографики по разным темам, связанным с политикой, социальными явлениями, культурой и традициями. Широкий выбор инфографики представлен на сайте ВЦИОМа. Кроме этого, если учитель создаёт систему упражнений, связанных одной общей темой, он может использовать программу Thinglink, связанную с обработкой фотографий и созданием виртуальных заданий по фотографиям и иллюстрациям.

Наконец, упомянем о машинном переводе. Как мы знаем, машинный перевод может оказать значительное негативное воздействие на эффективность учебного процесса, поэтому регулярное использование средств машинного перевода на занятиях не рекомендуется. Тем не менее, ма-

шинный перевод также может быть рассмотрен как эффективное средство анализа проблемных точек перевода. Например, системы машинного перевода часто не учитывают переносных значений лексических единиц (или просто других значений многозначных лексических единиц), неправильно переводят фразеологические обороты и устойчивые выражения. Мы понимаем, что именно эти элементы текста являются «проблемными точками» перевода, что означает, что переводчик должен обратить внимание именно на них. Кроме этого, при использовании разных систем машинного перевода студенты могут предложить их сравнительный анализ, следя за их прогрессом. Прекрасными упражнениями для студентов любого уровня являются задания на исправление ошибок в машинном переводе.

Подчеркнём, что упражнения, связанные с использованием ресурсов ИКТ на уроках, должны быть вписаны в общую тему урока и курса, должны дополнять пособие и рабочие листы, создаваемые преподавателем. Помимо этого, преподавателю также необходимо обратить внимание на целесообразность использования того или иного ресурса для достижения конкретных целей в рамках учебного процесса.

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Исмагов С. С.* Использование информационно-коммуникационных технологий при обучении переводу // International Journal of Educational and Scientific Research. 2019. N 1 (9). P 9–14; *Маланханова А. Е.* Использование современных информационно-коммуникационных технологий в обучении переводу экономического дискурса с китайского языка на русский язык // Преподаватель XXI век. 2016. № 3. С. 145–152.

Amlinskaya Yu. R.

Online schools “Russificate”. “Language Life” and “Russificate Kids”, Spain.

USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN TEACHING TRANSLATION

The article discusses the resources associated with information and communication technologies, and analyzes the feasibility of their use in translation lessons. The author gives specific examples of the use of interactive exercises, flash cards, audio and video resources, which can help future translators and interpreters in their work. Particular attention is paid to the role of machine translation in the formation of translator competencies.

Keywords: ICT; interactive exercises; video and audioresources; machine translation.

Богданова Людмила Ивановна

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова, Россия

libogdanova1@mail.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПРОГРАММЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В статье представлена концепция программы курса «Русский язык и культура речи», ориентированная на подготовку специалистов в области перевода и переводоведения. Концепция программы базируется на понимании языка как деятельности. Программа предусматривает обучение рецептивным и продуктивным речевым действиям на русском языке, что способствует также и развитию переводческих умений студентов. Особое внимание уделяется изучению лакун в русском и иностранных языках.

Ключевые слова: русский язык; перевод; язык как деятельность; культурные концепты; лакуны.

Роль дисциплин, развивающих речевые умения в продуктивной и рецептивной деятельности на базе родного языка (в нашем случае — русского), нередко недооценивается. В частности, при формировании программы подготовки специалистов в области перевода, как правило, основные усилия направляются на обучение иностранным языкам, что логично, но недостаточно для эффективного обучения переводу, так как без чёткого осознания того, что делает речь действенной на родном языке, невозможно ни эффективное овладение иностранным языком, ни постижение законов перевода. Русский язык как учебный предмет, по нашему твёрдому убеждению, должен занимать одну из определяющих позиций в системе языковой подготовки специалистов в области перевода и переводоведения. В этом направлении в МГУ имени М. В. Ломоносова силами кафедры сопоставительного изучения языков подготовлена программа по русскому языку, ориентированная на подготовку переводчиков. Концепция обучения русскому языку специалистов в области перевода основана на деятельностном подходе к языку¹.

Понимание языка как деятельности предполагает его описание с двух позиций: 1) с точки зрения лица, воспринимающего речь партнёра по коммуникации — в письменной или устной форме, 2) с позиции человека, продуцирующего собственные речевые произведения. Учебники, учебные пособия и программы, представляющие русский язык как предмет обучения, обычно недостаточно последовательно отражают эти позиции. Указанное разграничение, на наш взгляд, вносит существенные коррективы в описание языка, способствуя более точному и адекватному его представлению, особенно в целях преподавания на факультетах

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00053

иностранных языков². Остановимся на анализе учебного курса «Русский язык и культура речи», ориентированного на преподавание студентам отделения «Перевод и переводоведение». Идеи, положенные в основу этого курса, частично представлены в программе³ и учебных пособиях⁴.

Основной целью программы по русскому языку для переводчиков является представление русского языка с позиций обеспечения рецептивных и продуктивных речевых действий, с ориентацией на сравнение с другими языками. Данная цель может быть реализована при установлении междисциплинарных связей с предметами языкового, культурологического и других циклов профессиональной подготовки.

В задачи дисциплины входит формирование и развитие следующих умений:

- 1) извлекать полный и точный смысл из анализируемого речевого сообщения с учётом распознавания скрытых смыслов;
- 2) создавать самостоятельно речевые произведения в соответствии с целью высказывания, ситуацией общения, характером отношений с партнёром по коммуникации;
- 3) различать универсальный и национально-культурный компоненты в родном и изучаемых иностранных языках.

Таким образом, основные задачи дисциплины «Русский язык» (с ориентацией на обучение переводчиков) состоят в развитии умений осуществлять успешную речевую деятельность в устной и письменной коммуникации и в рецепции, и в продукции. Изучение родного языка (русского) с учётом поставленных задач должно обеспечить также формирование целого ряда переводческих компетенций, что становится возможным потому, что программой в этом плане предусмотрено развитие умений выделять национально-культурный компонент в семантическом пространстве языков. Умения такого рода напрямую связаны с профессиональной ориентацией студентов переводческого отделения. В содержании программы выделяется три основных раздела: «Лексикология и фразеология», «Словообразование и морфология» и «Синтаксис». Первый раздел представляется основополагающим для переводчиков. Именно на базе лексики и фразеологии формируются умения 1) выявлять в семантике лексико-фразеологических единиц номинативный, оценочный, ассоциативный и коммуникативный компоненты, 2) анализировать отношения между словами в процессе слушания и чтения, 3) выбирать из синонимического ряда то слово, которое наиболее точно отражает речевую задачу и замысел автора высказывания и соответствует условиям коммуникации, 4) находить разнообразные способы выражения одного и того же содержания, трансформируя и перефразируя высказывания, 5) выявлять при сравнении языков разного рода лакуны.

Следует обратить внимание учащихся на то, что лексические категории обладают разной значимостью в плане обеспечения рецептивных

и продуктивных речевых действий. Такие категории, как синонимия, антонимия и конверсия, ориентированы на продукцию, так как они обогащают лексические ресурсы производителя речи, выводят его в говорение и письмо, помогают усилить или, напротив, ослабить воздействие на адресата. Полисемия, её частный случай омонимия, а также паронимия, в свою очередь, в основном связаны с рецептивной деятельностью, поскольку осложняют процесс понимания. Но возможны и некоторые «отклонения». Многозначность слова, реализуемая с помощью метафоры и метонимии, оказывается значимой не только для рецепции, но и для продуцирования речи.

Метафоры нередко формируются не на основе объективно существующих признаков, а в результате эмоциональной оценки тех или иных явлений: так, в русском языковом сознании *курица* ассоциируется с глупостью (*безмозглая курица, куриные мозги*), а в испанском — с трусостью; *заяц*, ассоциирующийся с трусостью в сознании русских, является символом мудрости для китайцев. Ассоциативный фон слова в межкультурном общении важен и для говорящего, и для слушающего. Различие в ассоциативном потенциале слов в разных языках связано с национально-специфическим восприятием мира. Философ Ортега-и-Гассет, говоря о гносеологической функции метафоры, подчеркивал: «Метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удаётся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Метафора удлиняет „руку“ интеллекта»⁵. Обязательное включение творческого элемента в процесс перевода подводит некоторых исследователей к мысли о том, что перевод сам по себе имеет метафорическую природу⁶. Перевод, подобно метафоре, находится на пересечении двух концептуальных сфер, двух миров. Переводчик создаёт такой текст, который в случае адекватного перевода, принадлежит одновременно двум культурам, точно так же, как человек для интерпретации метафоры ищет объединяющий элемент, который устранил бы изначальную невозможность соединения. Метафора, усложняющая и понимание, и перевод, в продуктивных видах речевой деятельности выступает как способ воздействия на адресата. Она выполняет экспрессивную функцию, апеллируя к воображению реципиента, и суггестивную, апеллируя к его интуиции.

Второй источник полисемии, метонимия, в речевой деятельности связан с движением от частного к общему или, напротив, от целого — к отдельным его частям. Стиль общения, называемый метонимическим, характеризуется конкретизацией. Детали становятся для реципиента центром притяжения, и эти отобранные субъектом речи детали получают особый вес, напр., *очаг* по смежности связан с домом, символизирует тепло, комфорт, безопасность. В процессе говорения и письма для говорящего / пишущего субъекта метонимия становится удобным средством экономии речевых усилий: ср.: *произведения Маяковского в ранний*

период его творчества — ранний Маяковский. Метонимический перенос даёт возможность говорящему / пишущему обобщить информацию, уйти от неудобных ситуаций, позволяет не называть конкретных лиц, возможно, ответственных за трагические события: *Самолёт не смог совершить посадку* (не пилот, не диспетчер, а самолёт!). Следует обратить внимание учащихся на неодинаковые возможности метонимических переносов в разных языках.

На занятиях по русскому языку для переводчиков обязательным является обращение к таким значимым понятиям, как культурный концепт и лакуна. Многие русские культурные концепты трудны для перевода, так как связаны общей «русской» идеей пространства, которая отчасти объясняет «географию» русской души: ср.: *простор, раздолье, разгул, гулянье, воля, тоска, удаль* и др. Благодаря особой «эмоциональной ауре» культурные концепты нередко помогают людям, говорящим по-русски, лучше понять друг друга, осознать свою человеческую и культурную общность. Но в межкультурном общении, при переводе, напротив, эти концепты могут создать трудности и даже барьеры, препятствующие взаимопониманию. Неполная переводимость культурных концептов заставляет говорить о лакунах и способах их компенсации. Полезным для будущих переводчиков является сопоставление фрагментов лексических систем родного и изучаемого языков. Сравнение, идущее от изучаемого языка, позволяет, например, выявить, что в сфере чувств и эмоций испанский язык в ряде случаев отличается большей лексической детализованностью, чем русский, поскольку одному русскому слову могут соответствовать два и более испанских (по-русски *любить*, а по-испански — *amar* и *querer*). Лаконичное комплексное обозначение высокой духовной любви и любви земной — *amar y querer* — в переводе на русский язык получается более многословным и развёрнутым. Если выстраивать сравнение языков от русского языка, то можно обнаружить более богатую разработанность некоторых лексических рядов русского языка, например, синонимический ряд *смелый, храбрый, бесстрашный, отважный, отчаянный, безрассудный, лихой* демонстрирует различия в представлении о смелости и разную её оценку. Во многих других языках отличия между лихостью, отвагой, смелостью не являются столь существенными и не фиксируются с помощью специальных слов. Лакунарность возникает также при переводе инвективной лексики, прозвищ, ласковых обращений и т. п.

Раздел программы «Словообразование» позволяет расширить возможности понимания предъявленных слов при обращении к их внутренней форме. Изучение модификационных трансформаций по заданным параметрам (размер, единичность, женский пол, субъективная оценка и др.) делает более осознанным понимание и способствует обеспечению продуктивной деятельности, пополняя словарный запас и ре-

ально существующими, и потенциальными словами. Раздел программы «Морфология» помогает приобрести умения извлекать содержательную ценность из флексий (напр., *иди* — действие реальное или требуемое?), а также строить словоформы и словосочетания с опорой на значение флексий и знание правил сочетаемости и их ограничений. В разделе «Синтаксис» студенты изучают смысловую ценность порядка слов и актуального членения, что важно для обеспечения рецептивных речевых действий. Для эффективного речевого продуцирования необходимо изучить синтаксические приёмы, с помощью которых можно расставлять смысловые акценты: выдвигать в зону повышенного внимания какие-либо фрагменты информации и, напротив, «уводить в тень» другие информативные части. Кроме того, особую ценность приобретают запреты и ограничения на сочетаемость, действующие в процессе соединения слов и предложений.

Проиллюстрируем рассматриваемые положения некоторыми примерами заданий для самостоятельной работы: 1) на основе анализа ряда слов в предложениях, взятых из самостоятельно подобранных текстов, выявить характеристики, отражающие реальное положение дел, а также те характеристики, которые обусловлены субъективными факторами; 2) рассмотреть языковые лакуны в русском и изучаемом языках, анализируя семантические поля в сопоставляемых языках (природные явления, строение человеческого тела, чувства и эмоции и т. д.); 3) найти в тексте многозначные фразы (или фрагменты предложений) и устранить многозначность; 4) «свернуть» текст, используя различные приёмы обобщения и сокращения (метонимия, метафора, деепричастный оборот и др.); 5) трансформировать имена и глаголы по заданным семантическим параметрам (пол, количество; результативность, однократность и др.); 6) одну и ту же ситуацию описать с разных позиций, расставляя смысловые акценты при помощи конверсивов; 7) представить событие с несколькими участниками, оценивающими его по-разному, дать описание произошедшего с учётом разных точек зрения (экспрессивно-положительная оценка, эмоционально-отрицательная и объективное описание с использованием нейтральной лексики).

Для исследовательских проектов предлагаются следующие темы: 1) Ассоциативный компонент значения слов, обозначающих живых существ, в русском и изучаемых иностранных языках (*медведь, овца, кошка* и др.); 2) Средства выражения эмоций и оценок в родном и изучаемых языках; 3) Различные способы призыва к действию в русском и изучаемых языках и их коммуникативные характеристики (построение шкалы императивности); 4) Сравнение выражения интенсивности / начала / окончания действия в русском и изучаемом языках.

Такого рода задания способствуют развитию аналитических умений учащихся, позволяют увидеть универсальное и национально-специфи-

ческое в разных языках, что совершенно необходимо будущим переводчикам для их успешной деятельности в выбранном направлении.

В заключение следует отметить, что эмпирические наблюдения, а также изучение и обобщение теоретических проблем, связанных с деятельностным подходом к языку, позволили сформировать концепцию построения учебного курса по русскому языку, основное назначение которого видится в развитии у будущих переводчиков умений определять имплицитные и эксплицитные смыслы, заложенные в поступающих сообщениях, а также результативно продуцировать речевые произведения в условиях межкультурной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 438 с.; Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2015. 284 с.

² Богданова Л. И. Русский язык в программе подготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» // Иностранные языки в сфере профессиональной коммуникации. М.: МГЛУ, 2018. С. 7–8.

³ Богданова Л. И., Милославский И. Г., Федосюк М. Ю. Программа дисциплины «Русский язык и культура речи» // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1. С. 83–111.

⁴ Богданова Л. И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта. Наука, 2017. 248 с.; Милославский И. Г. Современный русский язык. Культура речи и грамматика. Учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 160 с.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68–72.

⁶ Бухтояров С. И. Семиологические аспекты перевода пьес Шекспира на русский и немецкий языки. Автореферат дис. на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Тюмень: ТюмГУ, 2004.

Bogdanova L. I.

Lomonosov Moscow State University, Russia

RUSSIAN LANGUAGE FOR SPEECH ACTIVITIES IN THE TRANSLATOR TRAINING PROGRAM

The article presents the concept of Russian language program for the translator training. The concept of the program is based on an understanding of the language as an activity. The program provides training in receptive and productive speech actions in Russian, which also concerned with the development of students' translation skills. Special attention is paid to the study of lacunas in Russian and foreign languages.

Keywords: Russian language; translation; language as an activity; cultural concepts; lacunas.

Ильюкевич-Яновская Анна Павловна

Университет Сарагосы, Испания

iliukevich.a@outlook.com

ПЕРЕВОД В ОБУЧЕНИИ ELE: ПРАКТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР С РУССКОЯЗЫЧНЫМИ СТУДЕНТАМИ EOI № 1 Г. САРАГОСЫ

В данной статье рассматриваются преимущества использования контрастивного метода, в частности педагогического перевода, на уроках иностранного языка, как в одноязычной, так и в многоязычной средах. В ней также рассмотрены факторы, которые благоприятствуют проведению обучения в условиях глобализованного мира. Актуальность данного исследования связана с рекомендациями *MCER* и *PCIC*, а также с недавним появлением навыка «mediación» (медиация, посредничество) в автономной программе изучения языков Арагона. Представлены результаты урока по прошедшим временам изъявительного наклонения, проведенного с русскоязычными студентами EOI № 1 г. Сарагосы.

Ключевые слова: преподавание языка; ELE; прошедшие времена изъявительного наклонения; испанский язык для русскоговорящих.

1. Введение

Полезность контрастивного метода ставилась под сомнение на протяжении многих лет, но в настоящее время, принимая во внимание ситуацию всемирной глобализации, авторы из многих стран признают его эффективность. На первый взгляд, его использование может показаться сложным и проблемным в группе, где царит разнообразие, но при определении методики преподавания необходимо исходить из конкретной реальности каждой группы, т. е. из возможностей и потребностей учащихся.

Все, кто изучает иностранный язык, бессознательно прибегают к противопоставлению его своему родному языку (Я1) или другому языку (ИЯ), которым они владеют. Это проявляется в сравнении грамматических структур или в переводе определенных терминов во время речевого процесса. Необходимо иметь в виду, что все полученные во время обучения знания дают возможность анализировать грамматику, исходя из глобального видения, то есть за рамками конкретного языка, и позволяют «ощущать» сходства и различия между ними, создавая тем самым совершенно новое восприятие: *металингвистическое сознание*. Это явление, как будет показано далее, тесно связано с другим — *интерязыком*, отличающимся по своей сущности от уже устаревшей перспективы «идеального носителя языка». Именно поэтому представляется целесообразным поддерживать и укреплять данные способности на уроках.

Исходя из этой теоретической основы, цель проведенной практики состояла в том, чтобы проверить действительную полезность этого метода и позднее узнать мнение самих студентов по этому вопросу. Выбранная тема — прошедшие времена изъявительного наклонения: *indefinido*,

perfecto, *imperfecto* и *pluscuamperfecto de indicativo* — обусловлена интерференцией в данной области русского языка при изучении испанского языка. Причина этого кроется в различиях грамматических систем обоих языков, т. к. в русском языке категория вида преобладает над временной, и существует только одна форма прошедшего в отличие от имеющихся восьми форм испанского языка.

На следующих страницах будут рассмотрены все вышеуказанные концепции и проанализированы результаты уже упомянутой дидактической сессии, проведенной с десятью русскоговорящими студентами *Escuela Oficial de Idiomas № 1 г. Сарагосы (EOI № 1)*.

2. Понятия контрастивного анализа, интерференции и интерязыка

Сильный импульс в исследовании данной области пришелся на конец Второй Мировой Войны, когда возникла необходимость создания учебных материалов для более эффективного изучения языков. Предложенным методом стал метод контраста или сопоставления языков, чье развитие последовало ключевым лингвистическим моделям: структурной, трансформационно-генеративной, психолингвистической. В настоящее время наш интерес стал социологическим и межкультурным, поскольку язык понимается как “*una herramienta para desarrollar nuevas interacciones interculturales en una cultura de mestizaje*”¹.

В частности, появление сравнительного метода обычно связывают с публикацией Чарльзом Фризом в 1945 году его работы *Teaching and Learning English as Foreign Language*, в которой автор сравнивает английский с другими языками на морфологическом, фонологическом и синтаксическом уровнях с целью выявления сходств и различий, которые помогут распознать трудности в процессе обучения. Однако именно в 1957 году Роберт Ладо, автор *Linguistics across Cultures*, предложил, основываясь на сходствах и различиях между языками, еще и объяснять причины ошибок. Именно он впервые использовал перевод для работы с эквивалентными структурами и аудио-языковые упражнения для различных структур.

В 1953 году в работе Вайнрайха *Languages in Contact: Findings and Problems*, посвященной билингвизму, в исследование были включены понятия *трансференции*, имеющей положительное значение, и *интерференции*, имеющей отрицательное значение, в зависимости от роли родного языка в освоении нового языка. Галиндо Мерино подчеркивает, что трансференция — это «универсальная стратегия», которая проявляется прежде всего в начале и на средних этапах обучения на всех языковых уровнях: фонетико-фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом и прагматическом, — и что она фигурирует на протяжении всего *Marco Común Europeo de Referencia para las lenguas (MCER)*². Мнения таких авторов, как Гусман Тирадо³, Молкова⁴ и Санчес Куадро⁵,

сходятся в том, что родной язык является ключевым фактором в изучении иностранного, поскольку “no es posible entender el proceso de aprendizaje de una lengua no nativa sin tener presente el papel de la L1”⁶.

Хотя оба эти явления имеют важное значение, их нельзя понимать как единственные, влияющие на обучение, поскольку существуют и другие явления интралингвистического характера. Здесь необходимо упомянуть термин *интерязыка*, введенный Селинкером в 1972 году. Это своеобразная лингвистическая система, выстроенная творчески и технически из элементов родного и изучаемого языков, а также с помощью других элементов, не относящихся ни к первому, ни ко второму, которую носитель неродного языка использует на ранних этапах обучения. Это неизбежно приводит к гиперобобщениям об иностранном языке, обычно вызванным желанием быстро достичь функционального коммуникативного уровня⁷. Подробно рассматривая этот вопрос, Бароло Оттонэлло⁸ и Вез Херемиас⁹ ссылаются на Хомского и его теорию о существовании в сознании человека врожденной структуры для изучения языков.

Следует подчеркнуть, в связи с преимуществами сравнения языков, практическую целесообразность данного метода в обучении взрослых учащихся. Упражнения, направленные на ассоциации и сравнение понятий, позволяют размышлять о том, какие структуры являются правильными, а какие нет, исправлять собственные ошибки, закреплять материал и становиться осознанными языковыми пользователями¹⁰. Такая стратегия обучения может привести к весьма благоприятным результатам как в одноязычных, так и в многоязычных группах при условии, что использование Я1 и других иностранных языков будет заранее оговорено с учащимися¹¹.

3. Проблема глаголов в изучении ELE у русскоговорящих учащихся

Ошибки, вызванные интерференцией Я1, варьируются в зависимости от сходства или различия его грамматических систем и систем изучаемого языка (Я2)¹². Одной из причин интерференции у наших учеников выступают глаголы прошедших времен, которые существенно отличаются от одного языка к другому. Как уже отмечалось выше, в глагольной системе русского языка преобладает категория вида, которая придает большее значение завершенности и незавершенности действий, представленных в виде пар глаголов: *делать/сделать, увезти/увозить, писать/написать* и т. д.

Каждый глагол имеет форму совершенного и несовершенного вида в прошедшем и будущем, и несовершенного в настоящем временах, которые носят один корень (хоть и имеются исключения, как в случае *смотреть/увидеть*) и одно и то же лексическое значение. Помимо вербального, аспектуальность отражается в невербальных проявлениях, т. е. лексических, синтаксических и/или контекстуальных. Так, например,

в русской вербальной системе, в отличие от испанской, нет разделения вербальных форм на абсолютные (они указывают действие на момент речи) и относительные (они указывают действие, относящееся к другому временному моменту), так что все вербальные формы могут быть абсолютными или относительными, в зависимости от контекста. Исходя из этого, испанское глагольное время содержит больше информации о выраженном действии, чем русское, которое использует для этого другие ресурсы. “Las diferencias en las relaciones temporales y aspectuales entre los verbos rusos y españoles reflejan dos maneras distintas de percibir el mundo”¹³.

4. Навык медиации и педагогический перевод

В последнюю автономную арагонскую учебную программу преподавания языков (ORDEN ECD/1340/2018 от 24 июля) был включен новый и пятый навык, подлежащий обязательной аттестации на официальных экзаменах: «медиация». Это изменение учебной программы не является случайным, поскольку *MCEER* и (в последствии) *Plan curricular del Instituto Cervantes (PCIC)* уделяют особое внимание данному навыку. Его особенность состоит в том, что он способствует умелому использованию сразу нескольких языков, а также применению приобретенных на уроках межкультурных знаний, упрощающих взаимодействие и понимание между носителями разных языков. Ученик выступает в роли посредника между двумя или более лицами, переходя, по мере необходимости, с одного языка на другой. Если мы думаем об учащемся, как о многоязычном и межкультурном, или, почему бы и нет, как о *поликультурном* носителе, который не только «маневрирует» различными языками, но и через них имеет доступ к экспоненциальному миру их культур, мы приходим к выводу, что медиация является „una actividad compleja transversal”, которая включает такие компетенции, как „la estratégica, la comunicativa, la autónoma, la mediática y, por supuesto, la intercultural”¹⁴. Посредник не только передает прямое значение того, что выражает говорящий собеседник, но и адаптирует его к культуре слушающего, поскольку он использует фразеологию и стилистические элементы, и ссылается на культурные ориентиры, которые влечет за собой целевой язык.

Одним из инструментов для развития вышеупомянутых навыков и компетенций является *педагогический перевод*. Этот традиционный метод являлся самым распространенным в преподавании иностранных языков до 70-х годов прошлого века, но в его последние десятилетия был подавлен из-за обесценивания лингвистами, “en muchas ocasiones sin argumentos demostrados empíricamente”¹⁵ Однако “el papel de la TP viene experimentando desde hace unos años un profundo proceso de revisión y, en consecuencia, de renovación”¹⁶, поскольку осознание “la dimensión comunicativa de la actividad traductora” непосредственно связано с пятым навыком¹⁷. Это не только помогает проработать и консолидировать прой-

денный материал, но и ведет к “reflexión metalingüística, fundamental especialmente con los aprendices adultos”¹⁸. Следовательно, задача нынешнего преподавателя не состоит исключительно в передаче информации учащимся, “sino en transformar sus conocimientos teóricos y vivenciales en conocimientos útiles y adecuados a las características y necesidades de los alumnos y a la realidad social que les ha tocado compartir”¹⁹. И *MCER*, и *PCIC* рекомендуют “la interpretación oral y la traducción escrita, así como el resumen y la paráfrasis de textos de la misma lengua”²⁰, как виды упражнений для развития навыка медиации.

Наконец, оценив пользу такой практики, хотелось бы упомянуть некоторые возможности ее применения на уроках. Вивиан Кук²¹ предлагает перевод в коммуникативных целях, к примеру, в написании рецепта по приготовлению блюда на Я1 и его последующий перевод на Я2 с партнером-носителем другого языка. Иным примером может служить коррекция перевода, выполненного другими учениками, что, помимо развития коммуникационных навыков, поможет улучшить навыки письма²². Для акцентирования внимания на форме можно выполнить упражнения, связанные с поиском эквивалентных языковых ресурсов двух сопоставленных языков. Следует отметить просмотр различных видео/фильмов с субтитрами, будь то на Я1 или другом ИЯ, в одноязычных или многоязычных классах, соответственно. Наконец, Санчес Кастро²³ предлагает своим студентам пересказать испанскую статью для немецкой газеты, не забывая о том, что читатели, которым она будет адресована, не знают культурных особенностей Испании.

5. Урок, посвященный прошедшим временам, и его результаты

Идея проведения уже упомянутой дидактической сессии возникла в связи с необходимостью укрепления, исходя из просьб русскоязычных учащихся уровней В2.1 и В2.2, форм использования глагольных времен прошедшего времени изъявительного наклонения. Они уже были знакомы с данными временами благодаря их повседневным занятиям в ЕОІ, но у них все еще возникали некоторые неточности в использовании. Наконец, число добровольцев составило 10 человек: 9 женщин и 1 мужчина, в возрасте от 26 до 63 лет.

С целью достижения максимального понимания теории, а также для сравнения двух форм преподавания — уже привычной для учащихся теоретической презентации на испанском языке и, как новинка, на их родном языке — было решено провести все объяснения на русском языке. С самого начала основная цель заключалась в том, чтобы проверить эффективность контрастивного метода, в частности инструмента перевода, и использование родного языка для понимания прошедших времен испанского языка.

До и после дидактической сессии студентам были предложены два теста из 20 предложений, заключающих в себе 30 пунктов, каждый с целью проверки изначального и конечного уровня знаний. Представленные предложения соответствовали друг другу в обоих тестах и объяснены на уроке формам. В конце был роздан анонимный вопросник, в котором они ответили на несколько вопросов, оценивая предложенные критерии по шкале от 1 до 5, и выразили свои пожелания для дальнейших подобных практик.

При составлении теоретического досье и тестов мы опирались на формы использования, предложенные Гусманом Тирадо²⁴ и М. Ларионой²⁵. Оба пособия предназначены для русскоговорящих студентов, хотя между ними существуют некоторые различия, т. к. в случае первого предложены переводы примеров, приведенные в пояснениях, что позволяет контрастировать языки. В ходе практической части занятия был сделан устный перевод двух текстов, отобранных и адаптированных из пособий Нуждина²⁶ и Казимьянец²⁷.

Окончательные результаты подтвердили нашу гипотезу, что произошло на снижении количества ошибок во втором контроле. Таким образом, процент среднего количества правильных ответов на второй контроль составил 80,32%, значительно превышая результаты первого контроля, в котором данная цифра достигла всего лишь 62,99%. Однако, как мы смогли выявить, некоторые формы использования (например, использование *pretérito imperfecto* вместо *condicional simple* в разговорной речи) продолжают выдавать систематические ошибки, демонстрируя тем самым, что студенты не в полной мере поняли и/или усвоили все правила использования. Это свидетельствует о необходимости продолжать настаивать на их пересмотре и изучении.

С другой стороны, ученики оценили в 4’9 общий вклад данной практики в понимание прошедших времен и в 4’5 эффективность самого контрастивного метода. Они единогласно указали, что повторили бы этот опыт. Учитывая тот факт, что они находятся на продвинутой стадии обучения, их предпочтения сводятся к объяснению на испанском языке, хотя они не исключают полезность подобных практик. Такие мнения, как ‘*Fue muy interesante descubrir como los demas entienden el español*’ или ‘*Me ha gustado hacer comparacion los tiempos verbales de español con los tiempos de la lengua nativa*’, указывают на то, что контраст языков не оставляет равнодушным никого при изучении ELE.

6. Выводы

После ознакомления с теоретическим корпусом и результатами проведенного урока подтверждается эффективность контрастивного метода, особенно в отношении взрослых учащихся. Этот метод, практически удаленный с горизонта преподавания языков, переживает восстановление

с немаловажными инновациями и новыми предложениями, хотя все еще существует необходимость в изучении его истинного потенциала. Родной язык студентов может служить не только для прогнозирования ошибок в Я2, но и быть использован в его изучении, в значительной степени зависящем от обстоятельств, обуславливающих сам процесс. Таким образом, в моноязычной среде это помогает, особенно на первых стадиях, повысить самооценку учащихся и заложить грамматические основы. В многоязычной среде это благоприятствует металингвистическому размышлению на основе существующих языков и способствует осмысленному обучению.

Перед всем этим учитель отвечает за разработку методики и практики. Одним из таких способов является письменный или устный перевод — продуктивный традиционный метод с многочисленными возможностями использования, защищаемый *MCER* и *PCIC*. Этот контрастный ресурс применим для осмысления грамматических правил, лексических терминов, идиоматических выражений и других элементов. Также он помогает учащимся выступать в качестве посредников в диалогах и дебатах, участниками которых являются носители различных языков и культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Vez Jeremías J. M.* Aportaciones de la lingüística contrastiva // *VADEMECUM* para la formación de profesores. Enseñar español como segunda lengua (L2)/lengua extranjera (LE) / ed. by J. Sánchez Lobato. Madrid: SGEL, 2004. 149 p.

² *Galindo Merino M. M.* La enseñanza de la gramática desde la L1 del estudiante de ELE // Enseñar gramática en el aula de español. Nuevas perspectivas y propuestas / ed. by Neus Sans. Barcelona: Difusión, 2018. 138–139 p.

³ *Guzmán Tirado R.* Sobre las particularidades de la enseñanza del español a estudiantes rusohablantes // *Revista de Humanidades*. 2018. № 35. 217–241 p.

⁴ *Molkova S.* El sistema verbal en la enseñanza del español como lengua extranjera a rusohablantes: doctoral thesis / Universidad de Coruña. La Coruña, 2017.

⁵ *Sánchez Cuadrado A.* Aprendizaje formal de ELE mediante actividades cooperativas de traducción pedagógica con atención a la forma: doctoral thesis / Universidad de Granada. Granada, 2015.

⁶ *Martín Martín J. M.* La adquisición de la lengua materna (L1) y el aprendizaje de una segunda lengua (L2)/lengua extranjera (LE): procesos cognitivos y factores condicionantes // *VADEMECUM* para la formación de profesores. Enseñar español como segunda lengua (L2)/lengua extranjera (LE) / ed. by J. Sánchez Lobato. Madrid: SGEL, 2004. 274 p.

⁷ *Santos Gargallo I.* El análisis de los errores en la interlengua del hablante no nativo // *VADEMECUM* para la formación de profesores. Enseñar español como segunda lengua (L2)/lengua extranjera (LE) / ed. by J. Sánchez Lobato. Madrid: SGEL, 2004. 393–394 p.

⁸ *Baralo Ottonello M.* La interlengua del hablante no nativo // *VADEMECUM* para la formación de profesores. Enseñar español como segunda lengua (L2)/lengua extranjera (LE) / ed. by J. Sánchez Lobato. Madrid: SGEL, 2004. 372 p.

⁹ *Vez Jeremías J. M.* Ibid. P. 157.

¹⁰ *Guzmán Tirado R.* Ibid. P. 240.

¹¹ *Galindo Merino M. M.* Ibid. P. 141.

¹² *Molkova S.* Ibid. P. 252.

¹³ *Tereshchuk A.* Los tiempos del pasado en las lenguas rusa y española: análisis comparativo del español hablado por los inmigrantes rusos en Cataluña // *Lengua y Habla*. 2017. № 21. 22 p.

¹⁴ *Sánchez Castro M.* La mediación en clase de ELE: una actividad potenciadora de la competencia plurilingüe e intercultural // *Actas de ASELE XXIII* / ed. by Blecua Girona, 2012. 79 p.

¹⁵ *Sánchez Cuadrado A.* Mediación interlingüística para el aula de ELE: usos de la traducción pedagógica // *MOOC PDP ele*. 2017. 1 p.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *Sánchez Cuadrado A.* Ibid. 2015. 16 p.

¹⁸ *Galindo Merino M. M.* Ibid. 144 p.

¹⁹ *García Parejo I.* La enseñanza del español a inmigrantes adultos // *VADEMECUM* para la formación de profesores. Enseñar español como segunda lengua (L2)/lengua extranjera (LE) / ed. by J. Sánchez Lobato. Madrid: SGEL, 2004. 1272 p.

²⁰ Instituto Cervantes. Marco Común Europeo de Referencia para las Lenguas: aprendizaje, enseñanza, evaluación. [https:// cvc.cervantes.es/ensenanza/ biblioteca_ele/marco/] Madrid, 2002. 85 p. URL: <http://www.nazvanie.ru/page5.html> (10.07.2019).

²¹ *Cook V.* Going beyond the native speaker in Language Teaching // *TESOL Quarterly*. 1999. № 33 — 2. 185–209 p.

²² *Sánchez Cuadrado A.* Ibid. 2017, 2–3 p.

²³ *Sánchez Castro M.* Ibid. 79 p.

²⁴ *Guzmán Tirado R.* Español para hablantes de ruso. Madrid: SGEL, 2009.

²⁵ *Ларионова М. В., Царева Н. И., Гонсалес-Фернандес А.* Испанский язык. Учебник для начинающих. Москва: Высшая школа, 2005.

²⁶ *Нуждин Г., Мартин Лора-Тамayo П., Марин Эстремера К.* España en vivo. Курс современного испанского языка для продолжающих. Москва: Айрис Пресс, 2009. С. 24.

²⁷ *Казимьянец Е.* Путешествие в Россию. Практический курс русского языка (Продвинутый этап). Вильнюс: Литовская военная академия имени генерала Йонаса Жямайтиса, 2016. С. 13.

Пиукевич-Яновская А. П.

University of Zaragoza, Spain

TRANSLATION IN THE TEACHING OF ELE: A PRACTICAL EXAMPLE WITH RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS OF THE EOI № 1 (ZARAGOZA)

This article reflects on the benefit of using the contrastive method, specifically by means of the pedagogical translation, in a monolingual or multilingual foreign language classroom. It explains what conditions are conducive to carrying out this teaching in the context of the globalised world. The topicality of this study concerns the recommendations of the *CEFR* and the *PCIC*, as well as the recent appearance of mediation skills in the Aragonese autonomous curriculum for language teaching. It also presents the results of the session on the past indicative times carried out with Russian-speaking students of the EOI nº1 of Zaragoza.

Keywords: Language teaching; ELE; past tenses of the Indicative Mood; Spanish for Russian speakers.

Кутькова Анастасия Владимировна

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова, Россия

a.kutkova@mail.ru

¿SABES LO QUE TE DIGO? VS ЗНАЕШЬ ЧТО?: ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОГО СТЕРЕОТИПА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И ПЕРЕВОДА

Речевые стереотипы могут быть определены как устойчивые, цельноформленные, регулярно воспроизводимые стандартные единицы, в плане содержания которых имеется отсылка к ситуации общения. Специфика значения интересующих нас единиц позволяет рассматривать их как отдельный класс. Единицы данного пласта языка частотны, разнообразны и неоднородны, кроме того, этот языковой пласт численно велик — в этом причина сложности его изучения, преподавания будущим переводчикам и применения на практике.

Ключевые слова: речевой стереотип; устная разговорная речь; дискурс.

Предлагаемая для обсуждения тема возникла не случайно. Она связана с многолетней практикой преподавания испанского языка, в частности — разговорного испанского, будущим переводчикам.

Дело в том, что в ходе подготовки переводчиков преподаватель нередко сталкивается со следующей ситуацией: студент правильно использует грамматические и лексические формы, однако с точки зрения носителя языка речь его не звучит естественно. Когда речь идет о студенте начального или среднего этапа обучения, подобный недочет, возможно, не столь важен и заметен, ведь на этих этапах усилия преподавателя сосредоточены в первую очередь на отработке и автоматизации правильных грамматических форм, а вот на продвинутом этапе искусственность речи будущих переводчиков воспринимается как ошибка и режет слух.

Причина подобной искусственности нередко заключается в том, что студент освоил лишь грамматические правила, а не те правила ситуативного речевого поведения, которые приняты в культуре изучаемого языка. Другими словами, оказываясь в контексте иной культуры, студент, не владеющий ситуативной грамматикой, попадает впросак, потому что не знает, какие средства языка в каких случаях использовать, как себя вести в комплексе.

Итак, мы подошли к ключевому вопросу предлагаемой статьи: что же это за языковые элементы, которые обязательно присутствуют в речи носителя и дают слушателю ощущение естественности звучащей речи?

Результаты исследования, которое мы провели на материале испанской и русской спонтанной диалогической речи, свидетельствуют о том, что в спонтанной речи носителей, как русского, так и испанского языка действительно можно выделить целый комплекс средств, которые обеспечивают ее естественность и уместность. Этот сложный комплекс состо-

ит в первую очередь из знания ситуаций и норм поведения. Но не только. Наряду с этим в устной разговорной речи можно выделить целый ряд средств, лексических, синтаксических и фонетических, которые необходимо изучать, а затем применять и отрабатывать в классе для приобретения навыков дискуссионного и спонтанного диалогического общения, а также перевода, со студентами среднего и особенно продвинутого этапа обучения. Мы убеждены, что необходимо обучать будущих переводчиков речевым приемам, позволяющим оформлять свои высказывания так, чтобы они звучали как можно ближе к живой спонтанной речи.

В задачу данной статьи не входит анализ интонационных и синтаксических особенностей построения высказывания в спонтанном диалоге. Мы предлагаем рассмотреть некоторые речевые элементы, служащие своего рода пружинами, продвигающими диалог.

Поясним нашу мысль при помощи следующих примеров:

(1)¹

A: ... Pero es **que**... era un día muy malo, estaba lloviendo y... **claro**, vinieron los árboles y fuimos y hicimos allí unos boches y los plantamos.

B: **Pues a ver**...

A: En un parque del Ayuntamiento, porque la Caja de Ahorros no tiene aquí así ningún sitio para plantar. Se lo dijimos al alcalde y nos dijo que los plantáramos en su parque. Los hemos puesto ahí. Yo creo que van a estar bien guardados porque están orilla en casa mi hija y cuando yo vaya en el verano por allí ya los echaré agua. Para que no se sequen.

B: **Bueno, es que eso**... en realidad es lo que se pide, ¿**ño**? Hace mucho tiempo que se celebraba la fiesta del árbol, ¿les han dado el folletito?

C: Sí.

A: Tenemos ahí los libros que ahora se les repartiremos después a los que no le tengan.

B: **Vale. Pues**... digo que cuando se... se inició la fiesta del árbol se hacía y yo creo que... que alguno de ustedes participó en ella, ¿**ño**?

(2)

A: **Интересно**, долго она копошиться будет?

B: **Да, между прочим**, звонок уже был

A: **Смотри-ка**, она даже не слышит

C: **Это вы что**, про меня говорите?

Приведенные примеры представляют собой фрагменты записи двух не связанных между собой спонтанных диалогов на испанском и русском языках. Жирным шрифтом в них выделены те элементы, о которых пойдет речь.

Интересующие нас лексические единицы в большинстве своем со структурной точки зрения могут быть описаны как законченные высказывания. Они широко распространены в устной речи, являются ее типичной характеристикой, поскольку говорящий не готовил свою речь заранее и в условиях спонтанной коммуникации оказывается перед необходимостью подбирать аргументы и формулировать мысль в одно

и то же время, что, естественно, заставляет его прибегать к всевозможным логическим и прагматическим операторам, которые делают уместным его высказывание в контексте и, тем самым, дают слушающему возможность адекватно интерпретировать высказывание (что является, как известно, обязательным условием для достижения говорящим своих целей).

Мы предлагаем объединить эти весьма разнородные элементы под термином *речевой стереотип*, который, по нашему мнению, наиболее точно отражает суть интересующего нас феномена².

Речевые стереотипы представляют собой идиомы самых различных структурных типов, в плане содержания которых содержится отсылка к ситуации общения. Вся совокупность элементов, отражающих коммуникативную ситуацию, абстрагируется в один образ, который обобщается, и символом этой ситуации становится стереотипная фраза. Именно это обобщение способствует экономичности и оперативности мышления и позволяет соотносить целый комплекс сформированных знаний с кодифицированной формой.

В русском языке это единицы, типа:

Знаете что?; Верно?; Как так?; Ну да; Вот именно; Идет?; Вот это да!; Правда, что ли? и многие другие.

В испанском, например такие:

¿sabes?; ¿entiendes?; ¿vale?; ¡Eso es!; ¡Ya lo creo!; ¡No me lo digas!; ¡Qué fuerte!; ¿Y eso?; Te dejo; De eso nada и многие другие.

Благодаря использованию речевых стереотипов достигается экономия усилий в управлении речевым общением и их изъятие не обеднит высказывание информационно.

Специфика значения интересующих нас единиц заставляет рассматривать их как отдельный класс.

При этом надо иметь в виду, что данный класс можно неоднородный, кроме того, многочисленный.

Благодаря частотности употребления в живом спонтанном диалоге, речевые стереотипы составляют активный лексический запас каждого носителя языка, и именно эти единицы, на наш взгляд, являются сигналами, способствующими развитию естественного диалога.

Живой спонтанный диалог изобилует речевыми стереотипами, которые выполняют самые различные задачи, вплоть до простого заполнения пауз, неминуемо возникающих в процессе диалогического обмена репликами, например, из-за возникшей необходимости выиграть время и подобрать нужное слово (например, *lo que pasa es que, bueno, pues* или *ну, просто, видишь ли*).

Цель практического преподавания речевых стереотипов на уроке иностранного языка мы видим в приобретении студентами навыка

формулирования фраз, звучащих уместно в живом спонтанном диалоге на иностранном языке, и в целом — устранении коммуникативной несостоятельности, которую испытывает любой учащийся. Задача преподавателя, как нам видится, состоит в том, чтобы дать будущим переводчикам образчик коммуникативного акта, сформулированный приемлемым образом в данной конкретной ситуации речевого взаимодействия.

Внутри класса речевых стереотипов можно выделить различные подклассы, в зависимости от фазы коммуникации, за которой они закреплены (вступление в коммуникацию — поддержание контакта — завершение коммуникации), и способа отсылки к ситуации общения.

Наиболее многочисленна группа речевых стереотипов, характерная для фазы поддержания контакта. Это не случайно. Дело в том, что, если фазы вступления в коммуникацию и ее завершения в большой степени конвенциональны, то для фазы поддержания контакта характерна более сложная и менее конвенциональная структура: она открыта для индивидуальной тематической и синтаксической организации, а значит, партнеры по общению в большей степени участвуют в произвольном развертывании речевого общения и достижении этапных целей, могут выступать как в роли говорящего, так и в роли слушающего.

Дальнейшее уточнение значений речевых стереотипов, на наш взгляд, возможно путем определения коммуникативных и речевых тактик, в рамках которых они функционируют.

Здесь важно иметь в виду, что формальное описание речевых стереотипов поддержания контакта не дает желаемого результата. Дело в том, что интересующие нас единицы, как мы уже выяснили, являются характерными единицами диалогического дискурса и в полной мере они реализуют свое значение только в процессе коммуникации, поскольку взаимосвязаны с соседней репликой, предшествующей и последующей, со всей ситуацией общения в целом, вот почему в отрыве от своего окружения они практически полностью теряют самостоятельность и смысловую законченность.

Тот факт, что речевые стереотипы не несут фактической информации, их использование не добавляет ничего существенного в информативную составляющую высказывания, существенно затрудняет изучение, систематизацию и кодификацию данных единиц.

К этому следует добавить ограничения, обусловленные невозможностью точного перевода данных единиц, ни с русского на испанский, ни с испанского на русский.

Рассмотрим следующий фрагмент диалога, в котором говорящий прибегает, в частности, к речевому стереотипу *¿sabes?*:

(3)³

A: Hola, que creía que estabas en BBC.

B: <ininteligible>.

A: ¿Cómo?
 B: ¡Que he vuelto ya, digo!
 A: ¡Ah!. Pero esta semana ¿vas a continuar allí?
 B: Sí, bueno, no tanto como yo pensaba, ¿sabes?
 A: <fático=afirmación>.
 B: Pero voy a tener que ir.
 A: Vale...
 A: Y... es que los otros me corren menos prisa, ¿sabes?
 B: Ya

А вот один из вариантов перевода приведенного выше фрагмента на русский язык:

A: Привет, а я думал, ты на ВВС.
 B: <неразборчиво>.
 A: Что?
 B: Уже вернулся, говорю.
 A: Да? А на этой неделе ты там опять будешь?
 B: Ну, да, правда, не так долго, как я думал. [ø]
 A: <Угу>
 B: Но все равно надо будет ехать.
 A: Понятно. ...
 B: Ну, просто другие мне не так уж и нужны [ø]
 A: Ясно.

Как видно из примера, в некоторых случаях контекст позволяет подобрать эквивалент, пусть даже не полный и не точный (*vale, ya — понятно, ясно*), вместе с тем адекватный перевод на русский язык единиц типа *¿sabes?* едва ли возможен.

С другой стороны, ситуация понимания, интерпретации и употребления речевых стереотипов усложняется существованием так называемых «ложных друзей». Достаточно сравнить, например, использование в испанском *¿Sabes lo que te digo?* (Mírate. Dios mío, que yo con esta planta no voy a ninguna fiesta. Pues **sabes lo que te digo**, que ese es tú problema⁴) с речевым стереотипом *Знаешь что?*, реализующем в русском языке оттенок внезапности в данный момент пришедшего на ум сообщения:

(4) **А знаешь что?** Мужик тут на радио рассказывал, как он пытался позвонить в МТС, узнать информацию. В течение получаса слушал автоответчик; совета:

(5) **Знаешь что?** Иди к нему сам и попроси подождать. Вдруг согласится; предложения:

(6) **Знаешь что?** Давай мы здесь подождем, а ты нас потом позовешь, лады?; просьбы:

(7) А: Что вам? — В: Кофе, пирожное и — **знаете что?** — коньяку.

Все перечисленные факторы существенно осложняют не только систематизацию и кодификацию, но и практическое преподавание речевых

стереотипов, поскольку при описании, равно как и при лексикографировании данных единиц самым существенной оказывается информация не о структуре, не о лексическом наполнении каждой единицы, а о правилах и предписаниях ее употребления в той или иной ситуации.

В отношении понимания и корректного употребления речевых стереотипов знания и исследователя, и носителя языка оказывают неоценимый вклад, так как иностранцу без соответствующего обращения к словарям невозможно их вычислить. Действительно, какие критерии могут подсказать, что, используя высказывание *Ну, это положим!*, говорящий на русском языке выражает несогласие со сказанным, а испанец при помощи *¡Hombre!* — крайнюю степень удивления?

Очевидно, что без кодифицированной словарем информации догадаться не носителю языка о функциональных значениях подобных оборотов практически невозможно, несмотря на вполне ясную синтаксическую структуру и простое лексическое наполнение.

И в заключении остановимся кратко на вопросе подбора материалов для практических занятий. Преподаватель может предложить студентам запись бесед носителей языка, однако практика показывает, что более эффективны занятия с использованием записей, сделанных самими студентами.

При этом, если запись сделана с ведома информантов, необходимо иметь в виду частичную потерю спонтанности в их манере общения.

Другие упражнения по работе с речевыми стереотипами были описаны нами в статье *Las fórmulas fáticas en la enseñanza de la lengua española a extranjeros: de la teoría a la práctica*⁵.

При составлении классификации более частотных по употреблению единиц и менее частотных, важно, на наш взгляд, обратить особое внимание на тот факт, что сама частотность употребления тех или иных языковых средств относительна. Иными словами, для одних носителей языка употребление каких-то определенных языковых средств естественно, обычно, тогда как для других — исключительно и вообще не свойственно. С этой точки зрения восприятие той или иной единицы как обычной, частотной, простой, видимо, должно определяться тем, насколько сам говорящий на языке свободен в ее употреблении (даже если речь идет о родном языке).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Real Academia Española: Banco de datos (CORPES XXI) [en línea]. Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES). URL: <http://www.rae.es> (дата обращения: 11.05.19)

² Кутякова А. В. Проблема речевого стереотипа: функциональный аспект // Древняя и новая Романия. СПбГУ, 2015. Т. 15. № 1. С. 141–151.

³ Real Academia Española...

⁴ Ibid.

⁵ Кутькова А. В. Las fórmulas fáticas en la enseñanza de la lengua española a extranjeros: de la teoría a la práctica // Ибероамериканские тетради (Cuadernos iberoamericanos). М., 2018. Vol. 6, no. 3 (21). P. 50–55.

Kutkova A. V.

Lomonosov Moscow State University, Russia

¿SABES LO QUE TE DIGO? VS ЗНАЕШЬ ЧТО?: SPEECH STEREOTYPES IN THE TRANSLATION CLASS

Speech stereotypes can be defined as idioms of different structural types, the content of which reference a communication situation. These economic communicative forms are widespread in colloquial oral speech and are typical of spontaneous «live» dialogue. They are acknowledged by the majority of scientists, however the point is that there is no agreement among researchers concerning the term for such types of patterns. There is still no uniform approach to developing definitional criteria due to the fact that this language layer is diversified, non-uniform and quantitatively vast. We'll take a look at these tokens and their functions in speech, explore why segregating them into a separate class of words is justified.

Keywords: speech stereotype; colloquial oral speech; discourse.

Куцубина Елизавета Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, Россия

geshtinanna7@gmail.com

ТЫ ИЛИ ВЫ? ГРАММАТИЧЕСКИЙ ИЛИ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИСПАНСКО-РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ?

Вся история человечества, с того момента, как люди осознали, что не все говорят на одном языке, сопровождается переводом. Война, торговля, дипломатия, распространение религий и знаний между разноязычными культурами возможны только благодаря работе переводчика. В современном мире переводческая деятельность неотделима от других областей знания. Однако она предполагает не только высокий уровень знания собственно языка. Очень важно изучить социальные нормы, традиции, привычки носителей.

Ключевые слова: перевод; испанский язык; духовная культура; социальные нормы; формальная вежливость.

Вся история человечества, с того момента, как люди осознали, что не все говорят на одном языке, сопровождается переводом. Война, торговля, дипломатия, распространение религий и знаний между разноязычными культурами возможны только благодаря работе переводчика. Недаром одним из определений перевода является следующее: «Перевод — это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами...»¹

С древнейших времен работа переводчика была неотъемлемой частью внешней деятельности государства и способствовала или наоборот мешала (в зависимости от целей и качества перевода) успешному ведению дел с иноязычными партнерами. Древнейшие в мире словари датируются III тысячелетием до н.э. и дошли до нас из региона Месопотамии (территория современного Ирака)². В качестве примера работы переводчиков принято приводить город-государство Карфаген (финикийское государство, основанное в IX в. до н. э. на территории современного Туниса), в котором переводчики были отдельной уважаемой кастой. Выгодное географическое положение, успешная торговля и тот факт, что Карфаген принимал беженцев из самых разных областей, привело к тому, что он стал многоязычным городом, в котором было не обойтись без языковых посредников. Однако такие города существовали задолго до Карфагена. Например, Вавилон, благодаря многоязычию населения ставший основой для библейской легенды о вавилонском столпотворении. А до него Эбла — город-государство, существовавший во второй половине III тыс. до н. э. на большей части территории современной Сирии³. Эбла имела обширные торговые и политические связи с Шумером, Эла-

мом, Египтом. И поэтому в царском архиве Эблы XXIV в. до н.э. помимо хозяйственных и дипломатических документов, были найдены списки слов — словари на нескольких основных языках того периода. Географическое расположение Эблы способствовало тому, что она стала не только торговым, но культурным центром региона. Культура Месопотамии, смешанный характер языка (грамматика аккадского языка и лексика западно-семитских языков), шумерская письменность распространились отсюда далеко за пределы Междуречья. Вероятно, это первый документально подтвержденный случай распространения более развитой культуры за пределы своего региона посредством перевода. Впоследствии это произойдет ещё не раз — переводы Библии, например, будут способствовать распространению христианской цивилизации.

Переводческая деятельность помимо прочего также способствует развитию национальных языков. Переводчики вынуждены находить адекватные эквиваленты в родном языке или адаптировать иностранные слова. В эпоху Петра I этот процесс начался в русском языке, в испанском языке это произошло в эпоху переводческого бума с итальянского языка в эпоху Возрождения⁴.

В современном мире переводческая деятельность неотделима от других областей знания. Изучение иностранных языков входит в перечень необходимых дисциплин еще в школе. Любой человек, имеющий хоть в малейшей степени дело с иноязычными ресурсами, владеет, как правило, базовым знанием английского языка. В последние годы в России также набирают популярность китайский и испанский языки. Практически каждый способен овладеть навыками чтения или разговора на бытовом уровне. Однако переводческая деятельность предполагает не только высокий уровень знания собственно языка. Если речь идет о специальном переводе (юридическом, экономическом, медицинском) переводчик должен владеть некими базовыми знаниями в этих областях, по мере возможности, терминологией и осознавать уместность ее употребления в том или ином контексте.

Кроме того, невозможно себе представить адекватный перевод без владения основными познаниями в духовной культуре носителей языка. Если переводчик не знает, что такое печь и кто такой Емеля в русском фольклоре, он не сможет, услышав впервые выражение «лежать на печи» или «по щучьему велению» перевести его адекватно. Если переводчик не знает кто такой Дон Кихот или Сид, или почему именно 12 октября является национальным праздником «*día de hispanidad*», он не сможет выбрать соответствующий перевод и вполне может допустить смысловую ошибку.

Разница в менталитете, в манере общения с разными социальными и возрастными группами также может привести к значительной переводческой ошибке. И в этом случае важно изучить социальные нормы, тра-

диции, привычки носителей. Чаще всего приводится пример с уличной обувью, которую в России принято снимать при входе в дом, а во многих европейских странах нет.

Если же мы говорим о паре испанский-русский, то в первую очередь мы должны говорить со студентами о норме обращения к людям «ты» и «Вы». В Испании и некоторых странах Иberoамерики даже при обращении к незнакомым людям принято использовать местоимение «*tú*» и соответствующие глагольные формы. Это социальное явление определяется термином «*tuteo*». Вежливое обращение «*Usted*» в Испании, как правило, используют только к незнакомым пожилым людям, преподавателям (в последнее время гораздо реже), людям, находящимся выше по должности. Если еще полвека назад в Испании даже к родственникам иногда обращались на «Вы», то сейчас испанцы стараются в повседневном общении быть как можно менее формальными.

В России дело обстоит совершенно по-другому. Неформальное общение на «ты» возможно только с друзьями, членами семьи, детьми. Также иногда в университетах пожилые профессора к студентам или начальство на предприятиях к подчиненным могут обращаться на ты, что носит не фамильярный, а снисходительно-покровительственный характер. Любому же незнакомому человеку в России принято говорить «Вы», если вы не намереваетесь этого человека оскорбить.

В Испании в магазине продавец говорит покупателю «ты» и покупатель отвечает так же. Никто не удивится, если продавщица обратится к покупателю «*cariñ@, guap@*» — «дорогой, красавица» и пр. В России в этих же обстоятельства решат, что вы хам и ответят соответствующим обслуживанием и обращением.

При обучении студентов, особенно на начальном уровне, обнаруживается, что формальное обращение настолько прочно укоренилось в их сознании, что они невольно адаптируют испанские фразы под русскую норму. При переводе отдельных предложений, например, «*¿A dónde vas, Mónica?*» или в рамках диалога среднестатистический студент использует местоимение «Вы» — «Куда Вы идете, Моника?». При этом отлично зная, что глагол находится в форме «ты». Сам факт обращения к незнакомому человеку предполагает шаблон формальной вежливости.

В этом заключается некий парадокс обучения русскоязычных студентов испанскому языку. На начальном этапе приходится бороться с нормами социального поведения в угоду грамматике. Студент должен различать глагольные формы «ты» и «Вы», переводить их грамматически правильно. Это особенно важно, учитывая, что трем испанским местоимениям «*Usted*», «*Ustedes*» и «*vosotros*» соответствует только одно местоимение в русском языке — «Вы».

На более продвинутом этапе изучения испанского языка, когда мы обучаем студентов уже непосредственно переводу (письменному

или устному), приходится напоминать им об этих ошибках начального уровня и говорить, что, по сути, они были правы. И теперь необходимо обговаривать с ними ситуации, при которых точный грамматический перевод будет неприемлем. А переводчику, скорее всего, нужно будет пожертвовать грамматикой в пользу социальной нормы.

Сами про себя испанцы часто говорят, что они «*poco formales*», русскоговорящие наоборот довольно строго соблюдают формальную вежливость. Поэтому при обучении русско-испанскому или испанско-русскому переводу нужно обращать внимание не только на сам язык, культуру и углублять фоновые знания, но и уделить значительное время изучению повседневных, зачастую очень мелких, нюансов поведения, чтобы ситуация была адекватной для обеих сторон.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гарбовский Н. К. Теория перевода. Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 214.

² Афанасьева В. К. Литература Древнего Двуречья // История всемирной литературы. М.: Наука, 1983. Т. 1. Гл. 2. С. 82-117; Куцубина Е. В. «Письмо к богу» (проблема возникновения) // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Вып. 7. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 91–93.

³ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / под. ред. И. М. Дьяконова. М.: Наука, 1983. С. 534

⁴ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966. С. 316–317.

Kutsubina E. V.

Saint Petersburg State University of Economics, Russia

FORMAL OR INFORMAL? GRAMMATICAL OR PRAGMATICAL ASPECT IN THE LESSON OF SPANISH- RUSSIAN TRANSLATION?

“Translation is a social function of the communicative intermediation based on different language systems.” The whole history of humanity, since human beings realized that there are different languages, is related to the translation. Wars, commercial activity, international relations, religious expansion between societies is possible only with intermediation of translator. To complete a translation properly translator has to have not only the high level of translating language but it’s also very important be aware of social norms, traditions, habits of native speakers.

Keywords: translation; Spanish language; spiritual culture; social norms; formal courtesy.

Ломакина Ольга Валентиновна

Российский университет дружбы народов, Россия

rusoturisto07@mail.ru, nat.nelubova@mail.ru

РОЛЬ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ В ПЕРЕВОДЕ КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ: К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ СМИРЕНИЕ И СМИРЕННОМУДРИЕ)

Статья посвящена изучению роли толковых словарей при переводе культурно маркированных единиц. На примере лексем *смирение* и *смирennemудрие*, важных для понимания языка А. П. Чехова, авторы показывают различия при использовании толковых словарей, относящихся к разным эпохам — «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля и «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

Ключевые слова: слово; перевод; словарь; лингвокультурная информация.

Интерес лингвистов, культурологов, этнологов, переводчиков к лексикографическим изданиям возрастает с каждым годом, что объясняется огромным информативным потенциалом словаря. Лексикография накопила большой и необычайно полезный опыт в представлении языковых единиц различных уровней языка. Слово, фразеологизм и поговорка могут обладать национально-культурной спецификой, что находит отражение в практике создания словарей. Лексикографические источники служат сохранению и передаче культурной информации от поколения к поколению. Словари, в особенности толковые, выполняют когнитивную функцию, являясь средством познания мира. Благодаря словарям можно получить объективное представление об организации лексикофразеологической системы того или иного языка. Согласимся с мнением Ю. Д. Апресяна, что отличительной чертой современной лексикографии является синтез филологии и культуры в широком смысле слова¹.

Синтез знаний, полученных при изучении словарей, ставших уже классическими, и информации, извлечённой из новых лексикографических проектов, может обеспечить наиболее адекватный перевод лексических единиц, обладающих культурной коннотацией. Социально-политические события, происходящие в российском обществе в XX–XXI вв., повлияли как на состав лексики в целом, так и на значение конкретных слов; произошло расширение / сужение значения — всё это позволяет говорить о развитии русского языка. На наш взгляд, рассмотрение словарей разных типов в диаде *язык и культура* является актуальным и поможет наиболее полно представить лингвокультурную информацию.

«Толковые словари являются одним из источников изучения языковой картины мира, поскольку отражают важнейшие концепты, характер-

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5–100»

ризующие данный язык, и формируют картину мира своего адресата»². Максимально полная семантизация, включающая «в адаптированном виде практически всю культурно значимую часть содержания»³, помогает в процессе восприятия и понимания слова. Толковые словари содержат слова с объяснением их значений, грамматической и стилистической характеристикой, дают сведения о нормативном написании, орфоэпических и акцентологических особенностях, называют фразеологизмы, в которые входит данное слово. Кроме перечисленного, словарная статья может включать исторический, этимологический, культурологический комментарий. Все это позволяет сказать, что «в толковых словарях представлено максимальное число лексикографических параметров», они «выполняют функции других аспектных лексикографических изданий»⁴.

В отечественной лексикографической традиции особое место занимает «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (ТСД), поскольку в нём создается концептуальное представление слова. Р. И. Веселова указывает на то, что выбранная Далем методика лексикографического описания позволила современному читателю узнать особенности языкового и духовного сознания русского народа XIX в.⁵ После появления этого словаря в научный оборот вошёл термин *толковый словарь языка* — «универсальный одноязычный словарь, который описывает словарный состав своего времени, сообщая разнообразные сведения о слове»⁶. ТСД (1863–1866) является толковым словарем, включающим грамматическую характеристику единиц и энциклопедические сведения, показывающим словопроизводственные отношения, ориентирован на устную форму существования языка, содержит иллюстративный материал — все это позволяет сказать, что словарь «отражает исторические, социальные и культурные факты жизни народа»⁷.

ТСД представляет собой первый в русской лексикографии словарь, обладающий гипертекстуальностью, которая, по наблюдениям А. А. Хуснутдинова, создается «отсылочными словарными статьями или непосредственными ссылками», «содержанием словарных статей, дозировкой и распределением информации в них»⁸. В отечественной лексикографии до настоящего времени нет словаря, превосходящего по объему представленного материала ТСД. Этот словарь включает более 200 тыс. слов, 80 тыс. из которых в лексикографической практике встречались впервые.

Понимание лексем, обладающих национальной маркированностью и названных «ключевыми словами русского языка» (А. Д. Шмелёв), требует точного толкования. Обратимся к семантизации лексемы *смирение* — «православного русского идеала», согласно А. Вежбицкой, и *смиреномудрие*.

В. И. Даль определяет *смирение* как «сознание слабостей своих и недостатков, чувство сокрушенья, униженья, раскаянья, скромность в раз-

ных степенях». *Смиреномудрие* показано как религиозная лексема: «стяжите... <...>, соединяя мудрость со *смирением*, поборов всякое кичение духа»⁹.

Обращение к ТСД как ведущему лексикографическому источнику XIX в. показывает, что *смирение* является одной из ценностных доминант православного общества, при этом *смиреномудрие* русские понимают как следующий этап духовной жизни, связанный с обретением мудрости.

Разумеется, современное восприятие и толкование слова *смирение* претерпело значительные изменения в силу идеологием времени — революционно-демократических, социалистических изменений 2-й пол. XIX–XX в., порой обретая отрицательную коннотацию по отношению к аксиологически маркированным ее вариантам. Поскольку мы считаем толковый словарь основным типом лексикографии, в котором находит отражение лексический ресурс языка определённого периода, то в качестве образца такого рода ограничения можно привести «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где *смирение* трактуется как «отсутствие гордости, готовность подчиняться чужой воле, показное»¹⁰. Как мы видим, с течением времени под влиянием социально-политических событий произошло изменение значения слова, а религиозная составляющая нивелировалась: несмотря на представление семантики лексемы *смирение* через антоним *гордость*, как и в дореволюционное время, Бог стал частью дихотомии «своё — чужое» и стал своего рода эвфемизмом («чужая воля»).

При переводе культурно маркированной лексики, как и фразеологических единиц и паремий, важно учитывать лингвокультурный фактор, который «играет ключевую роль при адаптации явлений текстов художественной литературы»¹¹. Так, обозначенные выше лексемы являются номинацией одноимённых концептов, составляющих концептосферу А. П. Чехов¹².

Выбранные в качестве материала исследования словари знакомят с традициями отечественной культуры в разные периоды истории и являются одним из источников изучения языковой картины мира, формируя индивидуальную картину мира адресата. Таким образом, словарь фиксирует не просто слово, а запечатлевает языковую реальность, помогает представить национальную картину мира. Кроме того, по мысли А. М. Бабкина, «словарь языка той или иной эпохи и язык, каким он говорит со своими современниками, связаны гораздо теснее, чем это может показаться на первый взгляд»¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1993. С. 6.

**НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ
МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС
ДЛЯ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ
«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В МИРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ» (НА ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)**

В работе рассматриваются цели и содержание проекта «Русская литература в мировом образовательном процессе. Инновационные методы преподавания русской литературы как иностранной» (на испанском и на русском языках), который реализуется в Гранадском университете при финансовой поддержке Фонда «Русский мир» и направлен на повышение мотивации испаноязычных студентов к изучению и переводу русской литературы, развитие познавательной активности, проектной деятельности и творческих способностей учащихся.

Ключевые слова: русская литература; фонд «Русский мир»; инновационные методы; интернет-ресурс; интерактивные модули; испаноязычные студенты.

Одним из способов повышения мотивации испаноязычных студентов к изучению и переводу русской литературы является использование методов, которые формировали бы активную и самостоятельную позицию студентов в учении и были направлены на развитие познавательной активности, проектной деятельности и творческих способностей. Для того чтобы занятие по литературе было интересным, обучение должно содержать элементы исследовательского поиска. Создание мотивационной среды, развитие познавательной активности через исследовательскую деятельность студентов осуществляется как на уроке, так и вне урока, и предполагает работу по использованию информационных технологий. Процесс изучения русской литературы только тогда станет для студентов привлекательным, когда они сами будут учиться проектировать, исследовать, открывать.

Необходимо отметить, что интерес к русской литературе как в Испании, так и во всем мире предопределен всем ходом духовного и эстетического развития русской цивилизации. Русская литература заслуживает особого внимания со стороны иностранных литературоведов, переводчиков и студентов не только потому, что она интересна и разнообразна, но и потому, что это хороший стимул для изучения русского языка. Русская литература дает ключ к пониманию старых и современных реалий русской жизни и помогает понять сложность нашего противоречивого современного мира.

*Работа выполнена при финансовой поддержке фонда «Русский мир»,
проект № 1939Гр/1-335-18*

² Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю. Отражение картины мира в словаре: иллюстративный материал в структуре словарной статьи // II Congreso Internacional «La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Granada, 8–10 de septiembre de 2010. Tomo II. Granada, 2010. С. 2131.

³ Постовалова В. И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в «антропологическом» представлении // Язык. Ментальность. Культура. Материалы Междунар. науч. конф. «Живодействующая. связь языка и культуры», посв. юбилею д. ф. н. проф. В. Н. Телин. Т. 1. М.; Тула, 2010. С. 16.

⁴ Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография. М.: Дрофа, 2004. С. 42.

⁵ Веселова Р. И. Словарная статья как способ концептуального представления слова // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): Матер. Междунар. симпозиума. 21–22 мая 2004 г. / отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. С. 130.

⁶ Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / под ред. проф. Д. М. Пощенни. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 94.

⁷ Там же.

⁸ Хуснутдинов А. А. Словари М. И. Михельсона и В. И. Даля в истории русской фразеологии // Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы Международной научной конференции (Кострома, КГУ, март 2004 г.). М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. С. 131.

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М. ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. Т. 4. С. 288.

¹⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995. С. 725.

¹¹ Нелюбова Н. Ю., Фомина П. С. Использование приема адаптации при переводе художественных произведений, относящихся к различным типам культур (западной и русской) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 219.

¹² Об этом подробнее см.: Уразаева К. Б., Ломакина О. В., Моклецова И. В. Способы формирования концептуальной стратегии героя А. П. Чехова (на материале рассказов) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 156–168.

¹³ Бабкин А. М. Словарь языка и язык словаря // Современная русская лексикография. Л.: Наука, 1975. С. 3.

Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu.

Peoples' Friendship University of Russia, Russia

EXPLANATORY DICTIONARY IN THE TRANSLATION OF CULTURALLY MARKED UNITS: TO THE PROBLEM OF CHOOSING A LEXICOGRAPHIC SOURCE (ON THE EXAMPLE OF THE LEXEMES HUMILITY AND HUMBLENESS)

The article is devoted to the study of the role of the explanatory dictionaries in the translation of culturally marked units. On the example of lexemes humility and humbleness, which are important for understanding the language of A. P. Chekhov, the authors show the differences when using explanatory dictionaries belonging to different eras — “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V. I. Dahl and the «Explanatory Dictionary of the Russian Language» by S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova.

Keywords: word; translation; dictionary; linguocultural information.

Если же говорить о современной русской литературе, то иностранному читателю открываются не только новые имена, но и другой взгляд на мир, так как пришло новое поколение писателей, которое творит в условиях полной творческой свободы. Современная русская литература своими экспериментами и художественными открытиями намечает перспективу развития литературы XXI века, так как несмотря на стилевые и жанровые инновации в центре современных книг оказываются проблемы нравственные и философские.

Говоря о преподавании истории русской литературы в Испании, необходимо отметить, что курс по истории русской литературы читается на факультетах гуманитарных наук и на факультетах переводчиков как для студентов, изучающих русский язык как иностранный, так и для студентов других специальностей, и собирает многочисленную аудиторию. Курс по истории русской литературы в испанских университетах в настоящее время читается на испанском языке в связи с трансформацией специальности «славянская филология» в специальность «современные языки и литературы» в рамках Болонского процесса. В большинстве испанских университетов специальные курсы по русской литературе на испанском языке читаются также в Центре непрерывного образования для взрослых. Главной проблемой является то, что в настоящее время ни в Испании, ни в странах Латинской Америки не существует ни одного учебника и ни одного мультимедийного ресурса по русской литературе. Единственный учебник по русской литературе на испанском языке был написан в первой половине XX века (A. Portnov. *Historia de la literatura rusa*. Madrid. 1936), и в настоящее время недоступен для студентов, так как находится в книгохранилище Мадридского университета Комплутенсе. В такой ситуации студенты, магистранты и аспиранты при изучении русской литературы и при написании курсовых, магистерских и кандидатских исследований обращаются в основном к англоязычным и франкоязычным источникам, которые фигурируют в списке основной литературы практически во всех программах испанских университетов (1992) *The Cambridge History of Russian literature*, Cambridge University Press, (Moser, C. A., editor), *Reference Guide to the Russian Literature*, Fitzroy Dearborn, London [etc.], cop. 1998, (2003) Waegemans E. (2003) *Histoire de la littérature russe de 1700 à nos jours*. Amphi 7. Langues, Presses universitaires du Mirail, Toulouse. В данных учебных пособиях, на наш взгляд, история русской литературы представлена недостаточно полно и объективно: преобладают психоаналитические трактовки творчества русских писателей, история русской литературы интерпретируется схематически, не отражена конфетосфера русской литературы и культуры, не представлены литература русского зарубежья и новейшая русская литература. В некоторых учебниках по славянским литературам не только не раскрывается, но и игнорируется мировое значение русской

литературы, так в учебнике «История славянских литератур», изданном в Мадридском университете Комплутенсе под редакцией Фернандо Преса (*Historia de las literaturas eslavas*. Ediciones Cátedra, S. A. Madrid. 1997) из 1400 страниц, только 280 страниц отведено русской литературе, тогда как история польской литературы занимает 80% всего учебного пособия.

В данном контексте идея создания национально ориентированного мультимедийного образовательного ресурса для испаноязычных студентов по русской литературе и культуре представляется актуальной и востребованной. В настоящее время научно-исследовательская группа Кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета HUM827 «Славистика, кавказология, типология языков и литератур», руководителем которой является Рафаэль Гусман Тирадо, разработала проект «Создание мультимедийного образовательного ресурса для испаноязычных студентов «Русская литература в мировом образовательном процессе. Инновационные методы преподавания русской литературы как иностранной» (на испанском и на русском языках)». Данный проект получил финансовую поддержку Фонда «Русский мир». Руководитель данного проекта — профессор Гранадского университета, доктор филологических наук Лариса Васильевна Соколова.

Практическая значимость проекта заключается в том, что мультимедийный образовательный ресурс призван восполнить лакуны в преподавании русской литературы как иностранной в Испании и в странах Латинской Америки (испаноязычный мир насчитывает почти 500 миллионов человек), включает не только теоретические, но и практические интерактивные модули, адресованные самой широкой аудитории. Разработка и внедрение данного национально ориентированного мультимедийного ресурса рассматривается как фактор модернизации методов преподавания русской литературы как иностранной и в целом эффективной популяризации русской культуры в испаноязычной аудитории.

Целевой аудиторией проекта являются испаноязычные студенты Испании и стран Латинской Америки, изучающие русский язык как первый /второй/третий иностранный по программам «Современные языки и литературы» и «Устный и письменный перевод», а также студенты других специальностей, изучающие русскую литературу и культуру, магистранты и аспиранты Отделений славянской филологии, а также все, интересующиеся русской литературой.

Данный мультимедийный ресурс включает 12 интерактивных модулей, каждый модуль структурирован в соответствии с тематическими и методическими блоками.

В мультимедийный ресурс включен национально ориентированный учебник по русской литературе для испаноязычных студентов. Новизна данного учебника заключается в том, что русская литература рассматрива-

ется в компаративном ракурсе и в аспекте активного взаимодействия с испанской культурой. Идея создания данного учебника опирается, прежде всего, на практический опыт преподавания русской литературы как иностранной в испаноязычной аудитории, который показывает, что концептосфера русской литературы лучше усваивается студентами-инофонами, когда применяются новые подходы к изучению классических сюжетов.

Структура мультимедийного образовательного ресурса.

Модуль 1 (теоретический). История русской литературы. Национально ориентированный учебник по русской литературе для испаноязычных студентов (на испанском языке).

Модуль 2 (теоретический). Рецензия русской литературы в испаноязычном мире (на испанском языке).

Модуль 3 (теоретический). Русский мир в контексте мировой цивилизации (на испанском языке).

Модуль 4 (практический). Концептосфера русской литературы (на испанском языке).

Модуль 5 (практический). Архетипы русской литературы: методический блок для студентов-иностранцев (на испанском языке).

Модуль 6 (практический). Читаем произведения русских писателей. Хрестоматия по русской литературе с филологическими комментариями и интерактивными заданиями для испаноязычных студентов (на русском и испанском языках).

Модуль 7 (практический). Испанские мотивы в русской литературе: Читаем стихи и прозу с испанскими мотивами (на русском и на испанском языках).

Модуль 8 (практический). Видеотека. Смотрим и обсуждаем российские и зарубежные экранизации русской классики.

Модуль 9 (практический). Аудиотека. Стихи и проза русских классиков в исполнении российских артистов.

Модуль 10 (практический). Интерактивные литературные викторины и конкурсы для испаноязычных студентов. Методический блок для преподавателя русской литературы как иностранной (на испанском языке).

Модуль 11 (практический). Использование мультимедийной презентации на уроках русской литературы как иностранной. Методический блок для преподавателя (на испанском языке).

Модуль 12. Рекомендуемый список русской литературы для чтения.

Предполагается разместить данный мультимедийный ресурс на уже действующем сайте <http://elrusoenespana.com/>, на котором представлены результаты предыдущих научно-образовательных проектов, реализованных научно-исследовательской группой Кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета HUM827 «Славистика, кавказология, типология языков и литератур» при поддержке грантов фонда «Русский мир», Европейского Союза и Гранадского университета, чтобы данный ресурс был доступен самой широкой испаноязычной аудитории.

В рамках реализации данного проекта будет апробирована инновационная методическая стратегия обучения русской литературе как иностранной, предполагающей приобщение обучаемых к иноязычной картине мира и обучение русской литературе в компаративном ракурсе.

Итак, мультимедийный образовательный ресурс, который призван восполнить существующие лакуны в преподавании русской литературы как иностранной в Испании и в странах Латинской Америки, включает не только теоретические, но и практические интерактивные модули, адресован самой широкой аудитории. Разработка и внедрение данного национально ориентированного мультимедийного ресурса рассматривается как фактор модернизации методов преподавания русской литературы как иностранной и в целом эффективной популяризации русской культуры в испаноязычном мире.

Sokolova L. V.

University of Granada, Spain

NATIONAL-ORIENTED MULTIMEDIA EDUCATIONAL RESOURCE FOR SPANISH-SPEAKING STUDENTS “RUSSIAN LITERATURE IN THE WORLD EDUCATIONAL PROCESS” (IN SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

The paper is dedicated to the goals and content of the project «Russian literature in the world educational process. Innovative methods of teaching Russian literature as foreign» (in Spanish and Russian languages), with is carried out at Granada University with the financial support of the Foundation «Russki mir» and is aimed to increase the motivation of Spanish-speaking students to study and translate Russian literature, and develop their cognitive activity and creative abilities.

Keywords: Russian literature; Foundation «Russkiy mir»; innovative methods; Internet resource; interactive modules; Spanish-speaking students.

Сьерра Мерида Ирене

Русско-испанский переводчик, Испания

ism.irene@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛОКАЛИЗАЦИИ: МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ РУССКО-ИСПАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПАР

Сравнив навыки, используемые при переводе и локализации, можно заключить, что преимущества, предлагаемые локализацией и, в частности, локализацией веб-сайтов, могут улучшить форму преподавания перевода. Чтобы проиллюстрировать данную теорию, в статье присутствует небольшой пример дидактического принципа обучения, основанного на веб-локализации, в котором детально рассматриваются качества и аспекты, выделяющиеся при веб-локализации с русского на испанский.

Ключевые слова: дидактика; перевод; локализация; русский; испанский.

MEJORA DE LA ENSEÑANZA DE LA TRADUCCIÓN A TRAVÉS DE LA LOCALIZACIÓN: UNA PROPUESTA DIDÁCTICA CON LA COMBINACIÓN LINGÜÍSTICA RUSO-ESPAÑOL

Este artículo parte de la hipótesis de que la inclusión de la localización (en particular de webs) en la formación de traductores puede mejorar la enseñanza de la traducción; supuesto que confirmamos en Sierra Mérida¹ tras comparar las competencias de traducción y de localización (según los modelos propuestos por el grupo PACTE² y Jiménez Crespo³, respectivamente). Observamos que la localización no solo cubre todas las subcompetencias de traducción, sino que además refuerza mucha de ellas (en particular, los aspectos instrumentales, de gestión y textuales), por lo que llegamos a la conclusión de que la localización puede resultar ventajosa para la enseñanza de la traducción.

A pesar de que la traducción en sí no precisa, de forma estricta, una competencia tecnológica, bien es cierto que, en la actualidad, es prácticamente imposible imaginar el trabajo de un traductor que no hace uso de los medios tecnológicos para conseguir trabajo, poder gestionarlo, abarcar mayor volumen en menor tiempo o diferenciarse de la competencia ofreciendo servicios añadidos. Esta necesidad de adecuación al mundo laboral la menciona Ferreira Alves⁴, que afirma que es importante que la formación de traductores sea tan polivalente y versátil como se pueda; y que esté orientada a las nuevas profesiones «satélite» y a las tareas añadidas derivadas de la traducción tradicional. Por este motivo, pensamos que enseñar a traducir con la tecnología siempre presente (de forma integral y no por medio de asignaturas separadas sobre tecnologías aplicadas), no solo facilitaría la inserción de los estudiantes de Traducción en mundo

laboral, sino que también ayudaría, durante su formación, a hacer frente al miedo que muchos le tienen al manejo de las herramientas informáticas especializadas y fomentaría una exposición de la actividad más cercana a la que se lleva a cabo en la realidad, fuera del aula.

La complejidad que implicaría enseñar traducción en un contexto tecnológico, concretamente mediante la localización de webs, no debería contemplarse con recelo. Torres del Rey⁵ sostiene que los modelos de enseñanza y aprendizaje integrales [en el que la didáctica, la traducción y la tecnología se unen] no solo tratan de hacer frente a la complejidad que pueden surgir en los procesos, sino que esos mismos retos sirven, precisamente, como motivación que anima al estudiante a querer seguir aprendiendo.

Este mismo autor⁶, sugiere utilizar la localización como una herramienta pedagógica en las etapas de aprendizaje inicial o intermedia como medio para adquirir competencias de traducción. Según su punto de vista, en vez de considerar la localización como un tipo especializado de traducción, el naturalizar la localización en la enseñanza de la traducción puede hacer que los estudiantes adquieran nuevas percepciones sobre conceptos y técnicas importantes que son útiles para todos los tipos de traducción.

Pasemos, pues, a nuestra pequeña ejemplificación simulada de propuesta metodológica de traducción mediante localización web basada en la combinación lingüística ruso-español, donde resaltaremos qué subcompetencias se ponen de manifiesto. Para este artículo, hemos seleccionado un sitio web en lengua rusa atendiendo a lo siguiente:

- Debía ser un sitio web originalmente en lengua rusa y descargado como web estática, que no implicara conocimientos de localización avanzados.
- En cuanto al contenido, la web debía incluir textos de temática no especializada, ya que la propuesta está pensada para asignaturas de traducción general. En este caso, hemos elegido el ámbito temático del turismo.
- Estudiantes a los que iría dirigida: grupo de unos quince alumnos, nativos de español o de ruso.
- Plan de estudios: para esta muestra concreta, se trataría de las dos primeras asignaturas de traducción general RU>ES. Actualmente, estas asignaturas suelen impartirse en España durante el tercer año de grado.
- Recursos y soportes: aula informatizada con un proyector central conectado al ordenador del profesor. Los alumnos contarán con su propio ordenador o utilizarán uno de la sala.
- Para resaltar los aspectos pedagógicos y competenciales de la localización para la traducción, hemos partido de las competencias de traducción del grupo PACTE⁷ y de los elementos que se ponen de manifiesto cuando la localización se emplea con fines didácticos de traducción de Torres del Rey⁸.

Muestra de proyecto: localización de un sitio web que ofrece guías turísticos privados por San Petersburgo

- Dirección del sitio web: piter-ekspert.ru⁹.
- Descripción del encargo: *La empresa rusa de excursiones Piter Ekspert quiere ofertar excursiones privadas con guía a grupos de turistas españoles que viajen a San Petersburgo. Por ello, nos solicita la localización de su sitio web.*

- Observaciones generales del sitio web: Se trata de una web sencilla desde el punto de vista técnico, que contiene bastante texto y pocos elementos gráficos que necesiten adaptación.
- Forma de trabajar: El proyecto se realizará conjuntamente en clase, en un solo grupo de todos los alumnos y el profesor. Aunque nos han encargado, en teoría, una localización total de la web, nosotros vamos a localizar las características de solo dos excursiones, junto con el resto de menús y las características generales de todas las excursiones, que se localizarán por completo.

Relación de las competencias que se movilizarían con este encargo:

Subcompetencia estratégica previa

- Análisis del proyecto y decisión de las herramientas que se van a necesitar: En estos proyectos, traduciremos las webs con Trados y también usaremos algún programa de edición de gráficos, como GIMP.
- Estimación del tiempo que nos llevará realizarlo, con los problemas que pudieran surgir, el control de calidad de la web final, etc.: De forma orientativa, hemos estimado seis horas (equivalente a tres clases), por ser el primer encargo del curso y por la necesidad de familiarización con los procesos.
- También, pensaremos a qué compañeros nos dirigiríamos en caso de problemas (por ejemplo, a los hablantes nativos de ruso si surgiera algún problema de comprensión).

Subcompetencias bilingüe y extralingüística

Aspecto: Adaptación de las convenciones fraseológicas, discursivas y pragmáticas del ruso al español. **Ejemplo:** *Символом Санкт-Петербурга являются разведенные над Невой мосты.* **Traducción literal:** ‘*Símbolo de San Petersburgo son levadizos sobre el Nevá puentes.*’. **Adaptación fraseológica:** ‘*Los puentes levadizos sobre el río Nevá son un símbolo de San Petersburgo.*’

Subcompetencia de búsqueda y documentación

Aspecto: Búsqueda de la denominación oficial en español de los lugares que se mencionan en el contenido. **Ejemplo:** *Эрмитаж (Зимний дворец).* **Traducción literal:** ‘*Hermitage (Palacio de Invierno)*’. **Adaptación:** ‘*Museo del Hermitage (con sede en el Palacio de Invierno)*’.

Subcompetencia tecnológica:

- Uso de herramientas de TAO (Trados) y de herramientas que se usan en localización, como editores de gráficos (GIMP) y de páginas web, como Adobe Dreamweaver:

En la página principal, debajo de «excursiones privadas», aparece el siguiente símbolo (Figura), que lleva a la página de la empresa en la red social rusa VKontakte.

Como se trata de un elemento intersemiótico que un usuario español no comprendería, utilizaríamos el programa Adobe Dreamweaver para añadir junto a él una aclaración como esta: *Haga clic aquí para visitar nuestra página en la red social VKontakte (contenido en ruso)*. Aquí también entrarían en juego otras subcompetencias, como la estratégica y la extralingüística (conocer qué significa ese símbolo).

Индивидуальные экскурсии

Figura. Uno de los iconos de la red social rusa VKontakte. Elaboración propia a partir de Piter Ekspert (2019)

Además, nos percatamos de que, en la página principal, el texto que acompaña a la imagen no se lee bien. Para solucionarlo, proponemos comentarle el problema al cliente y proponerle una solución, como aclarar la imagen para intentar que el texto se leyera mejor (subcompetencia de conocimiento sobre traducción o subcompetencia profesional).

Subcompetencia estratégica durante el proceso de localización

En la página «Contacto», vemos un enlace en el que pone, literalmente, *Nosotros encontacto (Мы вконтакте)*. En realidad, se trata de un juego de palabras que quiere decir *Estamos en contacto* y, al mismo tiempo, *Estamos en VKontakte* (la red social rusa que hemos comentado). Sugerencia de adaptación lingüística y cultural: mantener el hipervínculo, pero haciendo una aclaración similar a la que decidimos anteriormente: *Acceso a nuestra página en la red social VKontakte (contenido en ruso)*.

Conclusiones

Pensamos que la introducción de la localización web en la enseñanza de la traducción tendría, además de reforzar las subcompetencias de traducción, implicaría la enseñanza de la traducción desde la concepción inclusiva de traducción que implica la localización, es decir, donde, según el proyecto, se tenga que recurrir a actividades como el contenido adaptado, la transcreación o la localización de imágenes; lo que le aportaría al estudiante una visión más global de la profesión. Por otro lado, promovería el hábito de trabajo con herramientas informáticas para traducir, sin las que no puede concebirse la profesión moderna del traductor, desde la etapa de aprendizaje. Por último, fomentaría la motivación desde tres ejes principales: por un lado, por el entorno multimedia en que se trabaja, que suele ser atractivo para los estudiantes; por otro, por los retos que implica trabajar con proyectos distintos y, además, por la autenticidad de los proyectos, que aportarían a los estudiantes unas habilidades realmente aplicables en el mundo laboral.

Creemos que nuestro tema, la mejora de la enseñanza de la traducción a través de la localización, es, de alguna forma, atrevido, ya que todavía existe, también entre los docentes, un cierto desconocimiento sobre los conceptos y

las posibilidades de la localización, que en muchos casos lleva a denominarla, injustamente, «traducción de géneros en formato electrónico»¹⁰. Sin embargo, estamos convencidos de que tanto este como otros estudios sobre el tema conseguirán, como mínimo, que la localización se conciba desde una perspectiva más amplia e, independientemente del nivel de conformidad con nuestras propuestas, creemos firmemente que fomentaremos la necesidad de adaptar la enseñanza a los nuevos tiempos y de acercarla lo máximo posible a los requisitos y tendencias de la profesión.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sierra Mérida I. Mejora de la enseñanza de la traducción a través de la localización: una propuesta didáctica con la combinación lingüística ruso-español. Instituto Superior de Estudios Lingüísticos y Traducción. Sevilla, 2017. 89 p.

² PACTE. La competencia traductora y su adquisición. Quaderns: Revista de Traducció 6. Barcelona, 2001. P. 39–45.

³ Jiménez-Crespo M. A. Translation and Web Localization. Oxon: Routledge, 2013. P. 173.

⁴ Ibid. P. 183.

⁵ Torres-del-Rey J. La interfaz de la traducción: formación de traductores y nuevas tecnologías. Granada: Comares, 2005. P. 98.

⁶ Torres-del-Rey J. The Proper Place of Localisation in Translation Curricula: an Inclusive Social, Object-Driven, Semiotic-Communicative Approach. En David B. Sawyer, Frank Austerlühl y Vanessa Enríquez Raído (eds.), The Evolving Curriculum in Interpreter and Translator Education. Amsterdam: John Benjamins, 2019. P. 28.

⁷ PACTE... P. 39–45.

⁸ Torres-del-Rey J. Op. cit. P. 28.

⁹ Питер Эксперт. Индивидуальные экскурсии по Санкт-Петербургу [en línea] // Питер Эксперт: [piter-ekspert.ru]. [San Petersburg, 2019]. URL: <http://piter-ekspert.ru/> (última consulta: 26 de mayo de 2019).

¹⁰ Montalt i Resurreció V. La traducción de géneros electrónicos: el caso de la localización. Panorama actual de la investigación en traducción e interpretación. Editado por Emilio Ortega Arjonilla et al., 313–328 [en línea] [Málaga, 2011]. URL: <http://revistes.uab.cat/tradumatica/article/view/n12-melby-fields-hague-et-al/pdf> (última consulta: 19 de mayo de 2019).

Sierra Mérida I.

Russian-Spanish translator, Spain

IMPROVING TRANSLATION TEACHING BY USING LOCALISATION: A TEACHING PROPOSAL BASED ON THE RUSSIAN-INTO-SPANISH LANGUAGE PAIR

After having compared the skills that are activated when translation and localisation are carried out, we came to the conclusion that the advantages offered by localisation, particularly of websites, can improve translation teaching. To illustrate our theory, this article includes a brief fragment of a teaching proposal based on web localisation, which describes in detail the competences and aspects that stand out in a Russian-into-Spanish web localisation project sample.

Keywords: didactics; translation; localisation; Russian; Spanish.

Химич Галина Александровна

Российский университет дружбы народов, Россия

Khimich-ga@rudn.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ КУРСА «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА» ДЛЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

В данной статье проводится анализ преподавания испанского языка по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» студентам с основной специальностью «Международные отношения». Автором описывается специфика обучения по курсу «Теория и практика перевода» студентов нефилологических специальностей, общая стратегия построения учебных планов, позволяющая достичь на завершающем этапе наилучших результатов, выявляются сложности и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: перевод; обучение переводу; теория и практика перевода; перевод в сфере международных отношений; обучение иностранному языку; испанский язык.

Современные требования к переводу сегодня, в век глобализации, настолько высоки, а ответственность переводчика так велика, что обеспечение качественного бытового, юридического, военного, дипломатического, научно-технического, медицинского перевода без специальной подготовки переводчика становится практически невозможным. В этой связи современный формат диплома переводчика, используемый во многих вузах России, «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», полностью отвечает требованиям времени, поскольку обеспечивает не только лингвистическую, но и профильную подготовку (подробнее см. об этом см. статью Г. А. Химич «В поисках смысла»¹).

С изменением формата выдаваемого диплома и появлением новых задач формирования не столько универсального переводчика, но специалиста, ориентированного именно на профессиональный перевод, появились новые стратегии обучения в высшей школе. В соответствии с новыми задачами была изменена программа курсов и учебные планы. В данной статье мы анализируем опыт последнего десятилетия работы по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» со студентами специальности «Международные отношения» в Российском университете дружбы народов в рамках одного из важнейших курсов последнего года обучения — «Теория и практика перевода».

Курс «Теория и практики перевода» обычно является заключительным в общих рабочих планах обучения по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Тем не менее, для любого преподавателя иностранных языков очевидно, что за один семестр невозможно научить студентов качественному переводу. Очень важно, чтобы обуче-

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РУДН «5–100»

ние переводу проводилось с начального этапа. Основопологающим в советской, а затем российской методологической стратегии преподавания испанского языка являлось обучение языку «по-переводчески», то есть, с учетом всех достижений компаративной лингвистики и частной теории перевода с иностранного языка на русский. При выборе учебника для начального этапа в высшей школе основопологающим, на наш взгляд, является следование этой традиции преподавания на начальном этапе.

Мы считаем, что огромная работа, проделываемая учеными по сопоставлению языков и по компаративному анализу особенностей их функционирования, должна быть отражена в учебниках грамматики начального уровня. При сопоставлении с родным языком как грамматических и синтаксических конструкций, так и лексики, а также при постоянной практике упражнений на билатеральный перевод у студента с первых занятий под четким контролем преподавателя закладываются основы, формируются знания, умения и навыки грамотного перевода как с иностранного языка на русский, так и с русского на иностранный. Доказательством тому может служить тот факт, что все, кто изучал иностранный язык без посредства русского с носителями языка, в языковой среде или в лингвистических школах в стране изучаемого языка, где все объяснение происходило непосредственно на иностранном языке без учета достижений компаративной лингвистики теории перевода, имеют значительно большие трудности именно в области перевода.

Даже при прекрасном владении иностранным языком, беглости речи и отсутствии сложностей в аудировании, люди, не изучающие технику перевода с начального этапа обычно не показывают высоких результатов в переводе. Нередко можно услышать такие фразы, как: «Не знаю, как это сказать по-русски», «Я уже давно живу в стране», в переводе используются испанские слова и имена собственные, имеющие устоявшиеся русские аналоги, перевод зачастую получается «корявым» и не отвечает нормам, предъявляемым сегодня мировым сообществом к профессиональному переводу. Происходит это именно потому, что с начального уровня в сознание не было заложено норм языкового соответствия на всех уровнях, от лексического (в том числе, перевод фразеологии и терминологии), до грамматического и синтаксического. А отсутствие системного курса по теории и практике перевода, который обычно читается только в высшей школе, влечет за собой незнание норм перевода, правил допустимости и нарушение переводческой и профессиональной этики.

Отработка техники перевода на продвинутом этапе также очень важна и должна стать одной из задач всех без исключения курсов на протяжении всего процесса обучения. Работа по технике перевода с разными типами текста в рамках многочисленных курсов гарантирует успешное освоение студентом различных техник при работе с устными и письменными, в особенности, с профессиональными текстами.

Последние 10 лет в рамках общей дисциплины «Испанский язык» на секции испанского языка факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, где ведется преподавание для будущих дипломатов и специалистов в области «Международных отношений», студентам читаются различные курсы, целью которых является диверсификация учебного материала. Основой каждого курса является определенный тип текста, курсы имеют свои цели и задачи, что предоставляет студентам возможность постичь языковое многообразие. Также в рамках каждого курса отрабатываются определенные навыки, делается больший упор на аудирование, устную или письменную коммуникацию, усвоение материала или отработку навыка записи лекций, чтения, осмысленного или просмотрового, а также усваиваются различные пласты лексического материала. Например, на 2 и 3 году обучения в рамках одной дисциплины «испанский язык» студенты проходят столь разные по характеру используемого материала аспекты, как: «Грамматика», «Язык испанской прессы», «Язык специальности (дипломатия и международные отношения)», «Домашнее чтение (художественная литература)», «Обучение аудированию и говорению с помощью испанских фильмов», «История, культура и литература Испании».

Важно, чтобы к завершающему этапу обучения у студента были сформированы навыки перевода различных типов текстов. В этом случае курс «Теория и практика перевода» станет финальным обобщением и закреплением полученных в процессе обучения практических знаний, умений и навыков, завершающим этапом полноценного обучения, направленного на формирование квалифицированного специалиста в области профессионального перевода.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при чтении курса «Теория и практика перевода» студентам, обучающимся по специальности «Международные отношения» и по иным нефилологическим специальностям. В отличие от филологов, студенты иных специальностей не владеют базовым терминологическим аппаратом, что не дает возможности преподавателю опираться на профессиональные знания в области языкознания и текстологии при объяснении материала.

Еще более сложной является проблема непонимания студентами нефилологических специальностей особенностей и потенциальных возможностей текста, например, полисемантической, интертекстуальности, способности к языковой игре. Поэтому перед преподавателем встает задача не только научить переводить текст, но, в первую очередь, научить «читать» текст, осознавая его сложную структуру и полисемантическую, декодируя его глубинные смыслы.

За 15 лет преподавания курса «Теория и практика перевода» студентам нефилологических специальностей мы пришли к выводу, что наи-

большую сложность для усвоения студентами представляют такие очевидные для филолога темы, как:

- разница в переводах художественного, делового, научного и публицистического текстов. Основные типы перевода;
- несовпадение лексических единиц в разных языках и семантических полей;
- различия в переводе и вольной интерпретации;
- семантические пустоты в тексте и способы их перевода.

Одним из основополагающих моментов для студентов специальности «Международные отношения» является усвоение этики профессионального перевода, а также пределов допустимости в преобразовании текста. Возможно, именно на эти два аспекта следует обращать особое внимание. Специалист в области международных отношений, помимо умения переводить, должен четко знать разницу, уметь проводить четкую границу между переводом и другими видами языкового посредничества, знать сферы допустимого использования адаптивного транскодирования, понимать обязанности переводчика и даже знать место положения переводчика при работе с делегацией. Студент-международник должен владеть знаниями и навыками использования тем «Диапазон переводческих выборов», «Детерминизм и ограничение в переводе»², «Авторские возможности в переводе», «Способы нейтрализации культурологической идентичности».

В практической части курса необходимо обратить особое внимание на устный перевод, как с одного языка на другой, так и на билатеральный перевод, поскольку эта сфера, возможно, будет одной из важнейших в последующей работе специалиста по международным отношениям. Основными сложностями в этой работе становятся:

- желание студентов на начальном этапе тренировки техники перевода переводить лексические единицы, а не смысл высказывания;
- не выработанные еще в процессе обучения навыки удерживания в краткосрочной памяти объема информации;
- неумение распознавания семантических акцентов текста;
- недостаточные навыки аудирования, не позволяющие студентам с легкостью понимать акценты представителей различных регионов Испании и Латинской Америки;
- неумение сконцентрироваться на переводе, внимание к экстралингвистической информации окружающего контекста.

Учитывая описанные сложности, практической работе с устным переводом мы отводим не менее месяца в рамках семестрового курса.

Тренируя письменный перевод, важно обратить внимание студентов на различие техник в переводе художественном, научном и профессиональном. Мы рекомендуем начать именно с художественного, так как для студентов нефилологических специальностей это самый сложный тип текста, но при этом именно художественный текст демонстрирует студенту все возможности языка, учит его внимательно относиться к ме-

тафорам и другим средствам художественной выразительности, к многозначности и интертекстуальности, то есть формирует в них внимательное отношение к слову, отучает от «необдуманного» перевода.

В рамках данной статьи нам удалось лишь обозначить основные векторы работы по курсу «Теория и практика перевода» со студентами высшей школы специальности «Международные отношения». Тем не менее, большое количество наших выпускников, проходящих практику, а затем успешно работающих в посольствах стран Латинской Америки и Испании в России, а также Российской Федерации в Испании и Латинской Америке показывают, что выбранная стратегия работы по модулю «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» правильна и дает свои положительные результаты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Химич Г. А. В поисках смысла (к вопросу о точности художественного перевода) // Теория и практика перевода. М.: Тезаурус, 2008. Вып. 1 (4). С. 63–70.

² Подробнее об этом см.: Иовенко В. А. Практический курс перевода. Международные отношения. Испанский язык. Учебник. М.: Р. Валент, 2009; Иовенко В. А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. Учебник. М.: ЧеРо, 2005.

Khimich G. A.

Peoples' Friendship University of Russia, Russia

«TRANSLATION THEORY AND PRACTICE» COURSE ISSUES FOR «INTERNATIONAL RELATIONS» SPECIALTY STUDENTS

Article describes teaching Spanish language for «Translator in professional communication» programme for «International relations» speciality students. Author describes specific issues that non Philological specialty students meet during study «Translation theory and practice» course, general strategy studying plans construction that allows to reach best results on the final stage of translation teaching programme, difficulties and ways of its solving.

Keywords: translation; teaching translation; translation theory and practice; translation in International relationship sphere; teaching of foreign language; Spanish language.

*The publication has been prepared
with the support of the "RUDN University Program 5–100".
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.*

СОДЕРЖАНИЕ

1. Теория и практика перевода литературных произведений: мировые тенденции и национальные школы

1. Teoría y práctica de la traducción literaria: tendencias globales y escuelas nacionales

Абакумова О. В.

Значение интерференции в межкультурной коммуникации
на уровне звучащей речи / Esencia de los obstáculos en la
comunicación intercultural al nivel del habla oral 5

Берри М.

Доместикация, форенизация и эксплуатации
в двух переводах «Шинели» / Domesticación, extranjerización
y explotaciones en dos traducciones de «Шинель» 9

Богданова О. А., Корнилова Е. Н.

Специфика перевода мистико-религиозной поэзии
(на примере переводов духовной лирики Сан Хуана де ла Крус) 17

Гаска Эрнандес М.

О некоторых трудностях перевода
современной русской литературы 24

Де Месса Перес М.-Т.

Издатели и переводчики как культурные посредники:
испанские переводы русских произведений,
впервые переведенные издательством Хогарт Пресс
в блумсберийском кружке / Editores y traductores como
mediadores culturales: traducciones castellanas de obras rusas
llevadas al inglés por The Hogarth Press 28

Денисова А. П.

О переводе языковых единиц с русским национально-культурным
компонентом с испанского языка на русский 34

Кузнецова Н. М. Он ходил меж нами... (пьеса А. В. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске»).....	40
Кутьева М. В., Торосян Л. Д. Цветы в лирике Федерико Гарсиа Лорки и их перевод на русский язык / Flores en la lírica de García Lorca y su traducción al ruso	44
Мирзоева Л. Ю., Сюрмен О. В. Проблема воссоздания культурного кода «еда» в турецко-русском переводе	50
Мориллас Ж. Достоевский в Испании. Мифы и реальность / Dostoievski en español. Mitos y realidades	55
Мухамедзянова Д. Ш. Особенности переводов стихотворений испанского поэта Густаво Адольфо Беккера на русский язык	62
Нелюбова Н. Ю. Аксиологический аспект изучения эквивалентов русских, французских и испанских пословиц на тему «счастье-несчастье» ..	69
Прокопович Н. Ю. Заимствования в публицистическом тексте (лингвоимагологический аспект).....	75
Проценко И. Ю. Русская литература в изгнании / Literatura Rusa en exilio.....	79
Разумовская В. А. Пушкинская Испания в оригинале и переводах: проблемы адаптации и реконструкции	86
Фернандес-Вальдес Х. Сравнение четырех переводов повести «Крейцера соната» Л. Н. Толстого / Comparación de cuatro traducciones de Sonata a Kreutzer de Lev Tolstói	92
Хрусталева М. А. Анализ вербальной репрезентации концепта AMOR как предпереводческий анализ поэтического произведения (на примере стихотворений Октавио Паса)	98
Чертоусова С. В. Стратегия доместикации при переводе художественных произведений с русского на испанский язык в аспекте диахронии	104

2. Специальный перевод: научное описание, инструментарий

2. Traducción especializada: descripción científica, instrumentos

Биккинина Э. И. Проблема перевода термина «предложный падеж» на испанский язык	113
Гербек Е. Э. Проблемы перевода как части локализации сайтов в сфере музеев и других объектов культурного туризма.....	117
Горожанкина Т. Н. Сравнительно-сопоставительный анализ техник и стратегий перевода культурем туристических текстов.....	123
Козел Н. П. Паломнический туризм в зеркале переводческих решений	128
Мамедова А. Д. кызы Локализация как современный прием перевода.....	134
Матьцин А. И. Об опыте создания всеиспанско-русского и русско-всеиспанского юридического интернет-словаря	137
Маш М. Л. Грамматическая «метафора» как способ передачи значения запланированного действия в испанском, русском и английском языках	141

3. Справочные ресурсы и вопросы подготовки переводчиков

3. Recursos y herramientas en la traducción

Амлинская Ю. Р. Использование ИКТ в обучении переводу	147
Богданова Л. И. Русский язык для речевых действий в программе подготовки переводчиков	150
Ильюкевич-Яновская А. П. Перевод в обучении ELE: практический пример с русскоязычными студентами EOI № 1 г. Сарагосы	156
Кутькова А. В. ¿Sabes lo que te digo? vs Знаешь что?: проблема речевого стереотипа в аспекте лингводидактики и перевода	164

Куцубина Е. В.

Ты или Вы? Грамматический или прагматический аспекты при обучении студентов испанско-русскому переводу?171

Ломакина О. В.

Роль толкового словаря в переводе культурно маркированных единиц: к проблеме выбора лексикографического источника (на примере лексем *смирение* и *смиренномудрие*)175

Соколова Л. В.

Национально ориентированный мультимедийный образовательный ресурс для испаноязычных студентов «Русская литература в мировом образовательном процессе» (на испанском и русском языках).....179

Сьерра Мерида И.

Совершенствование обучения переводу с использованием локализации: модель обучения на основе русско-испанских языковых пар / Mejora de la enseñanza de la traducción a través de la localización: una propuesta didáctica con la combinación lingüística ruso-español184

Химич Г. А.

Преподавание курса «Теория и практика перевода» для студентов специальности «Международные отношения»189

Научное издание

**ОБРАЗ МЫСЛИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКО-ИСПАНСКОГО
И ИСПАНО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА /
MODOS DE PENSAR:
CUESTIONES ACTUALES DE TRADUCCIÓN
RUSO-ESPAÑOL / ESPAÑOL-RUSO**

**Материалы Первой международной
научно-практической конференции
(6–7 сентября 2019 года, Испания, г. Малага)**

ISBN 978–5–6043747–1–9

9 785604 374719

Оригинал-макет
М. С. Шишков

Подписано в печать 17.03.2020.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура Школьная.
Усл. печ. л. 12,4.

Тираж 100 экз. (CD)